

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 12.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Изложеніе ученія Церкви католической православной, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ. В. Гетте.	771—781
Наши новые „философы и богословы“ (продолженіе). Т. Стоянова . . .	782—826

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Отношеніе апологетовъ Восточной Церкви II вѣка къ языческой философіи.	
А. Сергіевскаго	585—614
Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія (окончаніе). Профессора Московской духовной академіи В. Кудравцева	615—627
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). Н. К.	628—635

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Журналъ комиссін, учрежденной для обсужденія мѣръ къ исполненію указа Святѣйшаго Синода о прекращеніи вымогательства духовенства при требованіяхъ.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи за 1885/6 учебный годъ.—Такіе-же списки воспитанниковъ Харьковского и Купянскаго духовныхъ училищъ.—Такой-же списокъ и краткій отчетъ Харьковского Епархіальнаго женскаго училища.—Отъ Харьковского Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

1886.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жпзни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бярюковыхъ и Д. Н. Полухтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Іюля 1 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ИЗЛОЖЕНІЕ УЧЕНІЯ

Церкви католической православной, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ *).

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Не обширный трудъ, который мы издаемъ въ свѣтъ вторично, имѣлъ не малый успѣхъ. Первое французское изданіе въ 2000 экземпляровъ разошлось давно.

Изданія нашего сочиненія въ переводахъ на большую часть европейскихъ языковъ разошлись быстро. Не менѣе 25,000 экземпляровъ были приобрѣтены читателями отчасти въ Европѣ, отчасти въ Америкѣ, а также православными въ Азіи. Это сочиненіе было переведено и на арабскій языкъ, для православныхъ, говорящихъ на этомъ языкѣ.

На греческомъ языкѣ сочиненіе наше издано съ замѣчательнымъ тщаніемъ г. Маркомъ Балабановымъ, министромъ князя Болгарскаго. Тотъ-же самый писатель перевелъ это сочиненіе и на свой національный языкъ, т. е. на болгарскій.

Румыновъ съ нашимъ сочиненіемъ познакомилъ въ своемъ переводѣ преосвященный Іосифъ, Галацкій епископъ, переложившій также на румынскій языкъ и наше „Parauté schismatique“. Да

---

*) Полное заглавіе этого сочиненія на французскомъ языкѣ: Exposition de la doctrine de l'Eglise catholique orthodoxe accompagnée des différences, qui se rencontrent dans les autres eglises chrétiennes par Wladimir Guettée, Prêtre et docteur en theologie de l'Eglise orthodoxe de Russie. Deuxième édition revue par l'auteur. Paris—Bruxelles. 1884.

встрѣтитъ достопочтенный епископъ благосклонно открытое выраженіе почтенія, которое мы приносимъ ему здѣсь. Уваженіе, которое онъ оказалъ нашимъ трудамъ и намъ самимъ, есть одна изъ самыхъ лучшихъ наградъ, какой только мы могли-бы желать за свои труды.

Успѣхъ нашего труда тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что мы не дѣлали извѣщенія въ журналахъ, что онъ былъ обнародованъ въ странѣ враждебной православію, и что мы не пользовались услугами отъ книгопродавцевъ. Издатели почти не обращаютъ вниманія на труды, которые назначены только для избранной публики и которые не могутъ принести имъ много денегъ.

Мы не рѣшались дѣлать втораго изданія, не взирая на неоднократно получаемыя нами требованія, до тѣхъ поръ, пока одна православная княгиня не написала намъ, что она желаетъ содѣйствовать второму изданію матеріальной поддержкой.

Мы желали-бы. открыто выразить почтеніе православної ревнительницѣ, которой мы обязаны теперешнимъ нашимъ изданіемъ. Но ея скромность запрещаетъ намъ ее назвать, ибо въ добромъ дѣлѣ она не желаетъ, чтобы ея лѣвая рука знала, что дѣлаетъ правая. Пусть Отецъ Небесный, Который видитъ чувствованія сердца и добрыя дѣла, самыя сокровенныя, вознаградить ее за это и въ семъ мірѣ и будущемъ.

Мы должны мимоходомъ сказать, что переводъ испанскій былъ обнародованъ даже безъ упоминанія нашего имени.

Мы могли-бы потребовать удовлетворенія у тѣхъ переводчиковъ, мало внимательныхъ, которые издали нашъ трудъ, не получивши отъ насъ на это права; но мы предпочли привести себѣ на память слѣдующую мысль св. Павла: если только имя Христа проповѣдется, сего достаточно; нѣтъ надобности обращать особое вниманіе на проповѣдника *).

Мы по прежнему оставляемъ въ началѣ этого изданія посвященіе, которое блаженной памяти Ея Императорское Величество Марія Александровна благосклонно приняла. Издавая снова въ свѣтъ нашъ трудъ, мы желаемъ въ то же время выразить благоговѣйно-воспоминаніе и объ Августѣйшемъ супругѣ Ея—Императорѣ Александрѣ II, этомъ великомъ мученикѣ ужаснаго нигилизма, ибо ихъ имена не разлучны въ почитаніи и любви истинно православныхъ. Да благоизволятъ намъ достойные преемники ихъ, Государь Але-

*) Филлп. 1, 18.

ксандръ III и Императрица Марія Ѳеодоровна, присоединить также и ихъ имена къ имени ихъ высокопочитаемой матери и представить имъ нашъ скромный трудъ, какъ свидѣтельство нашего глубокаго почитанія.

Dr. В. Гетте.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Ея Императорскому Величеству Маріи Александровнѣ,
Императрицѣ всея Россіи.

Государыня!

Я исполняю долгъ, посвящая Вашему Императорскому Величеству „Изложеніе ученія Церкви католической православной“, какъ достойной и благочестивой супругѣ единого Монарха, который славенъ званіемъ покровителя истинной Церкви и возвеличиваетъ это званіе своею вѣрой и своими добродѣтелями.

По волѣ Божественнаго провидѣнія, Государыня, Церковь имѣетъ два періода своего существованія: въ началѣ она была Церковью мучениковъ, безъ опоры внѣшней; послѣ нашла покровительство у государей могущественныхъ, которые, по примѣру св. Константина Великаго, считали за честь быть внѣшними епископами (*évêques extriers*), т. е. защитниками Церкви въ земныхъ условіяхъ ея существованія. Богъ восхотѣлъ такимъ образомъ дать людямъ свидѣтельство, что Церковь можетъ быть мучимою, не вызываясь къ возмущенію, быть покровительствуемою безъ пожертвованія хотя въ малой части своимъ ученіемъ,—могущественною, безъ домогательства власти политической.

Ничего подобнаго не было внѣ истинной Церкви.

Исторія доказываетъ, въ самомъ дѣлѣ, что среди пастырей разныхъ церквей не православныхъ—одни обнаруживаютъ притязанія на власть политическую, не совмѣстную съ обязанностями священной іерархіи; другіе взывали къ поддержкѣ власти временной, чтобы дать вѣсъ своимъ доктринамъ; нѣкоторые пожертвовали истиной въ виду несправедливыхъ и насильственныхъ требованій; иныя, которыхъ не малое число, производили смуты и жестокія междоусобія, въ то же время представляя себя защитниками религіи. Истинная Церковь Иисуса Христа не пострадала рѣшительно отъ этихъ страстей человѣческихъ. Всегда смиренная и подчиненная, она избрала за благо быть распинаемою лучше, какъ Спаситель, чѣмъ

защищать себя мечемъ; всегда вѣрная въ сохраненіи *божественнаго залога*, который ей былъ ввѣренъ, она никогда не жертвовала ни одною истиною насильственнымъ требованіямъ. Она никогда не дѣлала злоупотребленія изъ покровительства, которое ей было оказываемо, для того, чтобы выйти изъ своего положенія чисто духовнаго общества.

Должно сказать также для славы Государей Россіи, что они никогда не требовали отъ Церкви святотатственнаго угодничества въ обмѣнъ за ихъ покровительство, и что они всегда были прославляемы за то, что были покорными сынами православія. Рядомъ съ этимъ великимъ, зависящимъ отъ Провидѣнія, фактомъ, о которомъ вѣщаетъ вся жизнь истинной Церкви, я усматриваю другое славное благо для племени славянскаго вообще и для Россіи въ частности: я разумю то, что Богъ призвалъ ее къ истинѣ въ ту самую эпоху, когда западные народы были увлечены въ отдѣленіе отъ Церкви,—отдѣленіе, которое имѣло послѣдствія столь гибельныя. Не дерзая испытывать неисповѣдимыя судьбы Божіи, можно думать, что Россія призвана къ высокому поприщу въ земныхъ судьбахъ Церкви. Не должно-ли видѣть доказательство этого въ томъ политическомъ вѣсѣ, который она имѣетъ въ наши дни подъ водительствомъ ея великодушнаго Императора; въ томъ перевѣсѣ, которымъ она обладаетъ на Западѣ, какъ и на Востокѣ; въ совпаденіи ея успѣховъ съ упадкомъ этого папскаго могущества, которое было главною причиною отдѣленія отъ Церкви Запада?

Я неоднократно удивлялся этому совпаденію и нахожу въ немъ всегда новыя побужденія приносить благодареніе Богу въ томъ, что онъ мнѣ открылъ чрезъ Россію двери своей истинной Церкви.

Счастливы тѣмъ, что принадлежу къ православію, я желалъ-бы подѣлиться моимъ счастіемъ съ другими; вотъ почему я посвящаю этому святому дѣлу всѣ силы и всю способность къ дѣятельности, которая даруетъ мнѣ Богъ. Съ этою именно цѣлію я писалъ тотъ трудъ, который я осмѣливаюсь посвятить, Государыня, Вашему Императорскому Величеству. Не будетъ-ли онъ въ состояніи, при благословеніи Божіемъ, оказать пользу православнымъ, которые недостаточно цѣнятъ счастье быть рожденными въ истинной Церкви; христіанамъ, которые приняли отъ своихъ отцовъ въ наслѣдство заблужденія и предразсудки; тѣмъ, которые не вѣрують въ откровеніе Божественное и которые ищутъ въ тысячахъ системъ истины, которая имъ предлагаетъ святая Церковь, правимая Богомъ.

Я уповаю, Государыня, что съ благословеніемъ Божіимъ покро-

вительство Вашего Императорскаго Величества дастъ возможность моему смиренному труду принести благіе плоды. Ваше Имя, которое поставлено въ началѣ, развѣ не можетъ свидѣтельствовать въ его пользу достаточно могущественно? Покровительство Вашего Императорскаго Величества привлечетъ къ нему вниманіе и сдѣлаетъ его такимъ образомъ гораздо болѣе полезнымъ. Вотъ по какому побужденію я возымѣлъ мысль посвятить мой трудъ Вашему Императорскому Величеству. Я желалъ-бы также, Государыня, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы принести Вашему Императорскому Величеству дань глубокаго почитанія, столь законно принадлежащаго Августѣйшей Государынѣ, которая въ своемъ лицѣ заставляетъ чтить святое православіе, -- которая чтитъ Церковь своимъ сердечнымъ благочестіемъ, своими свѣтлыми качествами, своими очевидными для всѣхъ добродѣтелями, своею просвѣщенною ревностію въ распространеніи знанія христіанскихъ истинъ.

Имѣю честь быть,

Государыня,

Вашего Императорскаго Величества
смирнѣйшій и послушнѣйшій слуга

Владиміръ Тенинъ,

священн. и докторъ богословія Церкви
Православной, Русской.

Парижъ. 10/22 Марта 1866 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нашей главной цѣлію при обнародованіи настоящаго труда было содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, великому дѣлу единенія церкви. Убѣжденный, что это единеніе не можетъ осуществиться иначе, какъ на почвѣ полнаго православія, я предпринялъ изложить ученіе достойной почитанія Церкви католической восточной, которая съ полнымъ правомъ объявляетъ, что сохранила отъ Иисуса Христа залогъ откровенія неповрежденнымъ и чистымъ отъ всякой примѣси человѣческой. Не возможно отрицать, что эта Церковь имѣетъ не прекращающееся бытіе отъ временъ апостольскихъ. Въ такой-же мѣрѣ неоспоримо и то, что не возможно указать въ ея существованіи моментъ времени хотя-бы для одного нововведенія. Эти два факта достаточно говорятъ о томъ, на сколько ея свидѣтельство должно имѣть авторитетъ въ глазахъ истинныхъ христіанъ, пониманію которыхъ доступно, что откровеніе *есть фактъ* и что смыслъ

(la raison) этого факта заключается въ свидѣтельствѣ ясномъ и непреложномъ.

Христіанство не философская система, которую каждый имѣеть право толковать, какъ ему угодно. Іисусъ Христосъ возвѣстилъ ученіе *положительное*; Его ученіе есть фактъ, который, какъ всѣ факты, долженъ опираться на свидѣтельствѣ постоянномъ, дабы быть принимаемымъ за истинное. Всякій вопросъ объ ученіи въ христіанствѣ возводится такимъ образомъ къ *вопросу объ этомъ фактѣ*: Іисусъ Христосъ возвѣстилъ это, или другое ученіе? Какъ возможно отвѣтить на подобный вопросъ, какъ не при помощи непрерывнаго свидѣтельства христіанскаго общества, *единого* въ своемъ бытіи, *неизмѣннаго* въ своей вѣрѣ, *непоколебимаго*, какъ скала, среди всякихъ измышлений, всякихъ фантазій человѣческаго ума? Гдѣ можно найти такое христіанское общество, какъ не въ Церкви католической восточной? Церковь римская заявляетъ притязаніе быть подобнымъ обществомъ; но тутъ является исторія, отмѣчая моменты ея послѣдовательныхъ нововведеній въ ученіи догматическомъ, такъ-же какъ и въ ея устройствѣ.

Церковь англиканская и различныя церковныя общества протестантскія посягаютъ на утвержденіе, что они возобновили въ шестнадцатомъ вѣкѣ связи, соединяющія ихъ съ Церковью первоначальною, христіанскою; но они не могутъ отрицать слѣдующихъ двухъ поразительныхъ фактовъ: 1) что доктрина, которую они провозгласили, какъ истинную, въ эпоху своего реформаторства, не есть то ученіе, которое они исповѣдывали въ вѣкѣ предшествующемъ; 2) что то, что они объявили истиннымъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, было основано только на библейскихъ толкованіяхъ, не отличавшихся характеромъ непогрѣшимости.

Сіи церкви столь-же мало могутъ оспаривать и этотъ послѣдній фактъ, — что онѣ допустили толкованія различныя о самыхъ основныхъ вопросахъ христіанской вѣры, и что онѣ, еще и въ наши дни, представляютъ зрѣлище противорѣчій самимъ себѣ.

Всѣ церкви западныя съ девятаго до шестнадцатаго вѣка исповѣдывали ученіе римской церкви, а иныя изъ нихъ имѣютъ нѣкоторыя доктрины, не миращіяся съ ея доктринами. Они не могутъ, слѣдовательно, имѣть притязанія на историческое бытіе *единое и непрерывное*. Ученіе откровенное не было для нихъ *наслѣдіемъ*, полученнымъ и переданнымъ *безъ поврежденія* отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ Іисуса Христа до нашихъ дней.

Въ одной только Церкви католической восточной христіанство

было наслѣдіемъ съ подобными характеристическими чертами; вотъ почему ея теперешнее свидѣтельство равносильно свидѣтельству вѣка апостольскаго. Ея ученіе есть вѣрный отголосокъ писаній и проповѣди апостоловъ, учительства отцовъ, опредѣлений вселенскихъ соборовъ. Она присутствовала при всѣхъ тѣхъ преобразованіяхъ, которымъ подвергли христіанство на Западѣ. Будучи древнѣе церкви римской, она была свидѣтельницею всѣхъ дѣяній папства и отмѣтила въ этихъ дѣяніяхъ послѣдовательно идущія нововведенія, она присутствовала при возникновеніи всѣхъ церквей, всѣхъ сектъ и, среди движеній въ сторону противнаго Церкви пониманія, которыя волновали умы, она пребывала неизменною, неизмѣнно вѣрною этому внушенію св. Павла: *арми завѣтъ*.

Вотъ это-то ученіе этой достойной почитанія Церкви мы и приняли за благо изложить. Наша цѣль не въ томъ, чтобы виолнѣ защищать это ученіе; потому-то мы и не представляемъ всѣхъ доказательствъ отъ писанія и преданія, которыя борются съ врагами въ пользу ея истинности. Наше вниманіе обращено только къ тому, чтобы изложить ея ученіе съ точностію.

Мы никакъ не имѣемъ этой притязательной мысли, что совершили трудъ безупречный; еще менѣе ласкаемъ мы себя надеждою на то, что представили это возвышенное ученіе въ его божественномъ величіи; вмѣстѣ съ тѣмъ мы сохраняемъ намѣреніе дополнить нашъ трудъ и исправить его сообразно съ замѣчаніями, которыя благоволятъ сдѣлать намъ наши отцы и братья по вѣрѣ. Мы трудились съ такою заботливостію и тщаніемъ, какія для насъ были возможны; но кто можетъ успокоивать себя надеждою на безошибочность и способность обнимать, въ полнотѣ и во всемъ ихъ существѣ, всѣ вопросы божественной философіи, пришедшей съ неба?

Въ нашихъ планахъ не было излагать ученіе Церкви. Мы слѣдовали, въ части догматической, символу Никео-Константинопольскому, сопровождая каждый членъ поясненіями сколь возможно краткими. Послѣ части догматической мы дали толкованіе нравовъ ученія, потомъ внѣшняго порядка церковной жизни, а наконецъ литургіи. Этотъ методъ возлагалъ на насъ обязанность дѣлать нѣкоторыя повторенія. Но мы почитали за лучшее возвращаться, хотя бы и многократно, къ тому-же самому предмету, чѣмъ обращаться къ помощи ссылокъ, всегда неприятныхъ для читателей. Напр. толкуя слова: *Творца небу и земли, видимымъ же всемъ и невидимымъ*, мы должны были говорить не только о двухъ мірахъ—видимомъ и невидимомъ, но и объ отношеніяхъ того и другаго:

мы возвращались къ этимъ отношеніямъ всякій разъ, какъ этого требовало дѣло. Повторенія такого рода, допущенныя нами то тамъ, то здѣсь, образуютъ цѣлостное представленіе, дополняясь одни другими; въ чемъ будетъ легко убѣдиться изъ чтенія хотя бы и не очень внимательнаго.

Замѣтятъ здѣсь, что мы не говоримъ о церкви американской. Это мы дѣлаемъ потому, что она есть та-же церковь англиканская, отъ которой она произошла.

Мы отличаемъ эту послѣднюю отъ церквей протестантскихъ, потому что она имѣетъ для себя основу совсѣмъ особенную. Извѣстно, что протестанты отвергаютъ священство, сообщаемое посвященіемъ, между тѣмъ какъ церковь англиканская допускаетъ не только посвященіе, какъ средство для сообщенія благодати священства, но и три священныя степени—епископства, священства, и діаконства, какъ образующія *существенную* іерархію церкви.

Подъ протестантствомъ мы разумѣемъ только совокупность общинъ лютеранскихъ или кальвинскихъ, которыя полагаются исключительно на индивидуальное толкованіе Библии; которыя не имѣютъ священства, передаваемого чрезъ благодать рукоположенія, но только духовныя должности, возлагаемыя на извѣстныхъ лицъ вѣрующими, или представителями этихъ вѣрующихъ.

Замѣтятъ также, что мы помѣстили церковь армянскую между церквами, представляющими истинную Церковь. Это не должно быть понимаемо въ абсолютномъ смыслѣ, но только съ точки зрѣнія охраненія святаго ученія и божественнаго устройства Церкви. Въ самомъ дѣлѣ церковь армянская, удалившись отъ Церкви восточной и западной въ эпоху Халкидонскаго собора, и, слѣдовательно, по простому недоразумѣнію, не принимала никакого участія въ общей жизни Церкви съ этой эпохи, и осталась поставленною такимъ образомъ въ *положеніе отдѣлившихся*. Вопреки такому положенію она пребыла неизмѣнно преданною первоначальнымъ преданіямъ вѣры, и она находится еще и теперь въ согласіи относительно ученія съ Церковью католическою восточною. Съ этой-то точки зрѣнія только мы и показали ее, какъ представляющую истинную Церковь,—такую, какою она существовала въ своемъ единствѣ въ пятомъ вѣкѣ.

Мы должны указать источники, изъ которыхъ мы преимущественно черпали для того, чтобы составить подлежащее сочиненіе.

Въ отношеніи къ Церкви православной мы имѣли нужду только въ Св. Писаніи, св. отцахъ и вселенскихъ соборахъ; ибо тамъ за-

ключены подлинныя источники ея вѣроученія. Однако, дабы провѣрить наше собственное изученіе, мы тщательно справлялись съ *Окружнымъ посланіемъ патріарховъ восточныхъ*, отправленнымъ къ Пію IX; съ *Пространнымъ православнымъ катихизисомъ*, составленнымъ преосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ,—одобреннымъ Святѣйшимъ Всероссійскимъ Синодомъ и переведеннымъ на греческій языкъ съ одобренія патріарховъ; съ „*Введеніемъ въ Православное Богословіе*“ и съ „*Догматическимъ Богословіемъ*“ преосвященнаго Макарія,—трудомъ ученымъ, достойнымъ быть руководственною книгою для самыхъ ученыхъ богослововъ.

Въ отношеніи къ церкви римской мы слѣдовали декретамъ Тридентскаго собора и катихизису того же собора, принимая во вниманіе послѣдовательныя видоизмѣненія, привнесенныя въ доктрину буллами папъ и различными богословскими трудами, которыя пользовались благоволеніемъ Рима и римскаго епископата. Эти произведенія могутъ быть по справедливости разсматриваемы, какъ отголосокъ теперешняго ученія въ церкви римской. Мы укажемъ только на труды Лигуоріо, кардинала Гуссэ, іезуита Гюри, и между буллами, видоизмѣнившими ученіе Тридентскаго собора, буллы Unigenitus и Ineffabilis, Энциклику отъ 1864 г. съ Силлабусомъ, присоединеннымъ къ нему, а также акты собора въ Ватиканѣ.

Если-бы стали оспаривать одно какое-либо изъ нашихъ положеній относительно ученія Церкви римской, мы имѣемъ средства доказать ихъ съ помощію официальныхъ документовъ, исшедшихъ отъ папства, посланій епископскихъ и богословскихъ сочиненій, общеодобренныхъ въ церкви римской.

Что касается церкви англиканской, мы должны были обратиться въ этомъ случаѣ прежде всего къ *книжкѣ молитвъ*, которая содержитъ катихизисъ и тридцать девять членовъ вѣры или религій. Такъ какъ въ этихъ членахъ, обнародованныхъ для всеобщаго руководства излагаются догматическія вѣрованія англиканской церкви относительно спорныхъ пунктовъ между нею и римскою церковію, то мы признали ихъ за подлинное изложеніе вѣры, и должны были принять ихъ за главное основаніе въ томъ, что имѣли сказать объ этой доктринѣ.

Поставивши себѣ цѣлю сколько возможно устранить препятствія, которыя противодѣйствуютъ единенію церковей англиканской и американской съ Церковію католическою восточною, мы усвоили себѣ разумѣніе наиболѣе православное, какое только могутъ представить члены; мы также пользовались трудами, обнародованными

„обществомъ англо-континентальнымъ“, для ознакомленія съ учениемъ церкви англиканской на континентѣ.

Въ отношеніи къ церквамъ протестантскимъ мы должны были положить въ основаніе *исповѣданіе вѣры Аугсбургское и Ларошельское*; но такъ какъ эти документы болѣе не служатъ вѣрнымъ выраженіемъ доктринъ современнаго протестантства, то мы должны принять во вниманіе труды замѣчательнѣйшіе, обнародованные въ наши дни наиболѣе извѣстными теологами протестантскими. Мы должны признаться, что мы нашли столько-же протестантскихъ вѣроисповѣданій, сколько писателей, и мы должны были удовольствоваться нѣсколькими общими данными, которыя намъ казались наиболѣе общепринятыми.

Мы не имѣли въ намѣреніи выставлять на показъ въ этомъ трудѣ нашу ученость. Предпринятый нами трудъ не *ученая* книга въ общепринятомъ значеніи этого слова, но въ немъ есть опредѣленность, точность, ясность, — качества въ силу которыхъ онъ можетъ найти читателей столько-же въ свѣтскомъ обществѣ, сколько и въ средѣ признанныхъ теологовъ; въ немъ не найдется чего-либо выше пониманія людей и не достаточно просвѣщенныхъ.

Успѣли-ли мы въ этомъ? Не намъ объ этомъ говорить. Но хотя нашъ трудъ и не безъ недостатковъ, однако мы надѣемся, что онъ будетъ принятъ тѣмъ съ болѣею благосклонностію, что мы имѣли въ виду только быть полезными и готовы воспользоваться всѣми справедливыми замѣчаніями, какія благоволятъ намъ сдѣлать въ видахъ исправленія нашего труда.

Кончая эти предварительныя замѣчанія, мы не можемъ не заявить, что мы не заподозриваемъ расположеній членовъ христіанскихъ обществъ, находящихся въ отдѣленіи отъ Церкви православной. Мы признаемъ заблужденіями всѣ тѣ доктрины, которыя не находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ вѣрою истинной Церкви, но мы не желали-бы вѣрить, что всѣ тѣ, которые заблуждаются, суть рѣшительные *еретики*. Прежде всего для того, чтобы заблужденіе сдѣлалось ересью, надлежитъ, чтобы Церковь, хранительница истины откровенной, открыто объявила заблужденіе противнымъ божественному догмату. Для того, чтобы быть *еретикомъ*, нужно поддерживать вопреки вѣроопредѣленіямъ Церкви мнѣніе противоположное истинѣ откровенной. Человѣкъ, который заблуждается, можетъ быть человѣкомъ чистосердечнымъ и достойнымъ извиненія; еретикъ-же есть человѣкъ горделивый и бунтующій, который заслуживаетъ осужденія.

Мы желаемъ вѣрить, что въ церквахъ отдѣлившіхся больше людей простодушно заблуждающихся, чѣмъ упорныхъ еретиковъ. Вотъ почему мы предлагаемъ имъ нашъ скромный трудъ съ истинно братскою любовію. Мы просимъ читать его съ такою-же искренностію, съ какою мы его писали; и мы уповаемъ, что, если дѣйствительно голосъ истины заставляетъ себя слышать, *они не ожесточатся въ своемъ сердцѣ* и не отвергнутъ свѣта, который готовъ просвѣтить ихъ разумѣніе.

Если эта скромная книга принесетъ съ собою хотя нѣкоторое благо, мы возблагодаримъ Бога, Который часто пользуется самыми смиренными людьми для совершенія своихъ чудесъ.

В. Жемле.

Священникъ и докторъ богословія
Православной русской Церкви.

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

(Продолженіе *).

Теорія развитія догматовъ г. Соловьева можетъ-ли привести къ возстановленію союза между Церквами восточною и западною?

Священное Писаніе и священное преданіе, изъясняемая святою Церковію въ традиціонно-апостольскомъ духѣ—вотъ основной и единственный источникъ догматовъ, по ученію восточныхъ богослововъ. Совершенно иначе смотритъ на это дѣло г. Соловьевъ. Когда онъ докторально говоритъ намъ: „католическая церковь, какъ извѣстно и г. Стоянову, вмѣстѣ съ нами (!) признаетъ, что все истины христіанской вѣры заключаются въ первоначальномъ богодарованномъ откровеніи, въ такъ называемомъ у западныхъ богослововъ *залогъ вѣры* (*depositum fidei*) и что обязанность Церкви (состояла или состоитъ къ томъ, чтобы) неизмѣнно хранить этотъ божественный залогъ и назидаться имъ“; когда затѣмъ утверждаетъ, что его собственное первоначальное и неизмѣнное откровеніе, заключающее въ себѣ сущность всехъ дальнѣйшихъ догматическихкихъ опредѣленій, весьма похоже на тотъ *depositum fidei*, о которомъ говорятъ и католическіе богословы, и сводитъ его въ концѣ концовъ только къ одному *перводогмату совершен-*

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 10.

ной богочеловѣчности, въ немъ-же логически (!) заключается вся полнота истины: тогда, на нашъ взглядъ, г. Соловьевъ высказываетъ такія положенія, съ которыми не можетъ согласиться не только православный, но и католическій ортодоксальный богословъ. Если подѣ *depositum fidei* г. Соловьева надобно разумѣть первоначальную апостольскую проповѣдь, устную или письменную, законченную и заключенную въ концѣ перваго или началѣ втораго вѣка въ полномъ составѣ божественнаго откровенія какъ въ видѣ Св. Писанія, такъ и въ видѣ священнаго преданія: то Церковь обязана была не только хранить и назидаться имъ, но и *знать* его вполне и преподавать вѣрующимъ *во всей полнотѣ*. Она обязана была знать и преподавать его вѣрующимъ не только тогда, когда возникали новыя и новыя заблужденія, угрожавшія христіанской истинѣ съ новыхъ и новыхъ сторонъ, какъ думаетъ г. Соловьевъ; но обязана была знать всегда безъ всякаго выѣшняго повода, для себя самой съ самаго перваго момента своего существованія. Иначе она не могла-бы пребывать совершенною ни сама, ни другихъ вести къ совершенству. Между тѣмъ г. Соловьевъ не хочетъ признавать этого, думаетъ вывести все догматы логическимъ путемъ изъ первоdogмата, какъ залога вѣры. Такимъ образомъ онъ лишаетъ Св. Писаніе и священное преданіе *законоположительнаго* характера и смотритъ на нихъ, какъ на „сокровище богословской мысли“, недоступное пока для этой мысли. Почему-же такъ? Потому что, по нему, даже и въ наше время это сокровище еще не подверглось желаемой г. Соловьевымъ спекулятивной или научной обработкѣ. Онъ говоритъ, что „апостолы учили христіанъ весьма многому и словомъ и посланіями своими“; но „сокровища богословской мысли, находящіяся въ посланіяхъ Апостола Павла (*и надобно думать, въ посланіяхъ другихъ апостоловъ, равно какъ и во всемъ апостольскомъ преданіи*), еще не исчерпаны христіанскою наукою“. Отсюда открывается, что лѣнивая или слишкомъ медленная въ своемъ развитіи христіанская наука мѣшаетъ св. Церкви въ наше время надлежащимъ образомъ пользоваться сокровищемъ богооткровенной пе-

тины, мѣшаетъ ей несомнѣнно знать божественные догматы и со всею строгостію сохранять ихъ. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?... Въ такой-ли зависимости стоитъ св. Церковь отъ христіанской науки въ дѣлѣ познанія богооткровенной истины, какъ объ этомъ думаетъ г. Соловьевъ?... Конечно, нѣтъ! Унизительно было-бы думать подобнымъ образомъ о святой Церкви. Во всякомъ случаѣ все это совершенно противорѣчитъ и настойчивымъ увѣщаніямъ апостоловъ хранить преданія въ полномъ объемѣ, и прямой заповѣди ихъ знать писанія и углубляться въ нихъ: потому что *всяко писаніе боговдохновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: да совершится будетъ Божій человекъ на всяко дѣло благое уготованъ* (2 Тит. III, ст. 16, 17). *О, Тимошей, говоритъ еще Апостоль, храни преданное тебѣ, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословія лжеименнаго знанія, которому предавшись нѣкоторые уклонились отъ вѣры* (1 Тимѣ. VI, 20—21). Если-же г. Соловьевъ подѣ *depositum fidei* разумѣетъ символы вѣры апостольскихъ временъ, какъ, напримѣръ, восточные патріархи называютъ залогомъ вселенской вѣры символъ никео-константинопольскій *), то на эти символы (мы допускаемъ существованіе и развитіе ихъ въ вѣкѣ апостольскій) никакъ нельзя смотрѣть, какъ на полныя сборники догматовъ апостольскихъ временъ, т. е. никакъ нельзя думать, что кромѣ упоминаемыхъ въ символѣ догматовъ для вѣрующихъ не было другихъ общеобязательныхъ, опознанныхъ догматическихкихъ истинъ во времена апостольскія. Не учили-ли апостолы вѣрующихъ устно и письменно и многимъ другимъ догматическимъ истинамъ, кромѣ находившихъ себѣ мѣсто въ символахъ? Могли-ли вѣрующіе, непосредственно наставляемые апостолами, не признавать эти другія истины общеобязательными? Если-же вѣрующіе не въ силахъ были опознать ихъ, то почему не обращались за разъясненіемъ раньше соборовъ непосредственно къ апосто-

*) „Окружн. посланіе единой, святой, соборной и апостольской Церкви ко всѣмъ правосл. христіанамъ“. С. П.-б. 1859, стр. 8.

ламъ? Нѣтъ, на символы никакъ нельзя смотрѣть, какъ на сборники *единственно* опознанныхъ догматическихъ истинъ. Символы были только млекою для принимаемыхъ въ Церковь, начатками вѣры (*ἀρχὴ τοῦ Χριστοῦ λόγου*) (Евр. VI, 1—2, Дѣян. XVIII, 5), а не твердою пищею для совершенныхъ (1. Кор. 11, 6). При томъ-же и изъ символовъ, не принимая во вниманіе всего Св. Писанія и св. преданія, нельзя вывести логически, путемъ спекулятивнаго опознанія, всѣхъ тѣхъ догматическихъ истинъ, которыя несомнѣнно признавались догматическими въ періодъ до-никейскій. Пусть попытается, на примѣръ, г. Соловьевъ вывести логически изъ такъ называемаго символа апостольскаго все то догматическое ученіе, которое излагаетъ св. Діонисій Александрійскій въ своей апологіи, несомнѣнно писанной имъ, какъ извѣстно, въ защиту своего правосмыслія. Сохраняемъ крѣпкую увѣренность, что нашъ уважаемый оппонентъ, при всей своей несомнѣнной способности къ богословской спекуляціи, не въ состояніи будетъ этого сдѣлать. А между тѣмъ св. Діонисій Александрійскій скончался болѣе чѣмъ за шестьдесятъ лѣтъ до перваго вселенскаго собора. Мы должны замѣтить еще, что и тѣ немногія догматическія истины, которыя содержались въ первоначальныхъ апостольскихъ символахъ, г. Соловьевъ самъ-же лишаетъ общеобязательнаго характера, по крайней мѣрѣ, до начала вселенскихъ соборовъ. Ибо кѣмъ были опознаны и опредѣлены эти символы въ дособорный періодъ? Какой вселенскій голосъ раздавался въ ихъ защиту? Если-же этотъ голосъ несомнѣнно существовалъ и его можно было слышать ясно до вселенскихъ соборовъ, то почему г. Соловьевъ, вмѣсто того, чтобы открыть свой покорный слухъ къ ученію этого голоса, измышляетъ свою догматическую теорію и признаетъ догматомъ лишь то, что опознано и опредѣлено на вселенскихъ соборахъ? почему вселенскимъ соборамъ усвоитъ какую-то особенную благодать въ дѣлѣ опознанія и опредѣленія догматовъ? Повторяемъ, кто хочетъ найти всѣ догматы спекулятивно при посредствѣ вселенскихъ соборовъ, въ одной какой-либо религіозной истинѣ, кто отвергаетъ мысль о томъ, что на этихъ собо-

рахъ лишь давалось свидѣтельство объ общепринятыхъ въ Церкви догматахъ: тотъ, какъ мы сказали, умаляетъ законоположительный характеръ Св. Писанія и св. преданія, превращая ихъ въ какой-то запасной, запертый, недѣйствующій капиталъ, и вынуждается сократить число общепринятыхъ догматовъ, какъ въ дособорный, такъ и въ послѣсоборный періодъ, потому что и на вселенскихъ соборахъ не все же догматы опознаны, разъяснены и опредѣлительно выражены и формулированы. Не говоримъ уже о правоучительныхъ богооткровенныхъ истинахъ, которыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ помѣстно-соборныхъ опредѣленій, принятыхъ и на вселенскихъ соборахъ, не подвергались рѣшительно никакому опознанію и опредѣленію, а между тѣмъ общеприняты и досточтимы во всей вселенской Церкви и по настоящій день. Вообще мы должны замѣтить, что вселенскіе соборы появились въ Церкви довольно поздно, спустя три вѣка послѣ начала христіанства. Уже-ли во весь этотъ длинный періодъ времени вѣрующіе лишены были возможности знать и исповѣдовать твердыя догматическія истины, при всемъ своемъ добромъ желаніи? Какая историческая неправда!... Нѣтъ, вселенскіе соборы не были какимъ-то новымъ, особеннымъ обнародованіемъ въ Церкви догматовъ. Соборная форма жизни была и есть общая, основная форма жизни во вселенской Церкви, такъ что, сравнительно съ этою формою жизни *соборной* (т. е. вселенской) и апостольской Церкви, сами вселенскіе соборы были только выраженіемъ оной, а не чѣмъ-либо высшимъ, стоящимъ надъ всею Церковью въ качествѣ особаго органа, сообщающаго Церкви то, чего она сама въ себѣ не имѣла; соборная форма существовала въ Церкви до появленія въ ней вселенскихъ соборовъ и выражалась, какъ и теперь выражается, тѣмъ живымъ и непрерывнымъ взаимоотноеніемъ, которое всегда существовало между всеми помѣстными церквами; поэтому ничто не мѣшало и не мѣшаетъ вѣрующимъ знать несомнѣнныя христіанскія истины какъ до вселенскихъ соборовъ, такъ и послѣ этого времени. Но пойдѣмъ дальше.

Спекулятивное богословіе, чтобы совершить свое шествіе по пути развитія догматовъ, должно прежде всего признать эти догматы за какія-то неясныя, неопредѣленныя и даже лишь предположаемыя религіозныя истины, не имѣвшія никакого общеобязательнаго догматическаго характера до своего опредѣленія на вселенскихъ соборахъ. Иначе вся дѣятельность спекулятивнаго богословія оказалась бы излишнею. И вотъ оно съ своею спекуляціею смѣло вторгается въ свѣтлую область откровенія, ищетъ темноты или полусвѣта тамъ, гдѣ, по выраженію одного поэта, „умъ молчитъ, а сердцу ясно“ и гдѣ допускается дѣятельность разума только вполнѣ плѣненнаго въ послушаніе вѣрѣ Христовой, и такимъ образомъ сразу впадаетъ въ коренное противорѣчіе съ общимъ характеромъ христіанства. Прекрасно говорятъ нании богословы *), что всякая другая религія, кромѣ христіанской, стремится быть мистеріей, окружаетъ себя обаяніемъ и привлекательностію таинственности. Одно христіанство есть ясное *откровеніе* Божества міру и стремится дать все то знаніе Божества, Его законовъ и велѣній, какое только возможно и доступно для людей всегда, вездѣ и во всякое время. Всякая другая религія дѣйствуетъ болѣе повелѣніемъ и устрашеніемъ, положительною властію внѣшняго закона и обаяніемъ внѣшняго культа. Одно христіанство обращаетъ прежде всего и главнѣйшимъ образомъ, къ свободному человѣческому сознанію, къ его вѣрѣ, обѣщая одной только вѣрѣ даровать полноту боговѣдѣнія. *Аще не увѣруете*, говоритъ намъ Слово Божіе, *не имате разумѣти* (Ис. гл. VII, ст. 9). *Вѣрою разумѣемъ*, говорили о себѣ и Его Апостолы. И именно изъ этой вѣры выводили все свое боговдохновенное ученіе. *Вѣруемъ, тѣмъ же и глаголемъ*, говорили они (2 Кор. IV, 13). А между тѣмъ спекулятивное богословіе вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ успивается ввести характеръ логической вынужденности и въ свободную область человѣческаго сознанія, и въ лицѣ нашего оппонента простираетъ

*) „Исторія первобытной христ. проповѣди“. Стр. 32, 33.

свое усиленіе или требованіе до такой степени, что не признаетъ откровенной истины общеобязательною, догматическою, по крайней мѣрѣ, до опознанія и опредѣленія ея на вселенскихъ соборахъ. Упрекая, напр., эмпирическое или традиціонное богословіе въ отвлеченности, излишней догматичности, г. Соловьевъ говоритъ: „традиціонная теологія, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, лишена двухъ признаковъ необходимо входящихъ въ полное понятіе истины; во-первыхъ, она исключаетъ свободное отношеніе разума къ религіозному содержанію, свободное усвоеніе и развитіе разумомъ этого содержанія; во-вторыхъ, она не осуществляетъ своего содержанія въ эмпирическомъ матеріалѣ знанія. Въ этой величественной системѣ религіозныхъ истинъ недостаетъ свободного развитія человѣческаго разума и богатаго знанія матеріальной природы, а между тѣмъ и то и другое необходимо“. Отсюда, какъ думаетъ г. Соловьевъ, и происходитъ то явленіе, что традиціонная теологія опредѣляетъ истину только какъ догматъ вѣры и такимъ образомъ превращаетъ эту истину въ отвлеченный догматизмъ, (будто-бы) отрицательно относящійся и къ разуму, и къ наукѣ. Но это, по его мнѣнію, явленіе ненормальное. „Такой отвлеченный догматизмъ, говоритъ онъ далѣе, заключаетъ въ себѣ очевидное внутреннее противорѣчіе. Въ области теологіи мы познаемъ истину, какъ абсолютную или божественную, но именно абсолютная, божественная истина и не можетъ быть одностороннею, исключительною; она должна быть всею истиной, должна быть всеѣмъ во всеѣмъ. Поэтому, разъ дано мышленіе и опытъ, разъ нашъ субъектъ относится ко всему не только мистически (т. е. религіозно), но также рационально и эмпирически, абсолютная истина должна проявиться и въ этихъ отношеніяхъ, должна распространиться и на нихъ, должна стать истинною разума и опыта, въ противномъ случаѣ она не будетъ уже абсолютною“ *). Итакъ, гдѣ нѣтъ этого знанія, логической вынужденности знанія, гдѣ нѣтъ если

*) См. „Русскій Вѣстникъ“ 1880 г. Т. 145, стр. 394—396.

ужь не полнаго опознанія религіозной истины, то, по крайней мѣрѣ, первоначальнаго, даруемаго на вселенскихъ соборахъ, — тамъ нѣтъ абсолютной истины, тамъ нѣтъ догмата, тамъ нѣтъ общезобязательнаго ученія. Что-же такое тамъ есть? Тамъ существуютъ, разумѣется, на первыхъ порахъ, неясныя, неопредѣленныя, неразчлененныя религіозныя мысли (очевидно, ихъ нельзя назвать истинами), и даже не мысли, а скорѣе предощущенія религіозной истины; тамъ скользитъ въ душѣ первоначально одинъ свѣтлый лучъ исторически явившейся богочеловѣчности; но этотъ лучъ не можетъ сразу освѣтить всего содержанія религіознаго сознанія, а потому дробится на многія, едва уловимыя для сознанія искорки, на многія неясныя и неопредѣленныя мысли; и если лучъ не гаснетъ или не тонетъ совершенно въ этомъ мракѣ или полумракѣ религіознаго сознанія, если изъ этихъ раздробленныхъ искорокъ образуются затѣмъ какимъ-то чудомъ новыя свѣтлыя лучи или даже пучки лучей, то это благодаря лишь жизненности спекулятивнаго богословія и опознательной дѣятельности вселенскихъ соборовъ. Правду-ли однако говоритъ намъ г. Соловьевъ? Рѣшительно нѣтъ! Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ его, что будто-бы въ Церкви вселенской первоначально существовали, да и теперь существуютъ, религіозныя истины неопредѣленныя, темныя, переходящія изъ „скрытаго состоянія въ явное“ и что поэтому только въ будущей Церкви надобно ожидать, какъ выражается онъ, „явнаго обнаруженія истины изначала сокрытой въ глубинѣ ея духа“ (стр. 763). Подобное положеніе намъ представляется крайне неудачнымъ и крайне ошибочнымъ примѣненіемъ или введеніемъ философской, т. е. Шеллинговой мысли въ свѣтлую область откровенія. Именно Шеллингъ говоритъ: „всякое рожденіе есть рожденіе изъ тьмы въ свѣтъ: зерно должно быть погребено въ землѣ, дабы изъ него умершаго во тьмѣ могъ возникнуть прекрасный, свѣтлый образъ и раскрыться въ сіяніи солнечныхъ лучей. Человѣкъ образуется въ материнскомъ тѣлѣ, и изъ тьмы того, что еще не заключаетъ въ себѣ разсудка, рождаются свѣтлыя мысли“. Намъ-же кажется,

что вѢра христіанская сама въ себѣ какъ въ началѣ, такъ и теперь вполне свѣтоносна, ясна и обладаетъ несомнѣннымъ, возвышающимся надъ всякимъ сомнѣніемъ вѣдѣніемъ; иначе христіанское откровеніе потеряетъ свой существенный характеръ откровенія и, слѣдовательно, божественности и превратится въ какое-то темное ученіе, не проникающее въ человѣческое сознание, хотя-бы то и на извѣстное время, т. е. до появленія теософіи, или, по крайней мѣрѣ, до появленія вселенскихъ соборовъ. Самъ Спаситель называетъ себя свѣтомъ (Іоан. 8, ст. 12) и этотъ свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и никакая тьма Его не обнимаетъ (Іоан. 1, ст. 5); вмѣстѣ съ этимъ и каждый вѣрующій въ Него, каждый принимающій Его ученіе долженъ быть признанъ причастникомъ свѣта. *Въруйте во свѣтъ*, говоритъ Спаситель, *да сынове свѣта будете* (Іоан. 12, ст. 36). Согласно съ этимъ и Апостолы учили, что тьма прошла и свѣтъ истинный уже сіяетъ (Іоан. 2, ст. 8), что вѣрующихъ Спаситель призвалъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ (1. Петр. 2, ст. 9), что принявшіе этотъ свѣтъ суть сынове свѣта (1. Сол. 5, ст. 5) и должны *яко чада свѣта ходити* (Ефес. 5, ст. 8). Въ какомъ-же отношеніи находится свѣтъ этой вѣры къ нашему разуму, къ нашему пониманію? Безъ сомнѣнія, въ такомъ-же, въ какомъ обыкновенный свѣтъ находится къ предметамъ видимаго міра. Онъ освѣщаетъ собою все предметы нашего познанія, подобно тому, какъ обыкновенный свѣтъ освѣщаетъ все предметы видимаго міра, куда только онъ можетъ проникнуть и гдѣ не встрѣчаетъ преградъ для своего появленія. Поэтому и Спаситель не отдѣляетъ вѣры отъ разумѣнія. Онъ указываетъ, напримѣръ, на дѣла свои, чтобы все могли познать и повѣрити, яко Отецъ въ Немъ и Онъ въ Отцѣ (Іоан. 10, ст. 38). Да и Апостолы говорили, что Господь *хочетъ всемію человекомъ въ разумъ истины прийти* (1. Тим. 2, ст. 4), что поэтому Христосъ далъ намъ *свѣтъ и разумъ* (1. Іоан. 5, ст. 20), и что въ вѣрѣ во Христа мы должны *обогащаться всякимъ словомъ и всякимъ познаніемъ* (1. Кор. 1, ст. 5). Конеч-

но, какъ въ наше время, такъ и во времена Апостоловъ можно было встрѣчать людей, *не разумѣвшихъ ни яже глаголютъ, ни о нихъ-же утверждаютъ* (1. Тим. 1, ст. 7); но Апостолы строго различали, происходило-ли это неразумѣніе отъ недостатка естественныхъ или духовныхъ дарованій, или отъ злонамѣренности. И тогда, какъ людямъ съ недостаточными дарованіями говорили: *еще кто не разумѣаетъ, да не разумѣаетъ* (1. Кор. 14, ст. 38), т. е. не лишали ихъ ради неразумѣнія общенія съ вѣрующими и разумѣющими христіанами; или-же давали слѣдующій совѣтъ: *„если у кого изъ васъ недостаетъ мудрости: тотъ да проситъ у Бога, Который даетъ всѣмъ просто, не упрекая, и дается ему“* (Іак. 1, ст. 5); совершенно иначе относились они къ людямъ, намѣренно затемнявшимъ или извращавшимъ ясное разумѣніе христіанскихъ истинъ. Объ этихъ послѣднихъ людяхъ они говорили: *еретика чловѣка по первому и второму наказанію отрицайся*, относились къ нимъ строго сами и запрещали вѣрующимъ находиться въ общеніи съ ними. Вообще же, въ отношеніи ко всѣмъ вѣрующимъ, Апостолы требовали, чтобы *„всѣ были совершенны во всей полнотѣ, безъ всякаго недостатка* (Іак. 1, ст. 4), чтобы возрастали въ познаніи Господа (2 Петр. 2, ст. 20), чтобы не было среди нихъ раздѣленій и чтобы всѣ соединены были въ одномъ духѣ и *въ однихъ мысляхъ“* (1. Кор. 1, ст. 10). Намъ кажется, что изъ приведенныхъ нами словъ божественнаго откровенія до очевидности слѣдуетъ, что вѣру Христову, возвѣщенную намъ божественнымъ Учителемъ и Его Апостолами, никакъ нельзя назвать неясною, темною и какъ-то скрытою первоначально, какъ бываетъ, напримѣръ, скрыта, а потому неясна и темна, теплота въ неорганическихъ и органическихъ тѣлахъ, которая, только по переходѣ своемъ въ разрѣшенное или свободное состояніе, становится ясною и открытою; намъ кажется, что вѣра Христова, и первоначально возвѣщенная, обладала вполнѣ достаточною ясностію, вразумительностію и полнотою. Если-же Апостолы и учителя первенствующихъ хри-

стіанъ восходитъ отъ свѣта къ свѣту, отъ силы вѣры къ силѣ вѣры; то это касалось субъективнаго усвоенія вѣры, открытой намъ божественнымъ Учителемъ и Его Апостолами, а не объективнаго расширенія горизонта богооткровенной истины. По нашему мнѣнію, неблагоговѣйно думать, будто Христосъ возвѣстилъ намъ первоначально религіозную истину, которую Онъ слышалъ отъ вѣчности въ нѣдрахъ Отчихъ, въ какомъ-то неясномъ, неопредѣленномъ и недокопченномъ видѣ, и, слѣдовательно, не совершенно исполнилъ волю Отца Небеснаго, состоявшую въ просвѣщеніи людей, во тьмѣ и сѣни смертной сидящихъ; неблагоговѣйно думать, будто Онъ предоставилъ Себѣ и даже Своимъ послѣдователямъ власть докончить все это въ періодъ вселенскихъ соборовъ, а можетъ быть и гораздо позже, т. е. въ періодъ появленія повѣйшей теософіи; неблагоговѣйно также думать, будто эту неясную, неопредѣленную и смутную вѣру проповѣдали затѣмъ боговдохновенные и наученные Самимъ Христомъ Его Апостолы, о которыхъ Самъ Онъ сказалъ, что *имъ дано есть въдати тайны царствія Божія* (Мѡ. 13, ст. 11); неблагоговѣйно, наконецъ, думать, что вѣкъ апостольскій не есть образцовый, единственный и идеальный или лучше—чрезвычайный какъ по силѣ вѣры, такъ и по разумѣнію вѣры. По нашъ почтенный оппонентъ отодвигаетъ идеаль вѣры не ко временамъ прошедшимъ, не къ апостольскому вѣку, а ко временамъ будущимъ, ко временамъ вселенскихъ соборовъ, а можетъ быть и гораздо дальше. Въ чемъ-же состоитъ ошибка нашего оппонента? Гдѣ скрывается корень нашихъ разногласій? По нашему мнѣнію основное разногласіе наше происходитъ изъ того, что г. Соловьевъ не хочетъ отождествить вѣру, непосредственно преподаванную Иисусомъ Христомъ и Его апостолами, съ *научнымъ* выраженіемъ или разъясненіемъ этой вѣры, начавшимся или продолжавшимся въ періодъ вселенскихъ соборовъ, и въ чрезмѣрномъ возвышеніи этой послѣдней вѣры въ ущербъ уваженія къ первой. Именно въ этомъ-то пристрастіи къ научному движенію или выраженію религіознаго знанія и сознанія онъ и на-

ходить для себя право, какъ мы уже видѣли, упрекать существующія какъ латинскія, такъ и восточныя теологіи, въ традиціонализмъ, въ отвлеченности. Именно это пристрастіе простирается у него до такой степени, что онъ готовъ отнимать абсолютный, божественный характеръ у религіозной истины, коль скоро она еще не стала истиною разума и науки. Наконецъ, это-же пристрастіе заставляеть его усвоить догмату, выраженному въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ, высшую и даже единственно обязательную для всѣхъ силу сравнительно съ тѣмъ-же самымъ догматомъ, по существу своему божественнымъ, но не получившимъ еще вселенскаго опознанія и опредѣленія. Но г. Соловьевъ забылъ, что первоначально вѣра, разумѣніе вѣры, дарованы христіанамъ не въ формѣ научной, а въ формѣ непосредственнаго вѣдѣнія и разумѣнія религіозной истины; и еще Богъ знаетъ, какое вѣрованіе, научное или непосредственное, отличается сравнительно большею силою, глубиною и достовѣрностію разумѣнія. Вѣра обладаетъ своего рода разумѣніемъ истины, созерцательнымъ, интуитивнымъ или непосредственнымъ, болѣе яснымъ, сильнымъ и тонкимъ, чѣмъ разумѣніе логическое или разсудочное. Какъ часто и теперь, въ наше время, разсудокъ съ своими силлогизмами и съ своими доводами, основанными, повидимому, на опытныхъ данныхъ, противорѣчитъ созерцаніямъ вѣры; но вѣра побѣдоносно развеиваетъ силлогистическій и мнимо опытный туманъ, возвышается надъ всѣми недоумѣніями разсудка и непосредственно созерцаетъ истину ясно, раздѣльно и непоколебимо. Не должно-ли тоже самое, и при томъ въ высшей степени, происходить въ вѣкъ апостольскій, при чрезвычайномъ возбужденіи религіознаго духа и при особенныхъ, необычайныхъ дарованіяхъ Духа Святаго? Кто знакомъ съ апостольскимъ ученіемъ о христіанскомъ гносісѣ, о высшемъ духовномъ разумѣніи тайнъ царствія Божія въ вѣкъ апостольскій, тотъ ни на минуту не будетъ сомнѣваться въ этомъ. И, безъ сомнѣнія, именно въ этомъ высшемъ разумѣніи скрывается сила, могущество и непобѣдимость вѣры, а не въ логической

дедукціи или индукціи, примененной къ откровенію. Поэтому прекрасно говоритъ преосвященный Сильвестръ: „Безъ догматизма не мыслимо умственное развитіе, такъ какъ оно начинается въ дѣтствѣ готовыми словами и понятіями, составляющими собою для дѣтскаго ума первые догматы, а послѣ совершенствуется опять ничѣмъ инымъ, какъ пріобрѣтеніемъ твердыхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній“*). Приведемъ еще превосходныя сужденія объ этомъ-же предметѣ преосвященнаго Амвросія: „Побѣждаемые благодатію Христовою, мы подчиняемся Его руководству, а подчинившись начинаемъ познавать и Его божественное ученіе въ качествѣ истинъ, просвѣщающихъ умъ до пріобрѣтенія *цѣлаго образа здравыхъ словесъ* (2 Тит. 1, 13) или цѣльнаго христіанскаго міросозерцанія. Отсюда становится яснымъ, что просвѣщеніе ученіемъ Христовымъ совершается не такъ, какъ просвѣщеніе наукою человѣческою, а въ обратномъ порядкѣ. Въ наукѣ мы сначала изучаемъ, познаемъ и потомъ вслѣдствіе познанія убѣждаемся въ истинѣ, а въ просвѣщеніи евангельскою истиною сначала убѣждаемся въ силѣ Христовой, покоряемся Ему и вѣруемъ въ Него, какъ Сына Божія, какъ въ свѣтъ, просвѣщающій всякаго меловѣка, грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 9), а потомъ уже въ этомъ свѣтѣ познаемъ всю совокупность открытыхъ намъ тайнъ божественной премудрости въ дѣлѣ спасенія людей. И только этотъ путь ведетъ къ истинному христіанскому богопознанію. Кто относится къ Евангелію сначала умомъ вопрошающимъ, пытливымъ и сомнѣвающимся, тотъ встрѣчаетъ всюду затрудненія и не дойдетъ до убѣжденія въ Христовой истинѣ, а кто начинаетъ смиреннымъ, послушнымъ пріятіемъ всѣми силами своего духа благодатныхъ впечатлѣній Евангелія, ощущая на себѣ благотворность его божественнаго свѣта, тотъ *сердцемъ вѣруетъ въ правду* (Рим. X, 10) и умомъ дойдетъ до сознательнаго убѣжденія въ превосходствѣ христіанскаго ученія предъ всѣми ученіями человѣческими. И только при этомъ усло-

*) См. его „Опытъ Правосл. догмат. Богословія“, стр. 24.

віи могутъ быть ясны, отчетливы и крѣпки христіанскія убѣжденія“ *). Но переходимъ къ спекулятивному превращенію религіозной истины въ несомнѣнные и общеобязательные догматы.

Въ чемъ-бы ни состоялъ, по мнѣнію г. Соловьева, научный или мыслительный процессъ развитія догматовъ (объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), только результатъ этого процесса, опознаніе и опредѣленіе на вселенскомъ соборѣ, даетъ будто-бы истинѣ (истинѣ-ли? не скорѣе-ли—новопоявившемуся религіозному мнѣнію?),—даетъ ей нѣчто большее, чѣмъ она имѣла прежде, даетъ ей общеобязательный характеръ въ Церкви. Разсуждая о первомъ вселенскомъ соборѣ, г. Соловьевъ говоритъ: „истина единосущая сама по себѣ нисколько не измѣнилась отъ болѣе точнаго опредѣленія никейскихъ отцевъ и въ этомъ смыслѣ опредѣленіе это составляло лишь субъективный процессъ въ Церкви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это было нѣчто большее, нежели простое углубленіе личнаго ума того или другаго богослова въ истину откровенія; это было опредѣленіе, данное самою вселенскою Церковью при особомъ содѣйствіи Духа Св., опредѣленіе ставшее обязательнымъ для всѣхъ членовъ Церкви на всѣ (конечно, послѣдующія) времена и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно получившее для насъ объективное, независимое отъ нашихъ субъективныхъ мыслей значеніе“. Что на вселенскихъ соборахъ давались опредѣленія догматовъ, общеобязательныя и общепринятыя во вселенской Церкви, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія и этого никто никогда не отвергалъ. Но нашъ споръ состоитъ не въ этомъ, а въ слѣдующемъ: религіозная истина, выраженная въ догматическихъ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ, была-ли извѣстна Церкви до вселенскихъ соборовъ и поэтому была-ли общеобязательна для вѣрующихъ до этихъ соборовъ, или-же она хранилась первоначально въ какомъ-то зачаточномъ видѣ, „въ сокрытой глубинѣ“ вселенскаго духа и много-много, какъ выражается нашъ почтенный оппонентъ, „издавна чувствовалась большин-

*) „Вѣра и Разумъ“. Январь, кн. 2. 1886 г., стр. 78, 79.

ствомъ христіанъ, но не понималась и не выражалась ясно, опредѣленно“, а потому и не была общеобязательною? Нашъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: повѣдывала-ли св. Церковь догматъ единосущія Сына Божія со Отцемъ до Никейскаго собора, или этого повѣдыванія у нея не было до этого времени? Когда г. Соловьевъ говоритъ, что истина единосущія сама по себѣ нисколько не измѣнилась отъ болѣе точнаго опредѣленія никейскихъ отцевъ и въ этомъ смыслѣ допускаетъ лишь субъективный прогрессъ, то, повидимому, онъ признаетъ эту истину общезвѣстною въ Церкви до собора, и только не имѣвшею пока болѣе точныхъ опредѣленій, чѣмъ какія даны на первомъ вселенскомъ соборѣ. Все дѣло развитія этого догмата состояло, слѣдовательно, въ болѣе точныхъ словесныхъ опредѣленіяхъ, въ богословской терминологіи. Мы обобщаемъ этотъ частный случай, хотя очень хорошо знаемъ, что этимъ обобщеніемъ противорѣчимъ спекулятивной теоріи г. Соловьева о прогрессивномъ развитіи догматовъ, и спрашиваемъ его; если религіозныя истины были общезвѣстны въ Церкви, и только нуждались въ болѣе точной богословской терминологіи, что и справедливо, то почему онъ отвергаетъ общеобязательный догматическій характеръ ихъ въ Церкви до развитія точной богословской терминологіи? Вѣдь истины эти могли возвѣщаться Церковію, какъ общеобязательныя, догматическія, хотя и не въ научныхъ выраженіяхъ. Не лишены-же напр. знанія абсолютныхъ богооткровенныхъ истинъ иныѣшніе христіане, не получившіе нѣкотораго образованія, а потому и не знакомые или малознакомые съ современною богословскою терминологіею. Надобно отличать точную, т. е. правильную мысль, богопреданную и богооткровенную, отъ неточнаго человѣческаго ея выраженія. Прекрасно говоритъ преосвященный Филаретъ Черниговскій: „слово человѣческое только постепенно доростаетъ до высоты богооткровенныхъ истинъ“. Или это не такъ? Или Церковь, т. е. ея законоучители до такой степени были въ зависимости отъ недостатка точныхъ богословскихъ выраженій, что, не находя ихъ готовыми, установленными, обрекали себя на молчаніе и этимъ умалчиваніемъ ли-

пали самыя истины общеобязательности? Но подобнаго мазоретскаго отношенія въ слововыраженіямъ никогда не было во вселенской Церкви. *Горе намъ*, говорили Апостолы, *аще не благоувствуемъ* (1. Кор. 9, 16); горе намъ, говорили и всѣ преемники ихъ по учительству, если не будемъ благоувствовать; и исторія дѣйствительно свидѣтельствуешь, что въ первыя времена учителя Церкви, руководствуясь изреченіями Слова Божія, пользовались при своемъ богословствованіи такимъ языкомъ, который, безъ сомнѣнія, былъ совершенно понятенъ ихъ слушателямъ (чѣмъ и обуславливались успѣхъ проповѣди и единомысліе въ вѣрѣ), хотя онъ и не былъ еще настолько единообразенъ и точенъ, какимъ явился уже впоследствии. Этого именно требовали Апостолы. „И бездушныя вещи, говоритъ Апостолъ Павелъ, издающія звукъ, какъ-то, свирѣль или гусли, если не производятъ раздѣльныхъ тоновъ, то какъ распознать то, что играютъ на свирѣли или на гусляхъ? И если труба будетъ издавать неопредѣленный звукъ, кто станетъ готовиться къ сраженію? Такъ если и вы языкомъ произносите невразумительныя слова, то какъ узнаютъ, что вы говорите? Сколько, напримѣръ, различныхъ словъ въ мірѣ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія. Но ежели я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ, и говорящій для меня чужестранецъ. Такъ и вы, съ ревностію желая даровъ духовныхъ, старайтесь обогатиться ими къ назиданію Церкви“ (1 Кор. XIV, 7—12). Очевидно, подлинный смыслъ истины могъ выражаться и неточными выраженіями. Если-же божественныя истины всегда были извѣстны въ Церкви и всегда были возвышаемы, какъ откровенныя и богопреданныя, хотя въ выраженіяхъ не единообразныхъ и не признанныхъ общеобязательными, то почему самыя истины не должны были считаться общеобязательными, догматическими? Нѣтъ, общеобязательность догмата не зависитъ отъ относительной точности или неточности его выраженія; общеобязательность эта обуславливается божественнымъ характеромъ истины, изреченіями откровенія, въ которыхъ онъ преподаанъ, свидѣтельствомъ Духа Св. въ сердцахъ

вѣрующихъ, прямою заповѣдію Іисуса Христа и Его Апостоловъ хранить божественныя истины, эти глаголы вѣчной жизни, и наконецъ тѣмъ, что богооткровенныя истины или догматы были возвѣщаемы въ Церкви и принимаемы вѣрующими всегда, всеми и на пространствѣ всехъ вѣковъ. Но г. Соловьевъ связываетъ общеобязательность догматовъ, какъ это ясно открывается изъ всей его статьи, не съ слововыраженіями только ихъ, не съ богословскою только терминологіею, а съ яснымъ смысломъ этихъ догматовъ, устанавливаемымъ, по его мнѣнію, на вселенскихъ соборахъ и преимущественно съ особенными дѣйствіями Духа Святаго въ богомудрыхъ отцахъ вселенскихъ соборовъ, при установленіи этого смысла. Посмотримъ-же, насколько онъ правъ и въ этомъ отношеніи.

Вѣрный своей теоріи догматическаго развитія, г. Соловьевъ думаетъ, что на вселенскихъ соборахъ догматъ переходитъ изъ какого-то неяснаго состоянія въ ясное и что этотъ процессъ перехода есть не только субъективный, но и объективный. Впрочемъ, послѣдняя мысль, то есть, мысль о субъективномъ или объективномъ развитіи догматовъ у него изложена довольно неясно и очевидно еще двоится въ его сознаніи; по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ то о субъективномъ только развитіи догматовъ, то о субъективномъ и объективномъ вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ объективное развитіе догматовъ на вселенскихъ соборахъ есть преобладающая мысль всей его полемической статьи противъ насъ. Можно-ли однако признать за вселенскими соборами право на объективное развитіе догматовъ и отсюда выводить общеобязательный характеръ развитыхъ такимъ образомъ догматовъ? Очевидно нѣтъ. Кто допускаетъ объективное развитіе религиозныхъ истинъ, тотъ долженъ допустить и новое откровеніе ихъ со стороны Божества; субъективное развитіе есть дѣло естественное, совершается естественными силами человѣческими, конечно, вспомоствуемыми благодатію Божіею; напротивъ того, объективное развитіе религиозной истины недостижимо никакими человѣческими усилями, есть дѣло сверхъестественное, есть сверхъ-

естественный, непосредственный и свободный даръ Божества роду человѣческому. Смѣшеніе субъективнаго процесса въ дѣлѣ познанія религіозной истины съ объективнымъ откровеніемъ ея и приводитъ, современныхъ протестантскихъ теософовъ къ натурализму. И вотъ поэтому-то богословы-эмпирики говорятъ, что богооткровенная истина, возвѣщаемая намъ въ христіанствѣ, и по своему объему и по своему содержанію, разъ и на всегда дарована намъ божественнымъ нашимъ Учителемъ, и потому не допускаетъ никакихъ новыхъ откровеній. Какъ же быть? Какъ, съ одной стороны, избѣжать ложной монтанистической мысли о новыхъ богооткровеніяхъ, хотя-бы то и на вселенскихъ соборахъ, а съ другой стороны, сообщить объективный, общеобязательный характеръ той религіозной истинѣ, которая не имѣла этого характера, когда существовала въ таинственныхъ глубинахъ Церкви и много-много, если проявлялась въ смутныхъ и неопредѣленныхъ предощущеніяхъ ея, и которая почему-то только на соборахъ, только послѣ соборнаго разъясненія ея становится и объективною и общеобязательною для всѣхъ вѣрующихъ? Въ этихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ г. Соловьевъ прибѣгаетъ къ латинской теоріи зачаточныхъ догматовъ, хотя и развиваетъ ее въ духѣ своей теософіи. Но, увы, и эта теорія не спасаетъ г. Соловьева или отъ монтанистическихъ мечтаній о новыхъ откровеніяхъ учащей Церкви, или отъ отрицанія общеобязательнаго, догматическаго характера за имѣющими быть, такимъ образомъ, развиваемыми на соборахъ зачатками религіозныхъ истинъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти зачатки были-ли возвѣщены намъ нашимъ Небеснымъ Учителемъ, или нѣтъ? Если были возвѣщены Самимъ Господомъ, то, очевидно, ихъ общеобязательный характеръ зависитъ отъ божественнаго авторитета, отъ божественнаго наставленія и повелѣнія, и о нихъ рѣшительно нельзя уже утверждать, что они не были въ началѣ общеобязательными и что только на вселенскихъ соборахъ они пріобрѣли этотъ общеобязательный характеръ. Но можно-ли думать, что Господь преподавалъ Апостоламъ нѣчто зачаточное, неопредѣленное и даже

противорѣчивое, по крайней мѣрѣ; до полнаго разъясненія или развитія всего этого на вселенскихъ соборахъ? Конечно, г. Соловьевъ отвергнетъ эту мысль съ негодованіемъ и можетъ сказать намъ, что догматическіе зачатки не были понятны, ясны, разчленены лишь для вѣрующихъ и то до поры до времени, лишь для нихъ эти зачатки существовали въ видѣ простыхъ предощущеній, а потому и не были общеобязательными до своего развитія на вселенскихъ соборахъ. Но можно-ли предполагать, что божественный нашъ Учитель преподавалъ Своимъ Апостоламъ нѣчто двусмысленное, особенно послѣ того, какъ на нихъ сошелъ Духъ Св.,—тотъ Духъ, который долженъ былъ припомнить имъ все ученіе Господне и наставить ихъ на всякую истину; можно-ли думать, говоримъ, чтобы въ сознаніи Апостоловъ не было ясныхъ богооткровенныхъ истинъ, или рядомъ съ этими ясными божественными истинами существовали еще какія-то неясныя, смутныя, зачаточныя, а потому и необщеобязательныя? Или Апостолы сами ясно знали эти зачатки и только не сообщили объ этомъ яснаго знанія своимъ ученикамъ? Какъ все это не согласно съ достоинствомъ и призваніемъ Апостоловъ! „Я желалъ-бы, говорить Апостоль Павелъ, чтобы вы всѣ говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали (т. е. изъясняли высказываемое вами): ибо пророчествующій превосходитъ того, кто говоритъ языками, развѣ онъ притомъ и истолковываетъ будетъ, дабы Церковь получила назиданіе. Если я теперь приѣду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъяснюсь вамъ или откровеніемъ, или познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ?“ (1. Кор. XIV, 5, 6). Такъ думали и учили Апостолы! А потому для какой-бы надобности они возвѣщали всему міру такія истины, которыхъ не могли ясно понять ихъ слушатели? Правда, Апостолы слышали иногда неизреченныя божественныя глаголы, которыхъ нельзя было высказать человѣческимъ языкомъ и обнять человѣческимъ сознаніемъ; но объ этихъ глаголахъ они не сказали міру ни слова. Правда, въ писаніяхъ Апостоловъ можно было находить нѣчто *невразумительное*, какъ и находилъ

это невразумительное Апостолъ Петръ въ посланіяхъ Апостола Павла, что и приводило *ненаученныхъ и неутвержденныхъ* въ вѣрѣ къ искаженію божественной истины (2 Петр. 3, ст. 16); но для избѣжанія этого и нужно было непосредственное апостольское наученіе и утвержденіе въ вѣрѣ не одними лишь посланіями, но и живымъ, непосредственнымъ словомъ. И что Апостолы дѣйствительно достигали этого наученія и утвержденія въ вѣрѣ со стороны своихъ послѣдователей,—это выше всякаго сомнѣнія. Апостолъ Павелъ, напр., говоритъ: *„аще кто мнитъся пророкъ быти или духовенъ, да разумѣетъ, яже пишу вамъ, зане Господни суть заповѣди* (1 Кор. 14, ст. 37); и, слѣдовательно, за пророками и духовными онъ предполагаетъ полную возможность разумѣнія возвѣщаемой имъ Господней истины. Для этой же цѣли и Духъ Святыи инымъ давалъ *слово премудрости*, а инымъ *слово разума*, все о томъ-же Дусѣ (1 Кор. 12, ст. 8). И если не всѣ вѣрующіе находились на однихъ и тѣхъ же ступеняхъ разумѣнія истины, если одни были младенцами по вѣрѣ, а другіе мужами совершенными, то, по крайней мѣрѣ, отъ ближайшихъ преемниковъ своей власти и своихъ правъ, Апостолы положиительно требовали полного разумѣнія возвѣщаемой ими истины. *Разумѣй, яже глаголю*, говоритъ Ап. Павелъ ученику своему Тимоею, *да дастъ тебѣ Господь разумъ о всемъ* (2. Тим. 2, ст. 6). И такъ, можно-ли говорить о какихъ-то неясныхъ, неопредѣленныхъ, зачаточныхъ, а потому и необязательныхъ истинахъ въ вѣкѣ апостольскій и послѣдующіе времена, до самаго періода вселенскихъ соборовъ?

Но допустимъ на время съ г. Соловьевымъ существованіе этихъ неясныхъ, зачаточныхъ, а потому и необязательныхъ истинъ. Если эти зачаточныя истины, по своему происхожденію, были божественны, и не были однакоже обязательными для Церкви въ теченіи трехъ съ половиною первыхъ вѣковъ, то на какомъ основаніи вселенскіе соборы превращаютъ ихъ въ ясныя съ своей точки зрѣнія и оставляютъ неясными съ точки зрѣнія мноми-

слящихъ и еретиковъ? Не должны-ли были вселенскіе соборы во имя богооткровенной истины и божественной правды сказать, что объ этихъ зачаточныхъ истинахъ нѣтъ яснаго ученія въ откровеніи, а потому можно разсуждать о нихъ разномысленно, и, слѣдовательно, не надобно признавать людей пиомыслящихъ еретиками и не должно подвергать ихъ анаемѣ?

Соборное разъясненіе или соборное развитіе этихъ зачатковъ еще могло бы пріобрѣтать естественно-общеобязательный характеръ, еслибы отличалось логическою вынужденностію и необходимостію, для всѣхъ безспорною и очевидною. Но этого нѣтъ. Соборныя разъясненія никогда не убѣждали еретиковъ, подобно тому, напримѣръ, какъ разъясненія ученыхъ дѣлаютъ безспорною и очевидною для всѣхъ ту или другую научную истину. Соборныя разъясненія только ограждали или охраняли прежде данную ясную и общеобязательную религіозную истину отъ еретическихъ извращеній и искаженій, и, слѣдовательно, не вынуждали необходимаго признанія ея за несомнѣнный догматъ, лишь силою логической дедукціи или индукціи. Они требовали разума покорнаго вѣрѣ и отнюдь не дѣлали его рѣшителемъ спора. Ничего не доказываютъ также и историческіе факты, приводимые г. Соловьевымъ въ подтвержденіе своей мысли о превращеніи будто-бы зачаточныхъ истинъ въ ясныя и общеобязательныя догматы; ссылка его, напримѣръ, на Ветхій Заветъ, въ которомъ были зачаточныя христіанскія истины, развитыя потомъ въ Новомъ Заветѣ до степени догматовъ ясныхъ и общеобязательныхъ, говоря словами нашего-же оппонента, *никуда не годится*. Такъ, напримѣръ, догматъ о тринности Лиць Божества изъ зачаточнаго въ Ветхомъ Заветѣ сталъ яснымъ въ Новомъ не вслѣдствіе субъективнаго развитія религіознаго сознанія евреевъ, но вслѣдствіе чрезвычайнаго, сверхестественнаго, новаго божественнаго откровенія во времена благодати. Мы убѣждены, что всѣ въ мірѣ раввины и всѣ въ мірѣ еврейскіе кагалы не могли бы и не могутъ превратить своими толкованіями эти зачаточныя истины въ ясныя и общеобязательныя естественнымъ путемъ, безъ да-

рованія небомъ новаго, сверхестественнаго, божественнаго откровенія, и безъ признанія этого откровенія истиннымъ силою вѣры. И вотъ причина, почему мы думаемъ, что тотъ еврей, съ которымъ г. Соловьевъ заставляеть насъ вести бесѣду и который пользуется высказаннымъ нами охранительнымъ началомъ противъ христіанъ, защищая съ своей точки зрѣнія истину единства Божія и отвергая ученіе о Св. Троицѣ, на нашъ взглядъ, поступаетъ въ тысячу разъ благоразумнѣе всѣхъ возможныхъ талмудистовъ, которые полагаютъ, что безъ новаго сверхестественнаго откровенія можно вывести изъ истины единства Божія ученіе о троичности Божественныхъ Упостасей, и вообще можно превращать зачаточныя истины въ ясныя и общеобязательныя, и впадаютъ при этомъ въ суемудрыя толкованія. Еврей-охранитель допускаетъ при этомъ одну ошибку: онъ не хочетъ признать новаго христіанскаго откровенія, а еврей-талмудистъ дѣлаетъ ихъ двѣ: онъ не только отвергаетъ Евангеліе, но и надѣется силою раввинскаго опознанія развиты ветхозавѣтныя зачаточныя истины до яснаго христіанскаго пониманія ихъ. Талмудическія и каббалистическія толкованія евреевъ навсегда останутся только талмудическими или каббалистическими суемудрыми толкованіями, ни больше, ни меньше, и никогда не могутъ превратиться въ богооткровенныя истины. Это несомнѣнно. Если-же нашъ почтенный оппонентъ признаетъ зачаточныя истины не богооткровенными истинами, а только церковными мнѣніями по поводу этихъ истинъ, долгое-ли или короткое время, не имѣющими обязательнаго характера, и только на соборахъ получающими этотъ характеръ: то спрашивается, какъ можно приравнивать мнѣнія тѣхъ или другихъ церковныхъ учителей, какъ-бы ни казались намъ эти мнѣнія вѣроятными, къ истинамъ несомнѣнно богооткровеннымъ, несомнѣнно божественнымъ? Какъ возможно превращать мысль ограниченную, человѣческую, а потому всегда болѣе или менѣе сомнительную, въ мысль несомнѣнно абсолютную, несомнѣнно божественную и потому общеобязательную? *Какъ отстоитъ небо отъ земли, сказалъ Самъ Господь, такъ отстоятъ помысленія человѣческія отъ мыслей божественныхъ;*

и, конечно, это касается не только ихъ внутренней истинности, непререкаемости, достовѣрности, но и общеобязательности. На самый лучший конецъ, все, что можно сказать объ этихъ человѣческихъ мнѣніяхъ, такъ это именно то, что онѣ суть мнѣнія, наиболее вѣроятныя въ настоящія времена, при существующемъ развитіи религіознаго сознанія или вообще современныхъ наукъ, но отнюдь не общеобязательныя на всѣ времена. И если Апостолы, какъ мы видѣли уже, не приравнивали своихъ личныхъ мнѣній къ истинамъ несомнѣнно божественнымъ (*я говорю, а не Господь*), если они сами въ своей апостольской дѣятельности ясно различали *божественное откровеніе*, свое *познаніе* откровенія, *пророчество* и *ученіе* (1. Корин. XIV, ст. 6), то тѣмъ болѣе не могли не сознавать этого различенія въ дѣлѣ религіознаго наставленія вселенскіе учителя вѣры, не могли смѣшивать человѣческихъ мнѣній съ божественными истинами и богомудрые отцы Церкви на своихъ вселенскихъ соборахъ.

Но пойдѣмъ дальше. Г. Соловьевъ хочетъ превратить эти мнѣнія или зачаточныя истины въ абсолютныя, общеобязательныя не во имя человѣческаго начала, не во имя человѣческихъ гаданій, а во имя начала божественнаго, именно во имя того, что на вселенскихъ соборахъ Духъ Святой дѣйствовалъ въ отцахъ собора какимъ-то *особеннымъ образомъ* и какъ-то *особенно* просвѣщалъ и наставлялъ ихъ на всякую истину; и это-то особенное дѣйствіе Духа Святаго могло уже превратить неясную, а потому и необязательную истину въ ясную и общеобязательную, могло возвестъ человѣческое личное мнѣніе въ богооткровенное, абсолютное. Но и эта мысль, какъ мы уже частію видѣли, крайне несостоятельна. Христіанинъ вѣруеть, что гдѣ собрано два или три человѣка во имя Христа, тамъ и Господь среди ихъ, а, слѣдовательно, и Духъ Святой, испосылаемый Имъ. Эта-же вѣра вполнѣ, или даже ближе всего примѣнима къ епископамъ, собраннымъ на соборахъ во имя Христа. Но отсюда, то есть, отъ этой вѣры въ неотлучное пребываніе съ епископами благодати Св. Духа, до признанія какого-то новаго *особеннаго* дѣйствованія

Духа Св. въ богомудрыхъ отцахъ собора еще слишкомъ далеко. Кто сказалъ г. Соловьеву, что Духъ Св. дѣйствуетъ въ епископахъ на соборахъ небывалымъ особеннымъ образомъ? Ни во вселенскомъ преданіи до-никейскаго періода, какъ это само собою очевидно, ни даже въ частныхъ мнѣніяхъ позднѣйшихъ отцевъ Церкви мы не находимъ ни единого слова о какомъ-то особенномъ дѣйствіи Духа Святаго на вселенскихъ соборахъ. Мы не находимъ этого даже на соборѣ Апостоловъ (началѣ всѣхъ соборовъ), которые въ лицѣ Петра выразили неотлучное пребываніе единожды полученнаго ими Духа Святаго, безъ повторенія или прибавленія новаго на нихъ наптія Его благодати, словами: „изволися Духу Святому и намъ“. Тоже самое мы видимъ и въ послѣдующей жизни святой Церкви. Отцы вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ утверждаютъ о себѣ, что они находятся подъ вліяніемъ Духа Св., но при этомъ настолько искренны и правдивы, что не усвояютъ себѣ никакого *особеннаго* дѣйствія этого Духа. „Какъ представляется вамъ мое странствованіе, спрашиваетъ, напр., отцевъ втораго вселенскаго собора Св. Григорій Назіанзинъ? и какой плодъ его, или лучше сказать, какой плодъ Духа, живущаго во мнѣ, которымъ и всегда я былъ движимъ и теперь подвигнуть, не желая имѣть, а можетъ быть и не имѣя, ничего собственнаго?“ *) Очевидно св. отецъ, участникъ и дѣятель на второмъ вселенскомъ соборѣ, не усвояетъ себѣ никакого особеннаго дѣйствія Духа Св. на этомъ соборѣ. Подобное-же ученіе было всеобщимъ среди богомудрыхъ отцевъ. Вселенскіе свидѣтели богооткровенной истины были исполнены глубокаго смиренія, не заявляли никакихъ притязаній на какое-то исключительное или привилегированное положеніе въ Церкви и хранили братолюбивое и равноправное общеніе со всѣми остальными епископами; это выше всякаго сомнѣнія. Какой-же ангелъ съ небесъ благоувѣстилъ г. Соловьеву тайну нѣкоего особеннаго дѣйствія Духа Св. въ св. отцахъ, присутствовавшихъ на вселен-

---

*) „Дѣянія вселен. соборовъ“. Тамъ-же, стр. 229.

скихъ соборахъ? Кто открылъ ему эту *страшную* мысль? Да, именно страшную, потому что здѣсь узелъ того клерикализма, отъ котораго западная Европа никакъ не можетъ освободиться и по настоящій день, а вмѣстѣ съ тѣмъ и той борьбы между Церковію и государствомъ, между папою и императоромъ, борьбы непрерывной, упорной, то явной, то тайной, но никогда не прекращающейся, которая возмущаетъ душу и омрачаетъ скорбію совѣсть каждаго искренняго христіанина. Логическія послѣдствія этой мысли ужасны, они существуютъ на лицо. Кто признаетъ за епископами, собранными на соборахъ, это особенное дѣйствіе Св. Духа, тотъ логически долженъ признать за председателемъ этихъ соборовъ дѣйствіе того-же Духа Святаго—особеннѣйшее, — тотъ долженъ разорвать единое тѣло Христово на двѣ части, на Церковь учащую и наставляемую, какъ это мы и видимъ въ католичествѣ,—тотъ въ концѣ концовъ недалекъ отъ признанія непогрѣшимаго папы съ его абсолютнымъ правомъ опредѣлять подлинный смыслъ божественнаго откровенія.

Посмотримъ теперь, состоятельна-ли эта мысль въ догматическомъ отношеніи. Тотъ смыслъ спорнаго догмата, который несомнѣнно разъясняется и опредѣляется отцами Церкви на вселенскомъ соборѣ, принадлежитъ-ли *исключительно* имъ и только имъ однимъ въ силу особеннаго дѣйствія на нихъ Св. Духа, или онъ могъ быть и дѣйствительно былъ извѣстенъ въ Церкви и до собора, а на соборѣ лишь *свидѣтельствуется* богомудрыми отцами, какъ вселенское вѣрованіе, и въ силу этого свидѣтельства получаетъ безспорный, общеобязательный характеръ? Если г. Соловьевъ признаетъ за отцами собора какое-то *исключительное* вѣдѣніе догматическаго смысла, условливаемое особеннымъ дѣйствіемъ Св. Духа, то въ тоже время онъ долженъ будетъ признать за соборами абсолютно-монархическое право на учительство во вселенской Церкви, чего однако-же онъ почему-то не хочетъ допустить. Почему-бы это? Это уже его тайна! Впрочемъ, онъ прекрасно это дѣлаетъ, хотя и непослѣдовательно. Вселенскіе соборы не обладаютъ никакими абсолютно-монархическими

правами учительства во вселенской Церкви; они не выше Церкви, а суть только органы вселенскаго учительства; они не учатъ Церковь какъ-то монархически-абсолютно, а только выражаютъ, подтверждаютъ и формулируютъ *вселенское* вѣрованіе Церкви. И вотъ именно на этомъ основаніи вселенская Церковь одни соборы признаетъ дѣйствительно вселенскими, а другіе отвергаетъ, какъ ложные; ученіе и разясненіе смысла спорныхъ догматовъ однихъ соборовъ признаетъ несомнѣнно своимъ, ей принадлежащимъ, а ученіе и разясненіе догматическаго смысла другихъ соборовъ признаетъ ложнымъ, чуждымъ ей, еретическимъ. Именно эти соображенія и заставляютъ насъ признать, что въ сознаніи вселенской Церкви всегда и непрерывно существуетъ полное знаніе богооткровенныхъ догматовъ. Правду-ли однако мы говоримъ? Можно-ли допустить въ сознаніи вселенской Церкви *ясное, отчетливое и всеобщее* разумѣніе *спорнаго догмата* до созванія вселенскаго собора? Не надобно-ли думать, подобно г. Соловьеву, что до догматическихъ разясненій и опредѣленій на вселенскихъ соборахъ этотъ смыслъ во вселенской, воцнствующей Церкви существуетъ лишь въ видѣ *неясномъ, неотчетливомъ, невсеобщемъ*, въ родѣ какихъ-то предощущеній, такъ что Св. Церковь только на основаніи этихъ предощущеній *угадываетъ* свое подлинное ученіе въ ясныхъ, отчетливыхъ и точно опредѣленныхъ выраженіяхъ богомудрыхъ отцевъ, и на основаніи уже этого *угадыванія* признаетъ догматы общеобязательными? Мы съ негодованіемъ отвергаемъ эту мысль. Нѣтъ, Св. Церковь наша ничего не угадываетъ, ничего не предощущаетъ, а знаетъ ясно, отчетливо и совершенно все то, что ей открыто и насколько ей открыто ея божественнымъ Учителемъ. Она обладаетъ полнотою знанія богооткровенной истины, она есть *столпъ и утвержденіе истины* всегда, на все время, и, слѣдовательно, какъ до вселенскихъ соборовъ, такъ и послѣ нихъ ея богомудрое вѣдѣніе откровенной истины не умножается и не уменьшается. Въ ней дѣйствуетъ одинъ и тотъ-же Духъ Святой, который дѣйствуетъ и въ отцахъ вселенскихъ соборовъ и, конечно, дѣйствуетъ никакъ не съ меньшею силою, чѣмъ и

въ богомудрыхъ отцахъ. Итакъ, никакого особеннаго дѣйствія Св. Духа на соборахъ мы допустить не можемъ. Гдѣ-же однако существуетъ это ясное, отчетливое и общеобязательное ученіе Церкви до засвидѣтельствованія его на вселенскихъ соборахъ? Кого надобно признать носителемъ и хранителемъ его? Разумѣется, людей совершенныхъ въ вѣрѣ, или, какъ выражается Апостоль, *искусныхъ въ вѣрѣ*. Для меня, для васъ, г. Соловьевъ, а можетъ быть и для многихъ людей намъ подобныхъ вселенская вѣра, или тотъ или другой изъ ея догматовъ могутъ представляться неясными, неотчетливыми и какъ-будто поэтому необщеобязательными, но для людей искусныхъ въ вѣрѣ это невозможно. Имѣемъ ли мы однако право обобщать наше съ вами невѣдѣніе или полувѣдѣніе вселенской истины и приписывать всей Церкви то, что исключительно принадлежитъ только лично намъ и составляетъ нашъ недостатокъ? Конечно, нѣтъ. И когда г. Соловьевъ спрашиваетъ меня по поводу одного догмата, гдѣ существовалъ этотъ догматъ прежде, чѣмъ былъ опредѣленъ на вселенскомъ соборѣ, и затѣмъ кощунственно говорить, что можетъ быть этотъ догматъ и существовалъ въ Церкви невидимой, въ предвѣдѣніи небесныхъ умовъ, а въ всевѣдѣніи Божіемъ такъ даже навѣрно существовалъ, но рѣшительно не существовалъ въ Церкви видимой: то онъ впадаетъ въ чудовищную ошибку, обобщаетъ наше съ нимъ невѣдѣніе и приписываетъ всей Церкви видимой то, что исключительно принадлежитъ намъ лично. Впрочемъ, о самомъ догматѣ, будто-бы существовавшемъ *лишь въ предвѣдѣніи Божіемъ* до вселенскаго собора, мы предполагаемъ поговорить послѣ, а теперь только хотимъ сказать, что догматы и до опредѣленія ихъ на вселенскихъ соборахъ могли существовать и дѣйствительно существовали въ ученіи людей искусныхъ въ вѣрѣ, или вообще въ видимой Церкви.

Безъ существованія этихъ общеобязательныхъ догматовъ не возможны были бы для Церкви единодушіе и единомысліе въ вѣрѣ; не могло происходить отлученіе отъ Церкви еретиковъ, несомнѣнно практиковавшееся до наступленія періода вселенскихъ собо-

ровъ; не было бы въ Церкви и заповѣди о храненіи всего того, что возвѣстилъ намъ Христосъ и что передано на храненіе Его Апостолами. Гдѣ-же однако существовали въ Церкви эти обще-обязательные догматы? Отвѣчаемъ: въ живомъ религіозномъ сознаніи вселенской Церкви; въ непрерывномъ, апостольскомъ и вселенскомъ преданіи ея, принимаемомъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, въ письменномъ и устномъ ученіи людей совершенныхъ, *искусныхъ въ вѣрѣ*. И эти люди становились, какъ выражается Апостоль, *явленными*, творенія ихъ дѣлалось общезвѣстными, если только до этого времени не были таковыми, и они даже сами лично выступали на защиту вселенской истины каждый разъ, когда Церкви угрожала опасность со стороны еретиковъ и выступали гораздо раньше созванія того или другаго вселенскаго собора, такъ что вселенскій соборъ *свидѣтельствовалъ и только свидѣтельствовалъ* объ этой совершенной вѣрѣ ихъ и своей при всѣхъ своихъ догматическихъ разъясненіяхъ. Мы не отрицаемъ, что въ мнѣніяхъ того или другаго отдѣльнаго церковнаго писателя, даже очень уважаемаго, жившаго-ли до періода вселенскихъ соборовъ, во время этого періода, или послѣ него, можно иногда находить освѣщеніе или изложеніе той или другой религіозной истины неясное, сбивчивое, неточное. Что же отсюда слѣдуетъ? Можно-ли эти единичные факты обобщать и на основаніи ихъ усвоить сознанію всей вселенской Церкви какую-то неясность, сбивчивость и даже полную разрозненность въ познаніи истины до обнародованія вселенскихъ вѣроопредѣленій? Можно-ли, напр., на основаніи того факта, что въ дошедшемъ до насъ краткомъ ученіи св. Іустина о Св. Троицѣ и въ частности объ отношеніи Слова къ Богу-Отцу встрѣчаются неудовлетворительныя выраженія,—можно-ли, говоримъ, утверждать, что въ до-никейскомъ сознаніи Церкви не было яснаго ученія объ этихъ догматахъ, когда изъ до-никейскаго періода мы имѣемъ цѣлый ликъ обличителей антитринитарной ереси, когда самое слово *Τριάς*—Троица было употребляемо *Θεοφίλω* Антиохійскимъ *).

*) Ad. Autolic. II, n. 15.

младшимъ современникомъ св. Іустина, о которомъ упоминаетъ и самъ г. Соловьевъ; а также и въ отношеніи къ догмату единосущія (ὁμοούσιος), когда намъ, несомнѣнно, исторически извѣстны церковныя разсужденія объ этомъ догматическомъ выраженіи почти за цѣлое столѣтіе до Никейскаго собора? Именно исторія свидѣтельствуетъ, что если не самое слово ὁμοούσιος, то ученіе о единосущіи внесъ въ свои опредѣленія еще помѣстный соборъ Антиохійскій, бывший противъ Павла Самосатскаго и осудившій этого лжеучителя въ 269 году *). Да и раньше этого времени на соборѣ Римскомъ, въ литературныхъ произведеніяхъ частныхъ церковныхъ учителей, напр., у св. Діонисія Александрійскаго и Діонисія Римскаго, со всею подробностію развивалось тоже самое ученіе и употреблялись тѣ-же самыя выраженія Τριάς, ὁμοούσιος. Можно, наконецъ, признать за достовѣрное, что вся борьба первенствующей Церкви противъ антитринитарной ереси основана была на томъ незыблемомъ догматическомъ положеніи, что истина единства Божія или единосущія нисколько не исключаетъ собою истины о триничности Лиць Божества, что единство Божіе, единосущіе и триничность равно принадлежатъ къ несомнѣннымъ догматамъ вселенской Церкви, хотя все это еще не было утверждено ни на одномъ вселенскомъ соборѣ. А намъ говорятъ, что такъ какъ у св. Іустина встрѣчаются касательно этихъ истинъ неточныя и неопредѣленныя выраженія: то, слѣдовательно, во вселенской Церкви не было еще точнаго и опредѣленнаго вѣроученія объ этихъ догматахъ. Какое неосновательное, поспѣшное и произвольное заключеніе!... Таковы-же точно и прочіе историческіе факты, приводимые г. Соловьевымъ. Повторяемъ, на вселен-

*) Аріане утверждали, что Павелъ Самосатскій, словомъ: *единосущный*, которое онъ первый будто-бы внесъ въ символъ Антиохійскій, выражалъ свое ученіе о педѣйствительности существованія Слова Божія и о тождествѣ Его, какъ безличнаго провленія божественной силы, съ существомъ Бога-Отца. Но эти вымыслы еретиковъ православные безусловно отвергали, хотя, за немнѣишемъ въ рукахъ подлинныхъ дѣлій Антиохійскаго собора, и не могли сказать по этому поводу ничего рѣшительнаго. См. объ этомъ подробнѣе у Н. Чельцова: „*Древнія формы символа вѣры православной Церкви*“. С.П.Б. 1869. Стр. 45 и далѣе.

скихъ соборахъ богомудрые отцы только свидѣтельствовали о вселенской вѣрѣ, и хотя разъяснили ее, но при всѣхъ своихъ разъясненіяхъ спорныхъ догматовъ имѣли въ виду традиціонную вѣру и почти всегда пользовались трудами отцевъ, жившихъ гораздо раньше ихъ, какъ эти послѣдніе въ свою очередь были только выразителями вселенскаго преданія.

Нашъ почтенный оппонентъ спрашиваетъ насъ, за чѣмъ было свидѣтельствовать о томъ, что всѣмъ было извѣстно и для всѣхъ было обязательно? Увы, въ Церкви не всѣ достигаютъ одинаковаго совершенства въ вѣрѣ; многіе по злонамѣренности, а другіе по недостаточному развитію религіознаго сознанія, или по инымъ какимъ-либо причинамъ не доходятъ до надлежащаго вѣдѣнія богооткровенной вѣры. И вотъ, для наставленія, наученія, обличенія, исправленія и пр. именно этихъ людей и нужно было вселенское свидѣтельство, вселенское разъясненіе, но отнюдь не для установленія или логическаго выведенія новаго догмата. Если-бы всѣ члены Церкви были одинаково совершенны въ вѣрѣ, тогда, конечно, не было-бы надобности ни въ этомъ свидѣтельствѣ, ни въ этихъ разъясненіяхъ, ни даже въ самыхъ соборахъ, по крайней мѣрѣ, въ догматическомъ отношеніи, но этого нѣтъ. А потому и вашъ, г. Сольвьевъ, недоумѣнный вопросъ представляется намъ (извините) или игрою въ понятія, или просто софизмомъ. Вообще въ Церкви Христовой никогда нельзя предполагать оскудѣнія людей совершенныхъ, *искусныхъ* въ вѣрѣ. „Время, говоритъ св. Діонисій, не дѣлаетъ никакого различія между нашими учителями; древніе нисколько не важнѣе позднѣйшихъ: всѣ они равно отцы“. Развивая эту мысль, прекрасно говоритъ преосвященный Филаретъ Черниговскій: „Какъ Церковь Христова будетъ существовать до окончанія міра, такъ до скончанія міра будутъ являться въ ней для нужды Церкви избранныя орудія Духа Божія. Позволяя дѣйствовать въ мірѣ духу міра, Духъ Божій попускаетъ сему духу измѣнять цѣли и средства его, но вмѣстѣ посылаетъ сильную помощь свою соотвѣтственно нуждамъ времени. Его силою свойства и дарованія избранныхъ му-

жей въ скорбяхъ времени очищаются и улучшаются, получаютъ образованіе соотвѣтственно времени и тѣ стороны *преданной Церкви истины*, которыя, по нападеніямъ духа времени, требуютъ болѣе яснаго изложенія и болѣе ощутительной твердости, получаютъ то и другое трудами *избранныхъ* учителей Церкви *). Это равно касается какъ періода вселенскихъ соборовъ, такъ и всякаго другого времени.

Мы должны помнить еще, что усвоеніе себѣ теоріи особеннаго дѣйствія Духа Святаго въ епископахъ, присутствующихъ на вселенскихъ соборахъ, неизбежно приводитъ cadaго къ крайне сбивчивымъ и противорѣчивымъ понятіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Духъ Св. только на вселенскихъ соборахъ разъясняетъ тотъ или другой догматъ и только во имя этого особеннаго дѣйствія Духа Св. разъясненный догматъ превращается изъ необязательнаго въ общеобязательный; если до соборнаго опредѣленія догматовъ и анафематствованія еретическихъ заблужденій нѣтъ въ Церкви ересей и еретиковъ, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ, а существуетъ только естественное или даже неизбежное, въ силу теоріи постепеннаго развитія истины, разномысліе среди епископовъ: то, скажите, почему особенное просвѣщающее дѣйствіе Духа Св. простирается только на однихъ епископовъ, именно православныхъ, и оказывается совершенно безсильнымъ въ отношеніи къ другимъ епископамъ, погрѣшающимъ уклоненіемъ отъ православія? Казалось-бы, всѣ епископы, присутствуя на вселенскомъ соборѣ, должны были бы находиться одинаково подъ вліяніемъ особеннаго дѣйствія Духа Св. Вѣдь всѣ они, по мнѣнію г. Соловьева, должны одинаково считаться стремящимися къ истинѣ до окончательныхъ опредѣленій вселенскаго собора. Или это не такъ? Или мы должны допустить кальвинское предопредѣленіе однихъ епископовъ къ вѣчному спасенію, а другихъ къ вѣчной гибели? Не станетъ-же, конечно, г. Соловьевъ объяснять это различное дѣйствіе Духа Св. въ епископахъ нечестивою жизнію еретиковъ; по крайней

*) „Истор. ученіе объ отцахъ Церкви“. С.П.Б. 1859. Т. I, стр. XVI.

мѣрѣ, исторически извѣстно, что нѣкоторые еретичествовавшіе епископы, присутствовавшіе на вселенскихъ соборахъ, помимо своего еретическаго нечестія, отличались высокою нравственно-христіанскою жизнію. Очевидно, все это тѣма и тѣма непроходимая!... Странно и не благоговѣйно ограничивать и связывать дѣятельность Духа Святаго только съ извѣстнымъ мѣстомъ, извѣстнымъ временемъ и извѣстными личностями!... Согласимся, однакоже на время, допустить мысль объ особенномъ дѣйствіи Духа Св. на вселенскихъ соборахъ, ради возстановленія церковнаго союза; допустимъ, что на соборѣ епископы, во имя своего епископскаго полномочія, во имя обыкновенно пзрекаемой ими на соборахъ епископской формулы: „изволися Духу Св. и намъ“, становятся органами и провозвѣстниками вновь опознанныхъ, общеобязательныхъ догматовъ. Что-же будетъ значить это опознаніе при особомъ дѣйствіи Св. Духа? Не будетъ-ли оно тождественно съ новымъ откровеніемъ? Но на соборахъ, хотя-бы то и вселенскихъ, Духъ Святыи не сообщаетъ епископамъ никакихъ новыхъ откровеній, и самая мысль о новыхъ откровеніяхъ гдѣ-бы то ни было и кѣмъ-бы то ни было, хотя-бы ангеломъ съ небесъ, анаематствована Апостолами. Или это анаематствование не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствованію Духа Святаго въ душахъ епископовъ? Но и въ такомъ случаѣ, почему епископы не могутъ быть провозвѣстниками своихъ вновь опознанныхъ догматовъ до вселенскихъ соборовъ? Справедливо то, что на соборахъ они являются съ правомъ, властію и полномочіемъ разъяснять откровенную истину; но это право, эту власть и это полномочіе епископы получаютъ не отъ собора, не отъ совмѣстнаго присутствованія своего на данномъ соборѣ, а получаютъ его преемственно отъ апостоловъ, отъ своего богомудраго вѣдѣнія богооткровенной истины, дошедшаго къ нимъ преемственно отъ Самого Іисуса Христа; соборы не могутъ сообщить епископамъ того, что не ведетъ своего начала по преданію непосредственно отъ божественнаго Основателя Церкви и Его Апостоловъ. Какимъ-же образомъ епископы, лишеныя до собора возможности разъяснить

откровенную истину, по системѣ развитія догматовъ стоящую на очереди, приобрѣтутъ эту возможность на соборѣ? Какое новое вѣдѣніе откровенной истины и какую новую способность въ дѣлѣ разъясненія этой истины епископы приобрѣтутъ на новомъ вселенскомъ соборѣ? Признать за епископами, собранными на соборахъ, это новое вѣдѣніе или эту новую способность въ дѣлѣ разъясненія истины, какой они до появленія на соборахъ не имѣли, очевидно, можно только допустивши *mysterium magnum*, нѣчто таинственное, непостижимое и необъяснимое. Не подразумѣвается-ли это *mysterium magnum* подъ именемъ употребляемой епископской формулы на соборахъ: „изволися Духу Свят. и намъ“, то есть, не надобно-ли думать, что Духъ Святый какимъ-то особеннымъ образомъ наставляетъ и научаетъ епископовъ, когда они находятся совмѣстно на соборахъ, и лишаетъ ихъ этого наставленія и наученія, когда они не заседаютъ на соборахъ? Но эта мысль представляется намъ просто нелѣпой, произвольной, невѣроятной. Вѣруемъ и исповѣдуемъ, что какъ до соборовъ, такъ и во время соборовъ въ епископахъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ-же Духъ Св., одинаково просвѣщаетъ ихъ умъ и наставляетъ ихъ на всякую истину, разумѣется, богопреданную и богохранимую въ святой Церкви, и, слѣдовательно, не создаетъ въ душахъ ихъ нарочито новыхъ способностей и новыхъ силъ, когда они присутствуютъ на соборахъ, и не лишаетъ ихъ этихъ способностей и этихъ силъ, когда они находятся внѣ собора. Отсюда во всякомъ случаѣ надобно заключить, что примиреніе восточной и западной Церкви рѣшительно не зависить отъ новаго собора, хотя-бы то и вселенскаго; что для этого примиренія предварительно требуется единеніе въ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ, какъ путь къ полному единенію въ вѣрѣ; и, слѣдовательно, не примиреніе, какъ простое или безпочвенное соглашеніе, должно составлять собою первую и ближайшую задачу славянскихъ да и всякихъ другихъ народностей, ищущихъ церковнаго единенія, но именно изысканіе богооткровенной истины, если предположить, что она

имъ еще неизвѣстна, или-же извѣстна не въ надлежащей точности, неясно, смутно и неотчетливо. Безъ этого-же предварительнаго изысканія или разъясненія богопреданной истины не возможно достигнуть единенія въ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ; безъ этого предварительнаго полнаго вѣдѣнія богопреданной истины и самое примиреніе не возможно. Да это доказано и исторически. На соборѣ какъ Ліонскомъ, такъ и Ферраро-Флорентійскомъ епископы громко высказали свою формулу: „изволися Духу Святому и намъ“; но эта формула, выраженная столь громко и столь ясно какъ восточными, такъ и западными епископами, не привела однакоже Церкви къ желанному миру и не привела потому, что не было достигнуто предварительнаго соглашенія и единодушія среди разрозненныхъ церквей. Наконецъ, мысль о примиреніи разрозненныхъ церквей на новомъ вселенскомъ соборѣ посредствомъ новаго, пока еще никому неизвѣстнаго по своимъ приемамъ, разъясненія истины, можетъ быть требующаго (какъ это и бываетъ при разъясненіи спорныхъ вопросовъ) взаимныхъ уступокъ, равносильна признанію сомнительнаго состоянія обѣихъ, примиряющихся церквей. Гдѣ же тогда будетъ существовать Церковь непогрѣшимая, святая, столпъ и утвержденіе истины? Гдѣ будетъ и самая религіозная истина? Она не только для общецерковнаго сознанія будетъ X, величиною неизвѣстною, но въ одной изъ церквей, а можетъ быть и въ обѣихъ вмѣстѣ, будетъ представляться, въ виду новаго разъясненія спорныхъ предметовъ, доселѣ господствовавшимъ положительнымъ заблужденіемъ. Прекрасно поэтому говорить о. Владиміръ Гетте, что признавая на соборахъ лишь свидѣтельство епископовъ въ дѣлѣ подтвержденія догматовъ общепринятыхъ и общеобязательныхъ, „можно отлично понять то, что называютъ догматомъ непогрѣшимости Церкви. Разсматриваемый-же съ точки зрѣнія римлянъ (создавшихъ свою особенную теорію догматическаго развитія), этотъ догматъ нелѣпъ, потому что онъ помѣщаетъ непогрѣшимость или въ одномъ человѣкѣ, или въ нѣсколькихъ людяхъ, которые могутъ быть менѣе свѣдущи и менѣе разумны,

чѣмъ многіе другіе, и которые однако-же усвояютъ себѣ, неизвѣстно почему и какъ, на эти случаи (особенное) соприсутствіе Духа Св. Съ точки-же зрѣнія православной Церкви, догматъ о непогрѣшимости ея совершенно разуменъ, и можетъ быть принимаемъ самою притязательною философіею; въ сущности онъ сводится на *достоверное свидѣтельство, непрерывно износимое христіанскимъ обществомъ, о томъ ученіи, которое Христосъ и Апостолы сообщили этому обществу*. Но довольно объ этомъ! Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о „каталогѣ догматовъ“ апостольскихъ временъ, котораго отъ насъ требуетъ г. Соловьевъ.

Когда хотятъ спекулятивно вывести все существующіе догматы изъ одной какой-либо основной христіанской истины, подобно тому какъ философы выводятъ свои философскія системы изъ тѣхъ или другихъ отвлеченно-философскихъ положеній; когда затѣмъ этотъ спекулятивный процессъ логическаго развитія мысли переносятъ и въ область исторіи, въ область церковной жизни: тогда могутъ думать, что все неосвѣщенное или несоглашенное пока съ этою спекулятивностію или спекулятивною дедукціею и индукціею не должно быть признаваемо за догматъ,—что такъ какъ спекулятивный процессъ въ исторической жизни Церкви совершается медленно и постепенно, при посредствѣ лишь соборныхъ опознаній, то Церковь только послѣдовательно и постепенно можетъ узнавать свои догматы, замѣчать ихъ приращеніе и вести имъ счетъ,—словомъ, тогда могутъ говорить то, что именно и говоритъ намъ нашъ почтенный возражатель: „пока г. Стояновъ не представитъ намъ точнаго счета *первоначальныхъ* апостольскихъ догматовъ, безспорныхъ и безусловно-обязательныхъ для Церкви съ самого ея основанія, мы останемся при своемъ убѣжденіи, что этотъ счетъ очень не великъ, а именно, что онъ сводится всего къ одному *перводогмату совершенной богочеловѣчности*, въ немъ же логически заключается вся полнота истины“. На этихъ-то основаніяхъ г. Соловьевъ требуетъ отъ насъ „каталога догматовъ“ апостольскихъ временъ, и при-

даетъ этому каталогу большую важность. Во имя своихъ спекулятивныхъ соображеній, искусственно составленныхъ дилеммъ, г. Соловьевъ даже побуждаетъ насъ отказаться отъ нашей будто бы анти-исторической теоріи о какомъ-то готовомъ и неприкосновенномъ „каталогѣ догматовъ“, общеизвѣстныхъ для всей Церкви отъ временъ Христа и апостоловъ. Очевидно, г. Соловьевъ человѣкъ науки, любитель „научныхъ каталоговъ“, „догматическихъ тезисовъ“, и хочетъ подвести богооткровенную истину подъ математическій счетъ и число. Для него, если нѣтъ математически точныхъ по счету догматовъ, „каталога ихъ“, то нѣтъ и самыхъ догматовъ. Это однако очень странно! Мы-же думаемъ, что все божественное ученіе Іисуса Христа есть безусловно догматическое; оно хранилось, исповѣдывалось и возвѣщалось Церковію съ самыхъ первыхъ моментовъ ея существованія до нашихъ дней. Оно всегда признавалось въ Церкви и достаточно яснымъ для вѣры, и безусловно обязательнымъ для вѣрующихъ. Въ противномъ случаѣ можно думать, что и Церковь апостольская съ самаго перваго времени уже увлекалась спекулятивнымъ методомъ богословствованія такъ, что не хотѣла признавать во всей полнотѣ догматическимъ и общеобязательнымъ самаго ученія Спасителя, такъ какъ оно не было еще опознано и опредѣлено на вселенскихъ соборахъ? А мы утверждаемъ, что ничего подобнаго не было и не могло быть въ Церкви апостольской—идеальной, образцовой и достойной полного подражанія во все времена!... Въ чемъ-же дѣло? По нашему мнѣнію—въ томъ, что г. Соловьевъ смѣшиваетъ, или отождествляетъ богооткровенное ученіе съ философскою системою и богооткровенные догматы съ философскими тезисами или своего рода догматами. Кстати припомнимъ, что философы, по крайней мѣрѣ древніе, тоже любили называть свои философскія положенія догматами. Но нашъ почтенный возражатель забываетъ, что ученіе Іисуса Христа какъ догматическое, такъ и нравственное, не было какою-то абстрактной теоріей, какой-либо трансцендентальной доктриной, возникшей и развившейся апіорическимъ путемъ, предназначенной лишь для умственного воспріятія и для такъ называе-

мой на философскомъ языкѣ спекулятивной дѣятельности разума; напротивъ, все содержаніе этого ученія, какъ утверждаютъ богословы-эмпирики *), возвѣщалось, развивалось и сообщалось, какъ это до очевидности ясно изъ евангелій, въ непосредственномъ соприкосновеніи и соотношеніи съ жизнью, съ живою дѣйствительностію, на почвѣ историческаго, современнаго Іисусу Христу человечества, и имѣеть цѣлію прежде всего пересоздать эту жизнь. А потому ни спекулятивной системы, ни научнаго разчлененія этой системы мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ христіанства. Но значить-ли это, что поэтому самому не было или не могло быть и догматовъ—неизмѣнныхъ, абсолютныхъ и общеобязательныхъ? Догматы эти существовали въ живомъ сознаніи вѣрующихъ, высказывались и исповѣдывались по первому вызову, были заключены затѣмъ въ святоотеческой письменности, въ исповѣданіяхъ вѣры, въ символахъ, литургіяхъ, молитвахъ и т. п. Словомъ, разчлененіе догматовъ, систематизація ихъ, сведеніе въ каталоги, катехизисы и богословскія системы и пр., было дѣломъ науки, которая появилась поздно, по требованію историческихъ нуждъ; но это отнюдь не означало того, что такъ какъ не было догматической науки, этихъ каталоговъ, катехизисовъ, догматическихъ богословій и пр., то не было и самыхъ догматовъ. Никто въ мірѣ, конечно, не знаетъ лучше, полнѣе и совершеннѣе той философіи, которой нашъ почтенный оппонентъ состоитъ докторомъ. И однако-же онъ не представилъ еще пока каталога своихъ „философскихъ догматовъ“ и, думаемъ, очень затруднился-бы сдѣлать это съ совершенною точностію въ виду разнообразныхъ запросовъ со стороны всѣхъ послѣдователей и порицателей его философіи. Но значить-ли это, что ему самому неизвѣстны его собственные „догматы“, или что его послѣдователи и порицатели не могутъ извлечь ихъ изъ его философскихъ сочиненій и затѣмъ составить для себя каталоги, если только кому-либо изъ нихъ прійдетъ охота это сдѣлать? Составители могутъ ошибиться при этомъ и

*) „Исторія первобытной христ. проповѣди“. Стр. 43 и 44.

въ счетъ и пониманіи этихъ „догматовъ“. Но станетъ-ли кто-нибудь отрицать положительный характеръ въ философскомъ ученіи г. Соловьева, или будетъ-ли признавать его философскія положенія лишь какими-то зачаточными, неясными, полусознательными мыслями, и даже просто философскими предощеніями на томъ единственно основаніи, что они не сведены у него и не собраны въ „философскомъ каталогѣ“; такой мыслитель, на нашъ взглядъ, впалъ-бы въ большую и даже грубую ошибку. Это утверждаемъ мы о философіи, о человѣческой наукѣ, о человѣческомъ умствованіи ни для кого необязательномъ. Такъ-ли относились первенствующіе христіане къ откровенному, божественному ученію? Могли-ли они не признавать безусловно-обязательными, безусловно истинными и догматическими каждую мысль, каждое выраженіе своего божественнаго Учителя? Если-же не могли, то не будетъ-ли со стороны г. Соловьева слишкомъ смѣло и слишкомъ самоувѣренно утверждать, что только въ наше время стали извѣстны эти догматы, а первенствующіе христіане ихъ не знали и не опознавали? Скажемъ даже больше. Божественное ученіе по своей необычайной высотѣ, по своей несоизмѣримости ни съ какимъ человѣческимъ ученіемъ, и не могло въ короткое время явиться въ какой-либо разчлененной системѣ, или въ какихъ-либо систематическихъ каталогахъ. Составленіе этой системы или этихъ каталоговъ было очень трудною, вѣковой задачей цѣлыхъ столѣтій и, по нашему мнѣнію, было дѣломъ величайшихъ геніевъ человѣческаго рода. Прекрасно говоритъ профессоръ Барсовъ: „Въ самой природѣ ученія Іисуса Христа, какъ всесовершенной Божественной истины, содержалось уже отрицаніе всякой аргументаціи и систематизаціи. Всесовершенная истина не можетъ быть ни проблемой, ни гипотезой, а можетъ быть только аподиктическимъ сужденіемъ и аксіомой. Этотъ сентенціально-аподиктический и въ то-же время аксіоматическій характеръ ученія Іисуса Христа есть отличительная, не повторяющаяся въ исторіи проповѣди, черта учительства Іисуса Христа, какъ Богочеловѣка. Всякая логическая дѣятельность могла начаться лишь послѣ того, какъ состоялось *воспріятіе* истины органами вѣры, и должно было начаться *усвое-*

не и вырази́тъ ея въ предѣлахъ логическаго мышленія, въ предѣлахъ ограниченной самодѣятельности человѣческаго разума, которому недоступно *творчество* истинъ откровенія, но для котораго возможна объяснительная работа по отношенію къ нимъ“ *). Отсюда открывається, что эта объяснительная, логическая работа мысли не могла касаться ни увеличенія числа богодарованныхъ истинъ, ни сообщенія имъ новаго смысла, недоступнаго для вѣры, а потому и не нуждалась въ научныхъ каталогахъ на первыхъ порахъ. Думать-же, что этотъ смыслъ не извѣстенъ былъ для вѣры въ вѣкъ апостольскій, и затѣмъ во всѣ дальнѣйшіе вѣка, и только открылся во времена вселенскихъ соборовъ, когда стали появляться первые догматическіе каталоги,—это тоже, какъ если-бы утверждать, что логикою можно не только замѣнять вѣру, но логикою-же можно открывать смыслъ, или истину вѣры, ея сущность. *Аще не узърете*, говоритъ намъ Слово Божіе, *не имате разумѣти*; и, слѣдовательно, сколько есть въ вѣрѣ, столько-же должно быть и въ логическомъ разумѣніи, ни больше, ни меньше. *Сердцемъ въруется въ правду*, а не логика открываетъ намъ ее. И вотъ на этомъ-то основаніи выраженія г. Соловьева: неясная истина, неопредѣленная истина, предощуцаемая истина и пр. для насъ звучатъ тождественно съ противорѣчивыми положеніями: темная ясность, черная бѣлизна, горькая сладость и т. п. Во всякомъ случаѣ, когда г. Соловьевъ требуетъ отъ насъ „каталога догматовъ“ апостольскаго вѣка, и, слѣдовательно, не признаетъ нынѣ принимаемыхъ нашею Церковью догматовъ непосредственно апостольскими, а только выводными, созданными съ теченіемъ вѣковъ на апостольскомъ основаніи, то въ видахъ всеобщаго церковнаго примиренія, не лучше ли было-бы отказаться отъ всѣхъ нашихъ логическихъ выводовъ и опознаній откровенной истины и возвратиться къ апостольскому основанію вѣры?... Не лучше-ли было-бы предоста-вить всѣ эти выводы и опознанія доброй совѣсти и разумѣнію каждаго? Въ такомъ случаѣ мы имѣли-бы нѣчто *достоверно*

*). „Исторія первобытн. христ. проповѣди“, стр. 48.

апостольское, а теперь имѣемъ право сомнѣваться въ этомъ, какъ сомнѣвается г. Соловьевъ!.. Мы-же, напротивъ, утверждаемъ, что вѣра, принимаемая нами нынѣ, со всеѣми своими догматами, есть несомнѣнно апостольская, и каталоги ея можно находить въ нашихъ катехизисахъ и богословскихъ системахъ, потому что каждый догматъ нашей Церкви непременно основывается на Свящ. Писаніи и на свящ. преданіи. И, слѣдовательно, уже не намъ, а г. Соловьеву предстоитъ принять на себя тяжелый и совершенно напрасный трудъ доказывать, что нынѣ исповѣдуемые восточными христианами догматы вселенской Церкви не были извѣстны во времена апостольскія и появились лишь въ періодъ вселенскихъ соборовъ...

Мы изложили спекулятивныя воззрѣнія г. Соловьева на христіанскіе догматы и подвергли ихъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія эмпирическаго богословія. Намъ остается теперь возвратиться къ той цѣли, ради которой нашъ уважаемый оппонентъ создаетъ свои новыя понятія о догматахъ. Для какой-же цѣли онъ свою теорію догматовъ, чисто спекулятивную, хочетъ установить на мѣсто прежней эмпирической или исторической? Чего домогается онъ? Онъ хочетъ освободить православное богословіе отъ его отвлеченнаго характера. Превращеніе откровенныхъ истинъ изъ неопредѣленныхъ, неясныхъ и неотчетливыхъ представленій въ ясныя, отчетливыя и разчлененныя понятія, доступныя разуму и наукѣ,— вотъ ближайшая цѣль его, вотъ задача догматическаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по его мнѣнію, и путь къ примиренію Церквей. Очевидно все это находится у него въ тѣсной и неразрывной связи съ его философскимъ міросозерцаніемъ. Какъ Шеллингистъ, онъ вездѣ идетъ отъ тьмы къ свѣту, отъ безсознательнаго состоянія къ сознательному, отъ неясныхъ и неопредѣленныхъ мыслей и даже предощущеній ихъ къ яснымъ и несомнѣннымъ истинамъ. То же самое дѣлаетъ онъ и съ христіанскими догматами. И хотя онъ признаетъ свой *перводогматъ*, ученіе о бѣгочеловѣчности, догматомъ яснымъ, свѣтоноснымъ и пр., но, очевидно, дѣлаетъ это по недоразумѣнію. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ мысль отвлеченную, въ сферѣ которой первоначально могутъ мыслиться понятія противоположныя до взаимнаго отрицанія,—понятія и православ-

ныя, и еретическія,—нельзя назвать мыслию ясною, свѣтоносною и хотя сколько-нибудь опознаною. Особенно если мы пріймемъ во вниманіе, что и самыя догматы, несомнѣнно опредѣляемые на вселенскихъ соборахъ, по мнѣнію г. Соловьева, не отличаются еще полнымъ опознаніемъ; они страдаютъ, по крайней мѣрѣ, въ строго богословскихъ традиціонныхъ системахъ, крайнею отвлеченностію, слишкомъ большою догматичностію, т. е. не примирены съ разумомъ и наукою; а потому не имѣютъ абсолютнаго, божественнаго значенія для разума и науки. Конечно, г. Соловьевъ признаетъ догматическія опредѣленія соборовъ не подлежащими перерѣшенію; но такъ какъ эти опредѣленія все еще стоятъ внѣ полного примиренія съ разумомъ и наукою, такъ какъ въ нихъ все еще скрывается много темнаго, неотчетливаго и неразчлененнаго, то всегда возможно ихъ дальнѣйшее научное или логическое развитіе, ихъ дальнѣйшее уясненіе и разчлененіе,—словомъ возможно дальнѣйшее превращеніе вѣры въ знаніе, а слѣдовательно, возможно и примиреніе церкви при болѣе отчетливомъ знаніи догматовъ. Что сказать объ этихъ спекулятивныхъ воззрѣніяхъ г. Соловьева? Какъ смотрѣть на нихъ? Скажемъ словами преосвященнаго Амвросія: „великое несчастіе новаго христіанскаго міра состоитъ въ томъ, что онъ дозволилъ себѣ извлекать изъ слова Христова одно ученіе въ качествѣ голыхъ мыслей, составлять изъ нихъ системы по человѣческой логикѣ и довольствоваться этими системами, какъ изложеніемъ сущности христіанства. Никто не отрицаетъ достоинствъ научнаго изложенія христіанскаго ученія, но не ему принадлежитъ первое мѣсто въ нашемъ духовномъ просвѣщеніи, а непосредственному слову Божию“ *). Г. Соловьевъ, очевидно, воспитанникъ Запада и вполне усвоилъ себѣ совершенства и недостатки своего воспитателя. Какъ западникъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ вооружился западнымъ оружіемъ для борьбы съ западнымъ-же невѣріемъ, маловѣріемъ и оскудѣніемъ вѣры. Его спекулятивныя воззрѣнія суть благонамѣренный и благожелательный отвѣтъ европейскому духу отри-

*) „Вѣра и Разумъ“ 1886, январь, кн. 2, стр. 81, 82.

цанія и отверженія христіанства. Онъ хочетъ доказать, что христіанство должно быть признано столько-же раціональнымъ, какъ и всякое другое раціоналистическое ученіе. Отсюда открывається, что его намѣренія превосходны, но мы не думаемъ, чтобы средства, употребляемые имъ для достиженія намѣченной имъ цѣли, вполнѣ соотвѣтствовали его намѣреніямъ. Мы убѣждены, что христіанство можетъ представиться нашему сознанию гораздо болѣе раціональнымъ не тогда, когда извлекутъ изъ него въ логической связи голыя мысли, болѣе или менѣе примиренныя съ разумомъ, но когда докажутъ, что христіанство, какъ откровеніе Самого Бога, неизмѣримо возвышается надъ разумомъ; что разумъ можетъ только приближаться къ нему съ своимъ опознаніемъ; что между христіанствомъ и разумомъ существуетъ лишь мнимое, а не дѣйствительное противорѣчіе. Между тѣмъ, забвеніе всего этого ввергаетъ новый христіанскій міръ, какъ выражается преосвященный Амвросій, въ великое несчастіе. И несчастіе это состоитъ не только въ томъ, что вмѣсто живой, непосредственной, сердечной вѣры предлагаютъ обществу блѣдный, сухой, болѣе или менѣе раціональный рефлексъ вѣры; но главнымъ образомъ въ томъ, что эту раціональную вѣру подвергаютъ участи всѣхъ раціональныхъ системъ. Что заявляетъ притязаніе на логическую или теософическую связность и ясность, то можетъ и должно быть оцѣниваемо по требованіямъ этой односторонней ясности и связности, то должно претерпѣвать одну и ту-же участь со всѣми нашими, т. е. человѣческими раціональными системами. Оказывается такимъ образомъ, что при спекулятивномъ методѣ богословствованія выигрываютъ въ логической ясности вѣры (да и это еще очень сомнительно), но за то проигрываютъ въ силѣ, живости и глубинѣ непосредственной сердечной вѣры; оказывается, что *знаніемъ* напрасно хотятъ замѣнить *вѣру*. Желательно-ли это не только въ индивидуальной, но и въ общенародной жизни? Хороша-ли эта замѣна? Мы признаемъ, впрочемъ, относительную полезность богословскихъ спекуляцій среди извѣстнаго общества и при извѣстныхъ условіяхъ его жизни; но не думаемъ, чтобы въ этихъ спекуляціяхъ заключалось спасеніе

общества отъ удручающихъ его бѣдствій, то есть, сомнѣнія и скептицизма,—а тѣмъ болѣе не думаемъ, чтобы въ нихъ, въ этихъ спекуляціяхъ, заключалось зерно будущей общехристіанской, или уже только общеславянской культуры.

Впрочемъ, кромѣ философскаго или научнаго интереса, у г. Соловьева существуетъ еще и чисто практическій интересъ при установленіи его спекулятивной теоріи догматовъ. Превращая всѣ христіанскіе догматы до вселенскихъ соборовъ въ философскія, или лучше—теософскія проблемы и гипотезы, предполагая, что тѣ или другія богословскія мнѣнія по поводу этихъ догматовъ, хотя-бы они появились только вчера, могутъ быть возводимы общеепископскою властію и дѣятельностію на вселенскихъ соборахъ, во имя логическаго опознанія и особеннаго богопросвѣщенія, въ несомнѣнные, общеобязательные догматы, онъ, такимъ образомъ, пролагаетъ путь къ возобновленію союза восточной Церкви съ западною, а вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ и славянскимъ народамъ возможность исполнить свою всемірную, культурную задачу въ родѣ человѣческомъ. Онъ, повидимому, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: почему знать, не достигнуть-ли въ концѣ концовъ и восточные епископы, просвѣщаемые на соборахъ нарочитымъ наитіемъ Св. Духа, такого опознанія спорныхъ догматовъ, что, наконецъ, и для нихъ станетъ яснымъ и несомнѣнно истиннымъ все нынѣ отличительное латинское ученіе, т. е. когда всѣ новоизобрѣтенные латинскіе догматы будутъ признаны общеобязательными и на Востокѣ? Восточные епископы, повидимому, даже должны сдѣлать это во имя теоріи развитія догматовъ, т. е. во имя теоріи превращенія богословскихъ мнѣній въ несомнѣнно богооткровенныя истины. Предъявлять-же подобныя требованія въ отношеніи къ западнымъ епископамъ, желать, чтобы они отказались отъ своей страсти превращать богословскія мнѣнія въ несомнѣнныя богооткровенныя истины, извѣстныя и общепринятыя во вселенской Церкви со временъ апостольскихъ,—это значитъ требовать отъ нихъ невозможнаго, это значитъ желать отъ нихъ какого-то переразвитія, или обратнаго развитія, что совершенно немыслимо съ точки зрѣнія догматическаго прогресса. Вѣрно-ли мы воспроизвели основныя

мысли нашего почтеннаго оппонента? Если вѣрно, то мы снова должны повторить уже высказанныя нами положенія: восточные богословы никакъ не могутъ согласиться съ этими воззрѣнiями г. Соловьева. Восточные богословы хотятъ, остаться при своихъ прежнихъ вѣрованiяхъ, завѣщанныхъ имъ вселенскою Церковiю отъ временъ апостольскихъ. Они хотятъ сохранить одно это, и только *одно это ученiе* во всей его цѣлости и неприкосновенности, какимъ-бы строгимъ упрекамъ ни подвергались они за подобное желанiе, со стороны г. Соловьева. Да и что означаютъ его упреки, какой смыслъ имѣютъ они? Когда мы въ своей критической статьѣ противъ г. Соловьева утверждали, что существенное различiе восточныхъ догматическихъ положенiй отъ новыхъ латинскихъ догматовъ состоитъ въ томъ, что первые *консервативнаго* характера, а вторые—*прогрессивнаго*, первые ограждаютъ вселенскiй догматъ, а вторые—разрушаютъ его ограду и привносятъ въ него *нѣчто новое*, то г. Соловьевъ укорилъ насъ въ *старовѣрiи* въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова. Пусть будетъ такъ! Съ своей стороны, мы не назовемъ нашего уважаемаго оппонента „нововѣромъ“ даже въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, и думаемъ, что этимъ окажемъ ему честь. Но за то мы имѣемъ полное право назвать его „*разновѣромъ*“, или „*недовѣромъ*“. Да! Мы имѣемъ право назвать его такъ потому, что онъ не рѣшилъ еще для себя вопроса, кто правъ и кто не правъ; онъ не знаетъ: говорятъ-ли истину латинскiе христiане, а восточные заблуждаются, или же возможенъ совершенно обратный случай. А потому г. Соловьевъ остается въ глубокомъ недоумѣнiи: какiе именно епископы должны на новомъ вселенскомъ соборѣ сподобиться особеннаго просвѣщенiя отъ Духа Святаго, восточные или латинскiе, хотя послѣднiе, какъ прогрессирующiе, повидимому, на своихъ соборахъ уже сподобились этого. Возможенъ, впрочемъ, и третiй случай, т. е. возможно то, что и тѣ и другiе епископы, и латинскiе и восточные, одинаково или совместно должны для опредѣленiя извѣстныхъ догматовъ еще ожидать для себя особеннаго просвѣщенiя отъ Духа Святаго!... Таковы колебанiя и недоумѣнiя нашего возражателя! Таково его разно-

вѣріе! И вотъ на этихъ-то основаніяхъ мы никакъ не можемъ признать подобное состояніе духа явленіемъ желательнымъ, правильнымъ или нормальнымъ. Отнимите у духа твердую увѣренность въ полномъ обладаніи откровенною истиною, и самое знаніе этой истины станеть для него невозможнымъ. Вѣра именно и состоитъ въ обладаніи абсолютною истиною и наслажденіи ею, а затѣмъ уже выражается въ такой, или иной научной разработкѣ ея, если въ этомъ встрѣтится какая-либо надобность. А потому недоумѣнія въ вѣрѣ, колебанія въ ней, разновѣріе убиваютъ энергію духа, разрушаютъ могучую силу вѣры какъ въ жизни индивидуальной, такъ и общественной, или народной. Между тѣмъ эту энергію духа, эту силу вѣры, эту могучую вѣру мы вполне хотѣли-бы сохранить во всей цѣлости и для себя и для нашего народа. И когда г. Соловьевъ докторально говоритъ намъ: „вѣдь для того, чтобы сохранять или охранять религіозную истину или вѣру *съ толкомъ*“, надобно развивать ее, надобно имѣть о ней какое-нибудь *понятіе*, то мы имѣемъ право сказать ему въ отвѣтъ: для того, чтобы развивать эту истину тоже *съ толкомъ*, надобно прежде всего охранять ее, надобно имѣть о ней какое-нибудь, хотя и неполное, недостаточное съ научной точки зрѣнія, но несомнѣнно апостольское, несомнѣнно общецерковное понятіе. Впрочемъ, это разногласіе наше съ г. Соловьевымъ приводитъ уже насъ къ новому ряду понятій,—именно приводитъ насъ къ рѣшенію вопроса о томъ, въ чемъ именно состоитъ *толковое* или истинное охраненіе и *толковое-же* или истинное развитіе догматовъ? Но объ этомъ скажемъ уже въ слѣдующій разъ.

М. Стяновъ.

(Продолженіе будетъ).

ОТНОШЕНІЕ
АПОЛОГЕТОВЪ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ II ВѢКА
къ
ЯЗЫЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

Связь христіанскаго ученія съ языческою философіею, съ естественнымъ человѣческимъ разумомъ, установленная св. Іустиномъ философомъ *), не прервалась съ его смертію. Напротивъ того, въ самое ближайшее къ Іустину время, а отчасти еще и во время его жизни мы видимъ въ восточной Церкви цѣлый рядъ церковныхъ писателей - апологетовъ, слѣдовавшихъ въ своей литературной дѣятельности по избранному имъ пути. Таковы: Таціанъ, Аѣинагоръ, Теофилъ, епископъ антиохійскій, Ермій. Въ произведеніяхъ всѣхъ этихъ церковныхъ писателей высказываются ясные и опредѣленные взгляды на философію и на самихъ философовъ; въ этихъ произведеніяхъ замѣчается довольно близкое знакомство съ философскими системами древности; замѣчается, наконецъ, въ нихъ и вліяніе философіи. Разумѣется, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ сочиненія помянутыхъ апологетовъ имѣютъ не мало индивидуальныхъ различій и особенностей, что, какъ намъ кажется, сообщаетъ особенный интересъ принятому нами изслѣдованію.

I.

Первымъ по времени послѣ св. Іустина церковнымъ писателемъ на Востокѣ былъ *Таціанъ*. Этотъ апологетъ христіанства

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 10.

по характеру своего отношенія къ языческой мудрости рѣзко отличается какъ отъ своихъ преемниковъ по литературной дѣятельности, такъ въ особенности отъ св. Іустина. Отличіе это состоитъ главнымъ образомъ въ крайней враждебности Таціана ко всему нехристіанскому. Такъ какъ эта враждебность въ значительной степени объясняется характеромъ Таціана и обстоятельствами его жизни: то предварительно сдѣлаемъ краткій очеркъ жизни этого апологета на основаніи тѣхъ скудныхъ свѣдѣній о немъ, которыя сохранились до нашего времени.

Время рожденія Таціана съ точностію неизвѣстно, а мѣсто его рожденія—Ассирія. Объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуешь въ своей „Рѣчи противъ эллиновъ“¹⁾, называя себя „уроженцемъ Ассирійской земли“. По своему происхожденію будучи язычникомъ²⁾, Таціанъ довольно рано ощутилъ въ себѣ не-удержимое стремленіе познать истину, которой онъ не находилъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ восточныхъ народовъ. Поэтому онъ рѣшился искать ее въ Европѣ, куда и отправился около 140 года³⁾. Здѣсь вниманіе Таціана прежде всего останавливается на Греціи, и онъ попеременно посѣщаетъ замѣчательнѣйшія ея школы, занимаясь изученіемъ риторическаго искусства, философіи и вообще эллинской мудрости⁴⁾. Но умозрительная греческая философія и „холодное аѳинское краснорѣчіе“ не удовлетворили пылкую душу Таціана. Разочаровавшись въ Греціи, онъ отправился въ другія страны Европы и, наконецъ, прибылъ въ Римъ. Но и здѣсь ревностнаго искателя истины постигло разочарованіе. Противорѣчія между философами въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ бытія и знанія, пустота и безнравственность языческихъ культовъ и мистерій, наконецъ, крайняя нравственная распущенность, господствовавшая въ тогдашнемъ языческомъ обществѣ,— все это повергало пылкую и жаждавшую истины душу Таціана въ крайнее смущеніе и недовольство, заставляя его убѣж-

¹⁾ Глава XLII.

²⁾ Гл. XXIX, XLII.

³⁾ Скворцовъ. Философія отцовъ и учителей Церкви, стр. 33.

⁴⁾ Рѣчь противъ элл. XXXV.

даться въ ложности и несостоятельности языческихъ религій и философскихъ системъ и возбуждая въ немъ сомнѣніе въ возможности гдѣ-нибудь и когда-нибудь найти истину ¹⁾).

Во время такого неспокойнаго состоянія духа попались Таціану книги Священнаго Писанія. Читая ихъ, онъ удивлялся простотѣ и безыскусственности ученія о твореніи міра, возвышенности идей о единомъ Богѣ, чистотѣ нравственныхъ правилъ и вообще чистотѣ и возвышенности всего вѣроученія и правоученія, содержащихся въ Священномъ Писаніи. Все это заставило Таціана избрать книги Священнаго Писанія своимъ руководствомъ. Онъ самъ такъ рассказываетъ о своемъ обращеніи изъ язычества въ христіанство: „когда я увидѣлъ все это (т. е. несостоятельность языческой мудрости и ложность языческой религіи), тогда я углубился въ самого себя и изслѣдовалъ, какимъ образомъ могу познать истину. Въ то время, какъ умъ мой разсматривалъ все лучшее, я напалъ на одни книги варварскія, которыя древнѣе эллинскихъ ученій, и такъ божественны, что не могутъ быть сравниваемы съ ихъ заблужденіями; и я повѣрилъ этимъ книгамъ, по простотѣ ихъ рѣчи, безыскусственности писателей, удобопонятности объясненія всего творенія, предвѣдѣнію будущаго, превосходству правилъ и, наконецъ, по ученію объ единомъ Властителѣ надъ всѣмъ. Итакъ, душа моя, вразумленная Богомъ, поняла, что однѣ книги (т. е. языческія) влекутъ за собою осужденіе, а другія (т. е. Священное Писаніе) разрушаютъ рабство и даютъ намъ то, что мы хотя получили нѣкогда, но не сохранили ²⁾. Будучи просвѣщенъ познаніемъ ихъ, я рѣшился отвергнуть языческія заблужденія, какъ дѣтскія бредни“ ³⁾.—Кромѣ того, побуждала еще Таціана принять христіанство высоко-нравственная жизнь христіанскаго общества, которую онъ тщательно изучилъ,—жизнь чуждая всякаго корыстолюбія и тщеславія ⁴⁾, особенно цѣломудріе христіанскихъ женщинъ ⁵⁾, единомысліе

¹⁾ Тамъ-же, гл. XXIX. XXXV.

²⁾ Тамъ-же гл. XXIX.

³⁾ Гл. XXX.

⁴⁾ Гл. XI.

⁵⁾ Гл. XXXIII, XXXIV.

христіанъ въ вѣрѣ, согласіе съ нею въ жизни ¹⁾ и готовность скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ вѣры ²⁾.

Самое обращеніе Таціана совершилось вѣроятно въ Римѣ, гдѣ онъ познакомился съ св. Іустиномъ, и, какъ свидѣтельствуется св. Иринеѣ ³⁾, былъ его ученикомъ. По принятіи христіанства, Таціанъ, подобно своему учителю, ревностно подвизался въ защищеніи и распространеніи христіанскаго ученія. Сверхъ того, Таціанъ не мало занимался литературною дѣятельностію. Правда, до насъ дошла только его „Рѣчь противъ эллиновъ“, но несомнѣнно, что онъ оставилъ послѣ себя еще нѣсколько сочиненій. Такъ онъ самъ упоминаетъ о своихъ книгахъ: „О животныхъ“ ⁴⁾ и „Противъ тѣхъ, которые разсуждали о божественныхъ дѣлахъ“ ⁵⁾. Затѣмъ Евсевій ⁶⁾ приписываетъ Таціану „Книгу вопросовъ“ и сводъ четырехъ евангелій подъ названіемъ „*διὰ τῆς αἰῶνος*“, а Климентъ Александрійскій ⁷⁾ дѣлаетъ небольшую выдержку изъ его книги: „О совершенствѣ по ученію Спасителя“.

При всей своей ревности къ христіанству Таціанъ не остался навсегда вѣрнымъ православію. Удалившись вскорѣ послѣ смерти Іустина въ Сирію, онъ, по своему рѣзкому, склонному къ крайностямъ, аскетическому характеру, впалъ въ гностическія заблужденія. Дальнѣйшая внѣшняя судьба его совершенно неизвѣстна. Время смерти его полагаютъ около 175 года ⁸⁾.

Таковы дошедшія до насъ скудныя свѣдѣнія о жизни Таціана. Но въ настоящемъ случаѣ для насъ довольно и этихъ немногихъ свѣдѣній, такъ какъ они въ достаточной степени обрисовываютъ характеръ и личность Таціана. Свойственная уроженцу восточныхъ странъ пылкость темперамента, неудер-

¹⁾ Гл. XXII, XXXVI.

²⁾ Гл. IV.

³⁾ Противъ ересей, кн. I, гл. 28.

⁴⁾ Рѣчь пр. элл., XV.

⁵⁾ Тамъ-же, XI.

⁶⁾ Церковная исторія, кн. V, гл. 13.

⁷⁾ Strom. lib. III, cap. 12, pag. 547. Ed. Potters.

⁸⁾ Прот. Преображенскаго. „Введеніе къ переводу апологій Таціана“, стр. 6.

жимое стремленіе отыскать истину, путешествіе въ Европу съ цѣлію на мѣстѣ ознакомиться съ греческою и римскою мудростію, разочарованіе въ ней, принятіе христіанства вслѣдствіе увлеченія простотою, ясностію и возвышенностію Священнаго Писанія, а также неизмѣримымъ нравственнымъ превосходствомъ христіанъ надъ язычниками, наконецъ, неудовлетворенность и этою высоко-нравственною жизнію и увлеченіе аскетизмомъ гностиковъ,—вотъ выдающіяся черты характера и жизни Таціана.

Какого-же отношенія къ языческой философіи слѣдуетъ ожидать отъ такого человѣка? Конечно, самаго враждебнаго.

Дѣйствительно Таціанъ дышетъ ненавистію ко всему не христіанскому. Онъ, по выраженію Прессансе, какъ будто хочетъ „вырвать съ корнемъ язычество, какъ дерево, приносящее ядовитые плоды, особенно-же вредный плодъ познанія, который философы, служители змія, предлагаютъ человѣчеству для его гибели“ ¹⁾. По своей не любви къ языческой философіи Таціанъ превосходитъ рѣшительно всѣхъ писателей Церкви первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства. Только одинъ Тертуліанъ, по замѣчанію Даніэля, нѣсколько приближается къ нему въ этомъ отношеніи ²⁾.

Вражда къ языческой мудрости не рѣдко выражается у Таціана въ очень рѣзкихъ и даже не совсѣмъ приличныхъ выраженіяхъ. Онъ, напримѣръ, не стѣсняется говорить о языческихъ философахъ: „они болтаютъ, что каждому придетъ на умъ“ ³⁾, кричатъ на подобіе вороновъ“ ⁴⁾. Обращаясь съ своею рѣчью къ элинамъ, Таціанъ не рѣдко осыпаетъ ихъ такими укоризнами: „Вы, элины, на словахъ боязливы, а умомъ глупы“ ⁵⁾. Ваши сужденія исполнены зависти и великой глупости“ ⁶⁾. Вы изслѣдуете, что такое Богъ, но не знаете, что въ васъ есть; и, розиня ротъ на небо, падаете въ ямы. Ваши

¹⁾ Pressense. Geschichte der drei ersten Jahrhunderte. Theil 4, p. 256.

²⁾ Daniel. Tatianus der Apologet, p. 124.

³⁾ Гл. III.

⁴⁾ Гл. XV.

⁵⁾ Гл. XIV.

⁶⁾ Гл. XXVII.

книги подобны лабиринтамъ, а читающіе ихъ—бочкѣ Данаидъ ¹⁾. Не тяготитесь моими уроками и не возражайте болтовнею и пустяками. Что худаго въ томъ, что человѣкъ, подобострастный прочимъ людямъ, обличаетъ ихъ въ явномъ невѣжествѣ?“ ²⁾.

Всякіе признаки неудовлетворительности и ложности философскихъ системъ не вызываютъ Таціана на спокойный разборъ ихъ и опроверженіе, но какъ будто радуютъ его. Противорѣчіе между извѣстными философскими системами возбуждаетъ въ немъ какъ бы злорадство ³⁾. „У философовъ“, говоритъ Риттеръ, „для Таціана нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ разногласіе между ними“ ⁴⁾.

Такъ непріязненно относясь ко всей вообще языческой философіи, Таціанъ иногда весьма рѣзко отзывается и объ отдѣльныхъ философскихъ системахъ или мнѣніяхъ, не щадя при этомъ и лучшія изъ нихъ. Такъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „я смѣюсь надъ бабьими сказками Ферекида, Пифагора и Платона“ ⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾ онъ такъ отзывается объ ученіи Демокрита: „касательно симпатій и антипатій, о которыхъ учитъ Демокритъ, что сказать мнѣ кромѣ того, что, по пословицѣ, человѣкъ изъ Абдеры ⁷⁾ говоритъ глупо?“

Высказывая такіе рѣзкіе отзывы о языческой философіи, очевидно не желая видѣть въ ней что-либо доброе, истинное, что заслуживало бы уваженія, Таціанъ естественно не могъ согласоваться съ своимъ наставникомъ Іустиномъ въ разрѣшеніи вопроса объ источникахъ языческой философіи. Онъ, конечно, не могъ раздѣлять ученія Іустина о сѣменахъ божественнаго Логоса, которыя до пришествія Христа на землю сообщаемы были язычникамъ и по мѣрѣ восприимлемости которыхъ философы, равно какъ и другіе люди, могли болѣе или менѣе приближаться къ истинѣ. Желаніе видѣть въ язы-

¹⁾ Гл. XXVI.

²⁾ Гл. XXXV.

³⁾ См., напримѣръ, гл. III. XXV.

⁴⁾ Ritter. Geschichte der Philosophie. B. V, p. 331.

⁵⁾ Гл. III.

⁶⁾ Гл. XVII.

⁷⁾ Демокритъ былъ родомъ изъ Абдеръ, іонійской колоніи во Фракіи.

ческой философіи одну только ложь должно было, напротивъ, приводить Таціана къ мысли, что она, эта лживая философія, происходитъ отъ начальника лжи—діавола. Таціанъ дѣйстви-тельно къ такому заключенію и приходитъ; но почему-то мысль, что философія внушена людямъ врагами рода челсвѣческаго—демонами, высказывается у него вскользь ¹⁾.

Впрочемъ, съ этимъ мрачнымъ взглядомъ на происхожденіе языческой философіи у Таціана совмѣщается мнѣніе, какъ-бы вынуждаемое находимыми имъ въ философіи истинами,—что философы нѣчто позаимствовали изъ Священнаго Писанія, передѣлавъ это по своему. „Поелику Моусей древнѣе по времени“, говоритъ Таціанъ, „то слѣдуетъ ему вѣрить болѣе, нежели элинамъ, которые, не признавая того, заимствовали у него ученія; ибо многіе изъ софистовъ, по своему любопытству познакомившись съ писаніями Моусея и подобныхъ ему философовъ, старались передѣлать ихъ ученія, придавая истинѣ видъ басни“ ²⁾.

Съ воззрѣніями Таціана на языческую философію въ полной гармоніи находятся и его мнѣнія о личностяхъ языческихъ философовъ. Какъ въ ихъ системахъ онъ рѣшительно не хочетъ видѣть ничего хорошаго, такъ и въ ихъ жизни онъ старается находить однѣ только дурныя или смѣшныя стороны. „Безбожными представляются ему“, говоритъ Риттеръ ³⁾, „нравы философовъ“. Особенно нападаетъ Таціанъ на циниковъ и другихъ современныхъ ему философовъ. „Что удивительнаго и великаго, говоритъ онъ, дѣлаютъ ваши философы? Они оставляютъ одно плечо непокрытымъ, отпускаютъ длинные волосы, отращиваютъ бороду, носятъ звѣринныя ногти; они, какъ говорятъ, ни въ чемъ не нуждаются; но на дѣлѣ нуждаются въ кожевникѣ для сумы, въ портномъ для одежды, въ дровосѣкѣ для палки, въ богачахъ и поварѣ для своей прожорливости. Человѣкъ, подражающій собакамъ! ты не знаешь Бога и уклоняешься къ подражанію животнымъ; ты публично кричишь съ

¹⁾ Напр., гл. VIII, IX.

²⁾ Гл. XL.

³⁾ Op. cit., p. 330.

важностію чловѣка небѣднаго, и самъ за себя мстишь: когда не получаешь, то ругаешься, и философія дѣлается у тебя искусствомъ наживаться...“ 1) „Философы ваши“, въ другомъ мѣстѣ говоритъ Таціанъ эллинамъ, „такъ далеки отъ воздержанія, что нѣкоторые ежегодно получаютъ отъ римскаго царя шестьсотъ золотыхъ монетъ не для какого-либо полезнаго дѣла, но для того, чтобы они не даромъ носили отпущенную бороду. И Кресцентъ 2) превосходилъ всѣхъ въ педерастіи и былъ весьма сребролюбивъ“ 3). Таковы отзывы Таціана о современныхъ философахъ.

Но „Таціанъ еще не довольствуется“, какъ выражается Даніэль 4), „порицаніемъ циниковъ, этихъ нравственныхъ монстровъ, но старается очернить и лучшихъ изъ греческихъ философовъ. Вообще ни у одного изъ греческихъ апологетовъ не выступаетъ такого стремленія осмѣять и представить въ дурномъ свѣтѣ философовъ“. Клеветы на языческихъ философовъ, существовавшія въ древности, ходячіе рассказы о безнравственныхъ, нелѣпыхъ и смѣшныхъ поступкахъ философовъ и фактахъ изъ ихъ жизни, — все это находитъ себѣ мѣсто въ Таціановой апологіи. Интересно при этомъ замѣтить, что передачею такихъ рассказовъ о философахъ Таціанъ видимо старается бросить тѣнь не только на самыя ихъ личности, но и на ихъ ученіе и на всю вообще философію языческую. „Что хорошаго“, говоритъ онъ эллинамъ, „пріобрѣли вы отъ философованія? кто изъ отличавшихся въ немъ не чуждъ былъ тщеславія? Діогенъ, который хвастался своей бочкой и хвалился воздержаніемъ, съѣлъ неваренаго полипа, и пораженный болѣзнію внутренностей, умеръ жертвою невоздержанія. Аристиппъ, ходившій въ пурпурной одеждѣ, согласно своему убѣжденію, велъ распутную жизнь. Платонъ философъ былъ проданъ Діонисіемъ за обжорство. Аристотель, вопреки долгу наставника, слишкомъ льстилъ Александру, забывъ, что онъ еще юноша; и этотъ ученикъ, вполне согласно съ уроками

1) Гл. XXV.

2) Кресцентъ — циникъ, современникъ Таціана.

3) Гл. XIX.

4) Op. cit., p. 69.

Аристотеля, заключилъ друга своего ¹⁾, какъ льва или леопарда, въ клітку, и такъ возилъ его съ собою за то, что тотъ не захотѣлъ воздавать ему поклоненіе. Точно также слѣдовалъ онъ наставленіямъ своего учителя, когда показывалъ на пирахъ мужество и храбрость и пронзилъ копьемъ самаго дорогого друга своего ²⁾, а послѣ того плакалъ...³⁾ „Невѣжество Гераклита“, говоритъ Таціанъ въ другомъ мѣстѣ своей апологіи, „было обличено его смертію. Ибо, когда онъ сдѣлался боленъ водянкою, то, дѣйствуя въ отношеніи къ медициѣ такъ-же, какъ и въ философіи, обложилъ себя коровьимъ каломъ; когда навозъ окрѣпъ и стянулъ все тѣло, то онъ отъ разрыва умеръ. Хвастовство Эмпедокла обличили огненныя изверженія въ Сициліи, потому что онъ, не будучи Богомъ, готовъ былъ обмануть, что онъ Богъ“ ⁴⁾.

Таковыя свѣдѣнія изъ жизни языческихъ философовъ сообщаетъ Таціанъ въ своей рѣчи противъ эллиновъ. Посмотримъ теперь, справедливы-ли эти свѣдѣнія, а если—нѣтъ, то могутъ ли они быть названы вымыслами самого Таціана, или-же они имѣютъ какія-либо историческія основанія?

Прежде всего замѣтимъ, что всѣ свѣдѣнія о жизни и поступкахъ языческихъ философовъ, представляемыя Таціаномъ, по степени своей достовѣрности могутъ быть раздѣлены на слѣдующія три категоріи: свѣдѣнія истинныя и заслуживающія довѣрія, свѣдѣнія ложныя, наконецъ—такія свѣдѣнія, историческую достовѣрность которыхъ, по противорѣчивости свидѣтельствъ, опредѣлить затруднительно. Затѣмъ всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ нѣкоторыя историческія основанія. Даже ложныя и сомнительныя изъ нихъ отнюдь не могутъ быть приписываемы измышленію самого Таціана. Это противорѣчило-бы даже его характеру. Отъ человѣка со столь пылкимъ и горячимъ темпераментомъ, ознаменовавшаго свою жизнь усиленными и настойчивыми исканіями истины, нельзя и ожидать намѣреннаго оклеветанія языческихъ философовъ, намѣренна-

¹⁾ То есть, Каллсэена.

²⁾ То есть Клита.

³⁾ Гл. II.

⁴⁾ Гл. III.

го искаженія и извращенія фактовъ изъ ихъ жизни. Разочаровавшись въ языческихъ философахъ, Таціанъ по своему характеру могъ охотно принимать рассказы о дурныхъ или смѣшныхъ сторонахъ ихъ жизни, могъ и самъ передавать эти рассказы безъ надлежащей ихъ провѣрки, но никакъ не болѣе. Что такъ дѣйствительно и было, — это мы сейчасъ увидимъ изъ исторической провѣрки сообщаемыхъ Таціаномъ фактовъ, изъ сличенія его сообщеній съ другими историческими свидѣтельствами.

Какъ мы уже сказали выше, нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ Таціаномъ свѣдѣній о жизни языческихъ философовъ заслуживаютъ довѣрія. Таковы, прежде всего, сообщаемыя имъ свѣдѣнія о современныхъ ему философахъ и въ особенности о циникахъ. Эти послѣдніе, какъ говоритъ и Таціанъ, отличались крайне дурною жизнію и представляли собою безобразное въ нравственномъ отношеніи явленіе. Объ этомъ свидѣлствуютъ многіе изъ древнихъ писателей. Такъ напр., по словамъ Даниэля ¹⁾, Лукіанъ такъ отзывается о современныхъ ему циникахъ, жившихъ въ Римѣ: „трудно выразить, какъ много они ѣдятъ, какъ много предаются блудодѣянію, какъ они за деньги лижутъ грязь“. — Въ частности справедливо замѣчаетъ Таціанъ, что циники „оставляли одно плечо непокрытымъ“ ²⁾. „Циники“, говоритъ Вортъ, „называвшіеся также ἐξωμίαι, носили плащъ, приподнявъ его съ праваго плеча и набросивъ на лѣвое. Посему они одно плечо имѣли обнаженнымъ, а другое покрытымъ двойною тканью плаща“ ³⁾. Въ подтвержденіе этого факта могутъ идти слѣдующія слова Кипріана ⁴⁾ о циникахъ: „ясно, что нѣтъ тамъ истиннаго терпѣнія, гдѣ есть чрезмѣрная дерзость выставленной на показъ свободы и безстыдное хвастовство полуобнаженной груди“. — Справедливо и то сообщеніе Таціана о современныхъ ему философахъ, что они получали отъ римскаго императора нѣчто въ родѣ ежегоднаго жалованья ⁵⁾. Объ этомъ свидѣлствуютъ многіе изъ

¹⁾ Tatianus der Apologet, p. 39.

²⁾ Глава XXV.

³⁾ Migne. Patr. cursus completus, seria graeca, tom. VI, p. 859, adn. 29.

⁴⁾ Изъ кн. de bono patientiae.

⁵⁾ Глава XIX.

древнихъ писателей. Такъ Лукіанъ въ своемъ „Эвнухѣ“ говоритъ: „ты знаешь, Памфилъ, что императоромъ назначенъ подарокъ, и притомъ не малый, каждому роду философовъ, а именно стоикамъ, платоникамъ, эпикурейцамъ и перипатетикамъ, и каждой сектѣ награда равная. Награда эта—не говядина или поросенокъ, но ежегодно 10.000 монеть, которыя они получаютъ, дабы учили юношество“¹⁾. Затѣмъ Юлій Капитолинъ свидѣтельствуесть, что до Марка Аврелія (прекратившаго это злоупотребленіе) нѣкоторые, ложно выдавая себя за философовъ; требовали себѣ денежныхъ наградъ у правительства и у частныхъ людей²⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что, по свидѣтельству древнихъ писателей, философамъ платились деньги не даромъ, а за обученіе юношества; тогда какъ по словамъ Таціана, философы получали ежегодный денежный окладъ совершенно незаслуженно,—„дабы они не даромъ носили длинную бороду“.

Далѣе, къ числу правдоподобныхъ свѣдѣній о жизни философовъ должно быть отнесено краткое замѣчаніе Таціана объ Эмпедоклѣ, содержащее въ себѣ намекъ на образъ его смерти. Замѣчаніе это таково: „хвастовство Эмпедокла обличили огненныя изверженія въ Сициліи, потому что онъ, не будучи Богомъ, готовъ былъ обмануть, будто онъ—Богъ“³⁾. Въ объясненіе этихъ словъ Таціана Маранъ говоритъ, что Эмпедоклъ бросился въ пылающую Этну, желая тѣмъ достигнуть того, чтобы подумали, что онъ взятъ на небо и признали его мнимое божественное достоинство; но обманъ Эмпедокла скоро былъ обнаруженъ, такъ какъ во время изверженія изъ Этны огонь выбросилъ наружу его сандаліи⁴⁾. О такомъ родѣ смерти Эмпедокла говоритъ, между прочимъ, Діогенъ Лаэртій, который вмѣстѣ съ этимъ приводитъ въ свою пользу нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ⁵⁾.

1) Migne Op. cit., p. 847, adn. 75.

2) Daniel. Op. cit., p. 38.

3) Глава III.

4) Migne. Op. cit., p. 811, adn. 27.

5) Diogenis Laërtii vitae philosophorum, lib. VIII, cap. 2, num. 11, pag. 220—222. Ed. Didot.

Наконецъ, вполне правдоподобно Таціаново извѣстіе о безнравственныхъ поступкахъ циника Кратеса ¹⁾, такъ какъ таковыя поступки приписываются ему очень многими изъ древнихъ писателей ²⁾.

Теперь къ числу ложныхъ свѣдѣній о жизни языческихъ философовъ относится Таціаново замѣчаніе, будто Платонъ за свое „обжорство“ проданъ былъ въ рабство тиранномъ Сиракузскимъ Діонисіемъ ³⁾. Это извѣстіе о Платонѣ, по замѣчанію прот. Преображенскаго ⁴⁾, есть ничто иное, какъ клевета на аѳинскаго философа, пущенная его врагами. Въ древности клевета эта была сильно распространена. Такъ, по словамъ Марана, Платона за его чревоугодіе „сильно язвить Ксенофонтъ въ каждомъ письмѣ къ Эсхину“ ⁵⁾. Извѣстіе, будто Платонъ за эту свою слабость былъ проданъ въ рабство, повторялось и нѣкоторыми отцами и учителями Церкви. Такъ Тертуліанъ говоритъ въ своемъ апологетикѣ: „Платонъ изъ за чрева проданъ Діонисіемъ“ ⁶⁾. Затѣмъ Григорій Богословъ въ первомъ обличительномъ словѣ противъ Юліана порицаетъ „Платоново лакомство въ Сициліи, за которое философъ проданъ и не выкупленъ ни однимъ изъ учениковъ, ни даже кѣмъ-либо изъ грековъ“ ⁷⁾. Но въ настоящее время доказано, что это извѣстіе о Платонѣ ложно, хотя и не вполне, такъ какъ вторая половина этого извѣстія совершенно справедлива. Извѣстно, что Платонъ нѣсколько разъ былъ въ Сициліи. Первое изъ этихъ посѣщеній Сициліи дѣйствительно закончилось продажей Платона въ рабство, но только вовсе не по тѣмъ причинамъ, какія указываютъ Таціанъ и всѣ вышеприведенные писатели. Дѣло въ томъ, что Платонъ, въ бытность свою въ Сициліи, нѣкимъ юношею Діономъ, увлекшимся его наставленіями и вознамѣрившимся освободить своихъ согражданъ —

¹⁾ Глава III.

²⁾ Migne. Op. cit., p. 811--812, adn. 29.

³⁾ Глава II.

⁴⁾ Подстр. прим. къ цитов. мѣсту Таціана.

⁵⁾ Migne. Op. cit., pag. 807, adn. 15.

⁶⁾ Апологетикъ, гл. 46.

⁷⁾ Творенія Григорія Богослова въ рус. перев., часть I, стр. 128.

сиракузянъ отъ ига деспотическаго и осчастливить ихъ постановленіемъ новыхъ, мудрыхъ законовъ, былъ приведенъ къ тиранну Сиракузскому Діонисию. Но на послѣдняго бесѣды Платона подѣйствовали совсѣмъ не такъ, какъ на Діона: онѣ возбудили въ немъ намѣреніе посягнуть на жизнь аѳинскаго мудреца; и только покровительство Діона и нѣкоего Аристотелена спасло его отъ смерти. Діонисій, все-таки не хотѣвшій оставить Платона безъ наказанія за его рѣчи, уговорилъ спартавскаго посланника Полиса взять его на свой корабль и продать на островѣ Эгияѣ, жители которой въ то время вели войну съ аѳинянами. Такимъ образомъ, Платонъ былъ проданъ въ рабство, но киринейнинъ Аннихерисъ, выкупивъ его за 20 или за 30 миевъ, препроводилъ его въ Аѳины ¹⁾. Такимъ образомъ, сообщаемое Таціаномъ ложное извѣстіе о Платонѣ имѣетъ для себя нѣкоторыя основанія какъ въ дѣйствительности, такъ и въ нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствахъ древности, но никоимъ образомъ не есть измышленіе самого Таціана.

Затѣмъ крайне сомнительно и совершенно неосновательно Таціаново утвержденіе, будто Александръ Македонскій, „вполнѣ согласно съ уроками Аристотеля“, заключилъ друга своего Каллисѳена въ клѣтку и что „точно также слѣдовалъ онъ наставленіямъ учителя“, когда на пиру лишилъ жизни Клиты ²⁾. Самый фактъ этихъ поступковъ Александра засвидѣтельствованъ исторіей, но приписывать ихъ вліянію уроковъ и наставленій Аристотеля—совершенно неосновательно и ни съ чѣмъ несообразно. Это похоже на злонамѣренную клевету. Мы не знаемъ ея источника и происхожденія, но, зная характеръ Таціана, должны думать, что онъ во всякомъ случаѣ не самъ ее измыслилъ, но заимствовалъ у кого-либо изъ враговъ Аристотеля.

Наконецъ, къ числу ложныхъ свѣдѣній о жизни языческихъ философовъ принадлежатъ еще сужденіе Таціана, что „Ана-

¹⁾ Проф. Карнова, „Жизнь Платона“ при изданіи его сочиненій (ч. 1), изд. 2-е, стр. 7—8 Migne. Op. cit., pag. 808, adn. 15.

²⁾ Глава II.

ксархъ, по безумной любви къ славѣ отъ людей, искалъ смерти“¹⁾. Исканіе смерти совершенно несовмѣстимо съ образомъ мыслей Анаксарха, такъ какъ онъ былъ послѣдователемъ эвдемонистическаго ученія, полагавшаго цѣль человѣческой жизни и дѣятельности въ удовольствіяхъ. И изъ сохранившихся объ Анаксархѣ историческихъ свидѣтельствъ мы вовсе не видимъ, чтобы онъ самъ искалъ смерти, но знаемъ только, что онъ проявилъ замѣчательную твердость духа при смертныхъ мученіяхъ. Именно, по словамъ Діогена Лаэртія, Плутарха, Валерія, Максима, Плинія и другихъ, Анаксархъ, поцавъ въ плѣвъ къ кипрскому тирану Никокреону, былъ подвергнутъ имъ толченію въ ступѣ, но, не смотря на страшныя мученія, говорилъ онъ ему только: „толки мѣхъ (т. е. тѣло) Анаксарха, а самого Анаксарха ты не истолчешь“²⁾.

Далѣе, къ разряду такихъ свѣдѣній о жизни языческихъ философовъ, историческую достовѣрность которыхъ опредѣлить затруднительно по причинѣ разнорѣчивости свидѣтельствъ и мнѣній о нихъ, относятся приводимыя Таціаномъ свѣдѣнія о родѣ смерти Гераклита и Діогена и о распутной жизни Ариштиппа.—О гераклитѣ Таціанъ говоритъ, будто онъ думалъ излѣчиться отъ водянки, обложившись навозомъ, но умеръ отъ того, что навозъ, высохнувъ, очень сильно стянулъ его тѣло³⁾. Діогенъ Лаэртій приводитъ два разсказа о болѣзни и смерти Гераклита. Относительно принятаго имъ способа лѣченія отъ водянки оба эти разсказа вполне согласуются съ разсказомъ Таціана, но о самой смерти Гераклита въ этихъ разсказахъ говорится различно. Въ одномъ разсказѣ (Гермиппа) вовсе не упоминается о ближайшей причинѣ смерти Гераклита, но сообщается только, что онъ на другой день послѣ своего оригинальнаго способа лѣченія отъ водянки умеръ и былъ погребенъ на форумѣ. По другому же разсказу (Неанеа Кизическаго), Гераклитъ, обмазавшись навозомъ, на другой день не могъ уже освободить отъ него свое тѣло и, сдѣлавшись поэтому со-

¹⁾ Гл. XIX.

²⁾ Zeller. Gesch. der griech. Phil. 3-te Aufl. 1 Th., p. 779—780.

³⁾ Гл. III.

вершено неузнаваемымъ, былъ съѣденъ собаками ¹⁾. Такимъ образомъ, обоими этими рассказами, хотя они и не совсѣмъ согласны, подтверждается до нѣкоторой степени и рассказъ Таціана. Но въ настоящее время всѣ подобнаго рода рассказы о Гераклитѣ обыкновенно признаются совершенно апокрифическими ²⁾.

Затѣмъ о Діогенѣ Таціанъ говоритъ, что онъ умеръ отъ того, что съѣлъ неваренаго полипа ³⁾. Трудно опредѣлить, насколько справедливо это извѣстіе, такъ какъ о смерти Діогена существуютъ различныя сказанія. Нѣкоторые, какъ сообщаетъ Діогенъ Лаэртій ⁴⁾, говорятъ согласно съ Таціаномъ, что Діогенъ, съѣвъ неваренаго полипа, захворалъ болѣзнію желчи, отъ чего и умеръ. Другіе, какъ, напримѣръ, императоръ Юліанъ, прямо отвергаютъ это сказаніе ⁵⁾. Затѣмъ нѣкоторые, хотя и ставятъ смерть Діогена въ связь съ полипомъ, но связь совершенно случайную; именно рассказываютъ, что Діогенъ однажды вздумалъ отнять у собакъ часть полипа, но былъ укушенъ ими въ колѣвную жилу, что и послужило причиною его смерти ⁶⁾. По рассказамъ другихъ, Діогенъ умеръ отъ того, что съѣлъ сырую воловью ногу ⁷⁾. Наконецъ, существуетъ еще сказаніе, будто Діогенъ лишилъ себя жизни, задержавъ свое дыханіе. Объ этомъ у Діогена Лаэртія ⁸⁾ сохранилось слѣдующее свидѣтельство (въ стихотворной формѣ) Церцида Мегалополитскаго: „этотъ синопецъ... ⁹⁾ восходитъ на высоту ¹⁰⁾, крѣпко стиснувъ губы и задерживая дыханіе: ибо по истинѣ онъ былъ Діогеномъ, сыномъ Зевса и Урановой собакой“. Передавая это свидѣтельство, Діогенъ Лаэртій присовокупляетъ, что мнѣніе, будто Діогенъ умеръ задержавъ свое дыханіе, раз-

¹⁾ Diogenis Laërtii vitae philosophorum, lib. V, cap. 2, num. 3, pag. 227—228

²⁾ Льюисъ. Исторія философіи, стр. 66.

³⁾ Гл. II.

⁴⁾ Op. cit., lib. V, cap. 2, num. 11, p. 150.

⁵⁾ Migne. Op. cit., pag. 807, adn. 13.

⁶⁾ Diog. Laërtii op. cit., lib. V, cap. 2, num. 11, p. 15

⁷⁾ Льюисъ. Истор. философіи, стр. 184, прим.

⁸⁾ Op. cit., t. V, c. 2, n. 11, p. 150—151.

⁹⁾ Діогенъ былъ родомъ изъ Синопа.

¹⁰⁾ То есть умираетъ.

дѣлялось всѣми его учениками. Но какое изъ ранѣе упомянутыхъ сказаній о смерти Діогена болѣе правильно, — рѣшить трудно. Слѣдовательно нельзя опредѣлить достовѣрность и Таціанова разсказа. Впрочемъ, послѣднее для насъ и не особенно важно; достаточно того, что этотъ разсказъ во всякомъ случаѣ заимствованъ Таціаномъ у другихъ. Наконецъ, объ Аристиппѣ Таціанъ говоритъ, что онъ велъ распутную жизнь ¹⁾. Между тѣмъ относительно нравственности этого основателя Киренской школы существуютъ различныя мнѣнія. Такъ Маранъ категорически заявляетъ, что „печальный Аристиппъ вовсе не былъ распутнымъ“ ²⁾. Между тѣмъ Льюисъ ³⁾ утверждаетъ, что Аристиппъ былъ очень склоненъ къ сладострастію, хотя и избѣгалъ въ этомъ отношеніи излишествъ, и приводитъ, между прочимъ, разсказъ, что однажды подвели къ Аристиппу на выборъ трехъ гетеръ, но онъ взялъ ихъ всѣхъ, сказавъ при этомъ: „Парисъ погибъ, потому что рѣшился сдѣлать выборъ“.

И такъ, въ сообщаемыхъ Таціаномъ свѣдѣніяхъ о жизни языческихъ философовъ есть не мало правды, но есть кое-что или вовсе ложное или сомнительное. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ для словъ Таціана можно находить подтвержденіе у другихъ писателей древности. Посему обвинять его въ измышленіи ложныхъ свѣдѣній о языческихъ философахъ никакъ нельзя. Но нельзя не замѣтить того, что онъ какъ будто радъ былъ всякому слуху, всякому историческому свидѣтельству о чемъ-нибудь не совсѣмъ приглядномъ въ жизни языческихъ философовъ, но не хотѣлъ знать и принимать къ свѣдѣнію то, что извѣстно о нихъ хорошаго. Свѣдѣній о какихъ-либо хорошихъ поступкахъ языческихъ философовъ несомнѣнно можно было бы найти не малое количество, но Таціанъ въ своей рѣчи противъ эллиновъ не приводитъ рѣшительно ни одного такого свѣдѣнія. Это, впрочемъ, и не соответствовало-бы его задачѣ — какъ можно болѣе унижить все языческое, дабы тѣмъ самымъ возвеличить все христіанское.

¹⁾ Глава II.

²⁾ Migne. Op. cit., p. 807, adn. 14.

³⁾ Ист. философіи, стр. 173.

При столь враждебномъ отношеніи Таціана ко всему языческому, ему, конечно, не было особенной нужды подтверждать свои мысли мнѣніями языческихъ философовъ. Онъ могъ, правда, приводить особенно несостоятельныя ихъ мнѣнія для доказательства суетности языческой мудрости, но для униженія всего языческаго ему естественнѣе, конечно, было въ особенности нападать на языческую мифологию, такъ какъ она по своему достоинству, безъ сомнѣнія, несравненно ниже философіи языческой. Такъ дѣйствительно Таціанъ и поступалъ. Поэтому-то въ его апологіи сравнительно очень рѣдко приводятся тѣ или другія отдѣльныя мнѣнія языческихъ философовъ. Вотъ всѣ таковыя случаи. Въ одномъ мѣстѣ Таціанъ утверждаетъ, что Демокритъ „глупо“ говоритъ о симпатіяхъ и антипатіяхъ ¹⁾, въ другомъ упоминаетъ о мнѣніи Аристотеля, что „не могутъ быть счастливы тѣ, которые не имѣютъ ни красоты, ни богатства, ни здоровья тѣлеснаго, ни знатности“ ²⁾, въ третьемъ его-же упрекаетъ за то, что онъ будто-бы колеблетъ вѣру въ безсмертіе души ³⁾. Далѣе Таціанъ приводитъ ученіе стоиковъ о міровыхъ періодахъ совершенно сходныхъ одинъ съ другимъ, такъ что одни и тѣ-же существа погибаютъ, потомъ опять являются, опять погибаютъ и т. д. ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ приписываетъ Зенону мнѣніе, что „Богъ есть виновникъ зла и пребываетъ въ червяхъ и въ дѣлающихъ непотребное, вообще въ нечистыхъ мѣстахъ“ ⁵⁾. Затѣмъ есть у Таціана намекъ на ученіе Пиеагора о душепереселеніи ⁶⁾. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи противъ эллиновъ онъ перечисляетъ философовъ, говорившихъ о поэзіи Гомера, его происхожденіи и времени, когда онъ процвѣталъ. Таковы, по сужденію Таціана, „Эфоръ Кумскій, Филохоръ Аѳинскій, Мегаклидъ и Хамелеонъ — перипатетики; потомъ грамматикъ: Зенодотъ, Аристофанъ, Каллимахъ, Кратесъ, Эратосѣенъ,

1) Глава XVII.

2) Глава II.

3) Глава XXV.

4) Глава VI.

5) Глава III.

6) Глава XXV.

Аристархъ и Аполлодоръ“ 1). Вотъ и всѣ слѣды знакомства Таціана съ языческою философіею, которые можно находить въ единственномъ, дошедшемъ до насъ его произведеніи 2).

Отсюда, конечно, никакъ нельзя заключать, что Таціанъ и вообще мало былъ знакомъ съ языческою философіею. Мы уже видѣли, что онъ до своего обращенія въ христіанство ревностно занимался ея изученіемъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ: „я путешествовалъ по многимъ странамъ, самъ занимался въ качествѣ софиста вашими науками 3); но я отказался отъ вашей мудрости, хотя весьма славился въ ней“ 4). Подобныя-же свидѣтельства о Таціанѣ можно находить и у многихъ другихъ писателей древности. Такъ Евсевій свидѣтельствуется, что Таціанъ „въ первое время своей жизни занимался преподаваніемъ греческихъ наукъ и снискалъ себѣ чрезъ нихъ не малую славу“ 5). Затѣмъ Руфинъ говоритъ о немъ: *magistrum egit eloquentiae*; Иеронимъ говоритъ: *Tatianus, qui primum oratorium docens, non parvam sibi ex arte rhetorica gloriam comparaverat*; Теодоритъ говоритъ о Таціанѣ, что онъ *σοφιστῆς ἐγούονεи τὸ πρῶτον*. Изъ позднѣйшихъ писателей Викторъ Капуйскій, Зарія Хризопольскій и Гонорій называютъ его: *vir erudissimus eleganti eloquentia praeditus, qui in rhetorica maxime floruit* 6). И въ настоящее время всѣ ученые признаютъ, что Таціанъ много занимался изученіемъ языческой мудрости и прибрѣлъ отличныя познанія въ греческой философіи 7).

Что-же касается вопроса о способахъ изученія Таціаномъ

1) Глава XXXI.

2) Примѣчательно, что Таціанъ ни въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи противъ эллиновъ не приводитъ рѣшительно ни одного мнѣнія или сужденія Сократа и Платона. Это вѣроятно потому, что ихъ философскія системы и Таціану казались наиболѣе удовлетворительными, а его задачей было изобразить самыя дурныя стороны язычества.

3) Глава XXXV.

4) Глава I.

5) Церковная исторія, кн. IV, гл. 16.

6) Daniel. Op. cit., p. 22.

7) Напр., Huber. Philosophie der Kirchenväter, p. 20. Daniel. Tatianus d. Apol., p. 23. Прот. Преображенскаго: „Введ. къ перев. анологіи Тац.“, стр. 4. Свворцовъ. „Философія отцовъ и учит. Церкви“, стр. 33.

системъ языческихъ философовъ, то для рѣшенія его мы не имѣемъ ни одного прямого основанія, такъ какъ Таціанъ, приводя какія-либо мнѣнія языческихъ философовъ, никогда не дѣлалъ при этомъ выдержекъ изъ философскихъ книгъ, но излагалъ эти мнѣнія на память, своими словами. Впрочемъ, на основаніи того факта, что Таціанъ измлада отличался жаждою къ пріобрѣтенію истины всѣми способами и вездѣ старался отыскивать ее, можно съ полнымъ правомъ думать, что Таціанъ не пренебрегалъ никакими средствами въ частности и для изученія философіи, то есть, когда представлялась возможность, одинаково охотно и слушалъ философскія лекціи, и знакомился съ системами языческихъ философовъ посредствомъ чтенія ихъ произведеній. Вѣроятно также, что Таціанъ вмѣстѣ съ этимъ при случаѣ не пренебрегалъ и вторичными источниками, то есть, не подлинными произведеніями языческихъ философовъ, а изложеніями ихъ системъ или отдѣльных мнѣній.

При весьма маломъ количествѣ случаевъ изложенія въ Таціановой апологіи мнѣній языческихъ философовъ, о степени пониманія Таціаномъ ихъ системъ судить очень трудно. На основаніи двухъ или трехъ случаевъ пониманія или непониманія философіи, конечно, нельзя опредѣлять вообще степень пониманія философіи. Поэтому намъ остается только указать тѣ случаи, гдѣ Таціанъ излагаетъ мнѣнія языческихъ философовъ неправильно, или не совсѣмъ точно.

Прежде всего замѣтимъ, что у Таціана не встрѣчается ни одного случая совершеннаго искаженія или перетолкованія того или другаго философскаго мнѣнія. У него встрѣчаются только нѣкоторыя неточности или недомолвки при изложеніи мнѣній языческихъ философовъ,—неточности, могущія дать поводъ къ превратному пониманію этихъ мнѣній. Таково, напр., то мѣсто, гдѣ Таціанъ утверждаетъ, что „Аристотель колеблетъ вѣру въ безсмертіе души“ ¹⁾. Эти слова Таціана могутъ подать поводъ думать, что Аристотель представлялъ какія-нибудь возраженія противъ ученія о безсмертіи души. Между

¹⁾ Глава XXV.

тѣмъ, по словамъ Целлера ¹⁾, Аристотель вовсе не отрицалъ безсмертіе души, но только находилъ въ ней двѣ части, изъ которыхъ одну признавалъ бессмертною, а другую — смертною, умирающею вмѣстѣ съ тѣломъ ²⁾.

Далѣе Таціанъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ ³⁾, что „по ученію Аристотеля не могутъ быть счастливы тѣ, которые не имѣютъ ни красоты, ни богатства, ни здоровья тѣлеснаго, ни знатности“, то-есть, вообще внѣшнихъ благъ. Такое сужденіе Таціана можетъ внушить его читателю мысль, что Аристотель признавалъ эти внѣшнія блага самыми высшими и безусловно-необходимыми для счастья человѣка. Между тѣмъ онъ учитъ, что высшее человѣческое благо есть счастье, основывающееся на разумной или добродѣтельной дѣятельности человѣка, и состоящее въ такомъ совершенствѣ человѣка, по которому онъ наилучше можетъ исполнять свое дѣло ⁴⁾. Впрочемъ, Аристо-

¹⁾ Op. cit., 2 Th., 2 Abth., p. 602.

²⁾ Можно думать, что Таціанъ, говоря, будто Аристотель колеблетъ вѣру въ безсмертіе души, слѣдовалъ въ этомъ случаѣ своему учителю Іустину, который въ своемъ „Увѣщаніи къ эллинамъ“ (гл. VI) говоритъ: „Аристотель утверждаетъ, что душа не бессмертна, но смертна“.

Затѣмъ, если читать только что приведенное мѣсто изъ Таціана по дошедшему до насъ греческому тексту его апологіи, то окажется здѣсь еще одна очень крупная ошибка. Мѣсто это читается по греческому мѣсту такъ: 'Ο δε 'Αριστοτέλης τοῦ Φερεκίδου δόγματος κληρονόμος ἐστίν, καὶ τῆς ψυχῆς δεαβάλλει τὴν ἀθανασίαν (Аристотель преемникъ ученія Ферекида и колеблетъ вѣру въ безсмертіе души). При такомъ чтеніи получается тотъ смыслъ, что Аристотель отрицаніе безсмертія души заимствовалъ у Ферикида (жившаго въ VI вѣкѣ до Р. X.) Между тѣмъ, по свидѣтельству всей древности, послѣдній былъ самымъ первымъ (по времени) философомъ, утверждавшимъ безсмертіе души. Такъ, Цицеронъ говоритъ: „Ферекидъ Сироссій первый сказалъ, что души людей бессмертны“. (Ciceronis Tusculanae disputationes, lib. I, cap. 16). Такимъ образомъ, здѣсь получается у Таціана самая грубая ошибка. Но эту ошибку думаютъ (Migne. Op. cit., p. 860, adn. 34. Daniel. Tatianus der Apologet, p. 226 — 227) исправить иной разстановкой словъ и иной пунктуациею текста Таціановой апологіи. Именно говорятъ, что слова: „преемникъ ученія Ферекида“ нужно относить не къ Аристотелю, а къ предшествующему предложенію, гдѣ говорится о Пифагорѣ, именно дѣлается намекъ на его ученіе о душепереселеніи.

³⁾ Глава II.

⁴⁾ Überweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie der vorchristlichen Zeit. p. 113.

тель не отвергаетъ и внѣшнихъ благъ, признавая ихъ нужными для полнаго благополучія человѣка ¹⁾).

Затѣмъ Таціаново утвержденіе, что, по мнѣнію Зенона, „Богъ виновникъ зла и пребываетъ въ нечистыхъ вещахъ, въ червяхъ и въ дѣлающихъ непотребное“ ²⁾), можетъ въ умѣ человѣка, незнакомаго съ философіей Зенона, составить превратное мнѣніе о его ученіи. Прежде всего, не совсѣмъ точное выраженіе, что по Зенону „Богъ виновникъ зла“. Правда, Зенонъ весь міръ, все существующее въ мірѣ (а слѣдовательно и то, что мы признаемъ зломъ) признавалъ за проявленіе божественной субстанціи ³⁾); но онъ вовсе не думалъ говорить, что Богъ— виновникъ зла. Онъ, наоборотъ, старается оправдать Божество въ существованіи зла. По его ученію, зло физическое вовсе и не есть зло, такъ какъ оно необходимо для совершенства міра, какъ цѣлаго. Болѣзни, войны и много другихъ золъ необходимы потому, что они влекутъ за собою тѣ блага, которыя Богъ хотѣлъ осуществить въ мірѣ. Зло нравственное, какъ соглашается и Зенонъ, есть дѣйствительно зло, но и за него нельзя обвинять Божество, ибо, во-первыхъ, Богъ не могъ освободить отъ этого зла человѣческую природу, такъ какъ и для самого образователя міра невозможно было измѣнить природу матеріи; во-вторыхъ, зло необходимо для добра, какъ его противоположность,—не было-бы, напримѣръ, правды, если-бы не было неправды; въ третьихъ, самое это зло Богъ въ послѣдствіи направляетъ къ добру ⁴⁾). Такимъ образомъ, оказывается, что Богъ, гдѣ это только возможно, все направляетъ ко благу. Вторая половина приведенной выдержки изъ Таціана можетъ привести къ мысли, что нечистыя мѣста, напримѣръ, черви и дѣлающіе непотребное суть, по Зенону, исключительное или, по крайней мѣрѣ, преимущественное мѣстопробываніе Божества. Между тѣмъ Зенонъ, само собою разумѣется, и не думалъ такъ мыслить. Онъ училъ только, что Божество есть какъ-бы душа міроваго цѣлаго, огненное дыханіе, проникаю-

¹⁾ Ibidem, p. 116.

²⁾ Глава III.

³⁾ Zeller. Op. cit., 3 Th., Abth. p. 133—135. 155.

⁴⁾ Ibidem, p. 159—164.

щее всѣ отдѣльныя вещи, все рѣшительно существующее ¹⁾. Конечно, Зенонъ долженъ былъ признавать, что если все бытіе проникается Божествомъ, то проникаются Имъ, между прочимъ, и черви, наприм., и т. п.

Не трудно видѣть, что всѣ указанныя неточности, при изложеніи Таціаномъ философскихъ мнѣній, зависѣли вовсе не отъ того, чтобы онъ самъ представлялъ ихъ себѣ не совсѣмъ точно, но обуславливались только его враждою къ языческой философіи. При его рѣшительномъ нежеланіи видѣть въ языческомъ мірѣ что-либо хорошее, ему вполне естественно было излагать мнѣнія языческихъ философовъ односторонне, обращать свое исключительное вниманіе на дурную и наименѣе состоятельную сторону этихъ мнѣній.

При крайне враждебномъ отношеніи Таціана къ языческой философіи казалось-бы трудно было думать о какой-либо зависимости его отъ нея. Но на самомъ дѣлѣ такая зависимость несомнѣнно есть. Читая апологию Таціана, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя его мысли и сужденія находятся въ большей или меньшей зависимости отъ философіи какъ въ формальномъ, такъ даже и въ матеріальномъ отношеніи. Это, впрочемъ, нисколько и не удивительно. „Каждый писатель“, говоритъ Даніэль ²⁾, „есть дитя своего времени и носитъ его окраску, хотя-бы онъ и противился этому. Но нужно различать“, продолжаетъ Даніэль, „между тѣмъ, что самому рефлектирующему уму представляется, какъ источникъ его системы, и между тѣмъ, что бессознательно для него самого отвлѣчь входитъ въ эту систему. Такъ дерево самостоятельно произрастаетъ изъ корней, которые суть его собственные жизненные источники, но тѣмъ не менѣе оно находится и подъ вліяніемъ окружающей его атмосферы“. Это совершенно справедливое сужденіе Даніэля вполне приложимо и къ Таціану. Сознательнаго усвоенія чего-либо изъ языческой философіи видѣть у него, конечно, нельзя. Но, съ другой стороны, отъ человѣка, основательно изучившаго философскія системы древности, бывшаго даже нѣкото-

¹⁾ Ibidem, p. 135.

²⁾ Op. cit. p. 128.

рое время софистомъ, жившаго притомъ въ такое время, когда философія была достояніемъ cadaго образованнаго чело-вѣка, нельзя и ожидать, чтобы онъ сумѣлъ отрѣшиться отъ приобрѣтенной имъ учености, чтобы онъ возмогъ стать совершенно независимымъ отъ окружавшей его философской атмосферы.—Разсмотримъ-же теперь, въ чемъ и на сколько отразилось вліяніе языческой философіи на Таціанѣ.

Прежде всего, какъ мы уже сказали, въ Таціоновой рѣчи противъ эллиновъ можно находить слѣды формальнаго вліянія философіи. Такъ въ первой части апологіи Таціана, имѣющей по своему содержанію метафизическій характеръ, нѣкоторые пункты его ученія излагаются въ философской формѣ, обставлены доказательствами разсудочнаго характера. Въ такой формѣ Таціанъ излагаетъ, напр., ученіе о Богѣ вообще и въ частности о Божественномъ Словѣ и Святомъ Духѣ ¹⁾, о матеріи ²⁾, о свободѣ ангеловъ и людей ³⁾, о душѣ и духѣ чело-вѣка ⁴⁾, о происхожденіи зла ⁵⁾, о демонахъ ⁶⁾.

Кромѣ того, можно находить слѣды формальной зависимости Таціана отъ языческой философіи и въ нѣкоторыхъ отдѣльных его выраженіяхъ. Такъ, по словамъ Даніэля ⁷⁾, выраженіе Таціана: „духъ совершенный окрылялъ душу; когда она грѣхомъ прогнала его, онъ улетѣлъ, какъ птенецъ, и она упала на землю“ ⁸⁾—заимствовано изъ Платонова Федра, какъ вообще употребительный у платониковъ образъ для извѣстной мысли. Затѣмъ, какъ утверждаетъ тотъ-же Даніэль ⁹⁾, выраженія Таціанова: „духъ, проникающій матерію, ниже Божественнаго Духа; и такъ какъ онъ уподобляется душѣ, не достоинъ почести одинаковой съ совершеннымъ Богомъ“ ¹⁰⁾ и „есть

¹⁾ Глава V. VI.

²⁾ Глава V.

³⁾ Глава VII. XI.

⁴⁾ Глава XII. XIII. XX.

⁵⁾ Глава XI.

⁶⁾ Глава XIV. XV. XVI.

⁷⁾ Op. cit., p. 125.

⁸⁾ Глава XX.

⁹⁾ Op. cit., p. 177—178.

¹⁰⁾ Глава IV.

духъ въ звѣздахъ, духъ въ ангелахъ, духъ въ растеніяхъ, духъ въ человѣкахъ, духъ въ животныхъ; и хотя онъ одинъ и тотъ же, но имѣеть въ себѣ различія“¹⁾),—по своей формѣ приближаются къ нѣкоторымъ выраженіямъ Аристотеля.

Затѣмъ, какъ мы уже упоминали, философія имѣла и матеріальное вліяніе на Таціана. Нѣкоторые изъ ученыхъ даже прямо утверждаютъ, что онъ по своему міровоззрѣнію долженъ быть отнесенъ къ числу платониковъ. Такъ Кортгольдъ и Флѣри говорятъ, что Таціанъ, до своего обращенія въ христіанство, во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ числу послѣдователей Платона²⁾. Бретшнейдеръ прямо заявляетъ о Таціанѣ, что онъ *rationem Platonis secutus est* (слѣдовалъ ученію Платона³⁾). Подобно этому Кругъ⁴⁾ утверждаетъ, что въ апологіи Таціана христіанская догма поставляется въ связь съ платонической философией.

Кромѣ того, нѣкоторыми указываются и нѣкоторые отдѣльные пункты ученія Таціана, яко-бы свидѣтельствующіе о его зависимости отъ философіи Платона. Такъ, говорятъ, Таціаново ученіе о Богѣ, какъ истинно сущемъ, есть ничто иное, какъ заимствованіе Платонова ученія объ истинно сущемъ (*τὸ ὄν*⁵⁾). Относительно этого сужденія нужно замѣтить, что понятіе о Богѣ, какъ истинно сущемъ, бывшее во время Таціана довольно обычнымъ въ Греціи, нисколько не противорѣчитъ ни Священному Писанію, ни строго-православному христіанскому ученію о Богѣ. Посему, если здѣсь и видѣть заимствованіе у Платона, то во всякомъ случаѣ это заимствованіе, такъ сказать, совершенно безвредно. Но, кромѣ того, въ ученіи Таціана о Богѣ, какъ истинно сущемъ, нельзя утверждать зависимости отъ Платона, такъ какъ въ Священномъ Писаніи Самъ Богъ Себя называетъ: „Я есмь Сущій“⁶⁾.

¹⁾ Глава XII.

²⁾ Относительно этого мнѣнія замѣтимъ, что оно не имѣеть рѣшительно никакихъ историческихъ данныхъ въ свою пользу.

³⁾ Daniel. Op. cit., p. 124. Скворцовъ. Цит. соч., стр. 40.

⁴⁾ Geschichte d. Philosophie alt. Zeit, p. 440.

⁵⁾ Daniel. Op. cit., p. 124.

⁶⁾ Исх. III, 14.

Нѣкоторые, напр., Петавій и Липсіусъ, находятъ у Таціана платоническое ученіе о міровой душѣ¹⁾. Въ пользу этого взгляда свидѣтельствуяютъ нѣкоторыя выраженія Таціана въ его апологіи. Такъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „между вещественными тварями есть нѣкоторое различіе: одна прекраснѣе другой, а другая прекрасна сама по себѣ, но уступаетъ ей, какъ болѣе прекрасной. Такъ, строеніе тѣла представляетъ одинъ составъ и имѣетъ одну и ту же причину своего происхожденія; не смотря на то, есть между частями его различіе по достоинству, но при различіи частей тѣла, въ общемъ составѣ его находится величайшая гармонія. Подобнымъ образомъ и міръ, заключающій въ себѣ болѣе или менѣе прекрасныя произведенія могущества Творца, по волѣ Его получилъ вещественный духъ... Есть духъ въ звѣздахъ, духъ въ ангелахъ, духъ въ растеніяхъ, духъ въ человѣкахъ, духъ въ животныхъ; и хотя онъ одинъ и тотъ же, но имѣетъ въ себѣ различія“²⁾. Нельзя не видѣть здѣсь сходства съ ученіемъ Платона о міровой душѣ, въ различной степени проникающей всѣ виды матеріи и въ различной степени приближающей предметы видимаго міра къ ихъ первообразамъ, то есть, къ идеямъ. Но при этомъ не нужно забывать и того, что ученіе Таціана нисколько не нарушаетъ его православія, такъ какъ это ученіе не заключаетъ въ себѣ ничего антихристіанскаго, или антиправославнаго. Оно было-бы совершенно не православнымъ, если бы въ немъ вещественный духъ отождествлялся съ Святымъ Духомъ. Но этого у Таціана нѣтъ, да и быть не можетъ. Не могъ Таціанъ дѣлать такого отождествленія потому, что онъ ясно учитъ, что Божественный Духъ не можетъ обитать въ грѣшныхъ людяхъ (а вещественный духъ, по Таціану, проникаетъ всѣхъ тварей безъ изъятія, а слѣдовательно и всѣхъ людей какъ праведныхъ, такъ и грѣшныхъ). Именно, по ученію Таціана, человѣкъ до грѣхопаденія состоялъ изъ высшаго духа, вещественной души и тѣла³⁾; но ду-

---

¹⁾ Daniel. Op. cit., p. 177.

²⁾ Глава XII.

³⁾ Гл. VII. XIII.

ша человѣка своимъ грѣхомъ прогнала совершеннаго духа ¹⁾, такъ что теперь „Духъ Божій не во всѣхъ присутствуетъ, но пребываетъ только въ нѣкоторыхъ, праведно живущихъ людяхъ“, только съ ихъ душами онъ соединяется ²⁾. Наконецъ, самъ Таціанъ прямо говоритъ: „духъ, проникающій матерію, ниже Божественнаго Духа; и такъ какъ онъ уподобляется душѣ, то онъ не достоинъ почести одинаковой съ совершеннымъ Богомъ“ ³⁾.—Итакъ, въ ученіи Таціана о вещественномъ духѣ можно видѣть заимствованіе изъ Платоновой философіи, но заимствованіе совершенно безвредное, не нарушающее православія Таціана ⁴⁾.

Целлеръ находитъ платонизмъ въ мнѣніи Таціана, что демоны стараются подчинить себѣ людей посредствомъ вещества, „и если кто хочетъ побѣдить ихъ, пусть отринетъ вещество“ ⁵⁾. Такое мнѣніе Таціана, по словамъ Целлера, есть не что иное, какъ заимствованіе у платониковъ, которые матерію признавали неспособною къ соединенію съ Богомъ, такъ что человѣкъ, желающій приблизиться къ Божеству, долженъ для этого возвыситься надъ матеріей, преоблѣдить ее ⁶⁾. Относительно этого мнѣнія Целлера замѣтимъ, что Таціаново ученіе о необходимости борьбы съ матеріей для приближенія къ Богу, для побѣды надъ духами злобы, не только не заключаетъ въ себѣ ничего нехристіанскаго, но даже могло быть и заимствовано не изъ Платона, а прямо изъ Священнаго Цесарія. Ибо тамъ во многихъ мѣстахъ говорится, что плоть препятствуетъ самоусовершенствованію, а слѣдовательно и приближенію къ Богу, что люди, живущіе не по духу, а по внушеніямъ плоти, погрязаютъ во грѣхахъ, что демоны всѣми силами стараются вовлечь человѣка въ грѣховную, плотскую

¹⁾ Гл. XIII. XX.

²⁾ Глава XX, а также XV.

³⁾ Глава IV.

⁴⁾ Нѣкоторые, напр., Риттеръ (*Geschichte der Philosophie*, B. V, p. 336) въ ученіи Таціана о вещественномъ духѣ видятъ вліяніе не Платоновой философіи, но философіи стоиковъ, у которыхъ также было ученіе о мировой душѣ. Но это для насъ мало измѣняетъ дѣло.

⁵⁾ Глава XVI.

⁶⁾ Daniel. Op. cit., p. 213.

жизнь и что для борьбы съ ними необходимо обуздывать свои плотскія похоти и пожеланія ¹⁾).

Нѣкоторые вполне справедливо находятъ у Таціана платонизмъ въ его ученіи, что злые духи по своей природѣ болѣе матеріальны, чѣмъ ангелы ²⁾).

Итакъ, философія Платона имѣла нѣкоторое вліяніе на Таціана, но это вліяніе, съ одной стороны, было не настолько значительно, чтобы Таціана можно было относить къ числу платониковъ, а съ другой стороны—это вліяніе не сопровождалось послѣдствіями пагубными для ученія Таціана, изложеннаго имъ въ его рѣчи противъ эллиновъ.

Нѣкоторые находятъ въ апологіи Таціана слѣды вліянія не какой-либо опредѣленной философской системы, но вообще философскаго міросозерцанія языческаго міра. Такъ Риттеръ ³⁾ въ ученіи его о духѣ, душѣ и тѣлѣ, какъ трехъ составныхъ частяхъ человѣка въ его состояніи невинности, видитъ „не что иное, какъ обыкновенное древнее ученіе о трехъ частяхъ человѣка“, и такимъ образомъ причисляетъ его къ трихотомистамъ. Съ такимъ сужденіемъ Риттера никакъ нельзя согласиться, такъ какъ Таціанъ въ рѣшеніи вопроса о составѣ человѣка въ сущности не былъ трихотомистомъ, потому что онъ признавалъ трехчастный составъ только въ прародителяхъ и въ людяхъ праведныхъ, ведущихъ вполне христіанскую жизнь. Обыкновенный-же естественный человѣкъ состоитъ, по Таціану, только изъ тѣла и души и отличается отъ животныхъ только членораздѣльнымъ голосомъ. Ученіе-же Таціана о Божественномъ Духѣ, обитающемъ въ праведныхъ людяхъ, заимствовано имъ по всему вѣроятію вовсе не изъ философіи, а изъ Священнаго Писанія, въ которомъ апостоль Павелъ говоритъ вѣрующимъ: „вы не по плоти живете, но по духу, если только духъ Божій живетъ въ васъ“ ⁴⁾, и въ дру-

¹⁾ Напр., Мѡ. IV, 1. Лк. XXII, 31. Іак. IV, 7. 1 Петр. V, 9. Римл. VII, 5. 14—23. VIII, 5—8. 1 Кор. VII, 5. 2 Кор. II, 11. Ефес. II, 2. IV, 27. VI, 11—16. Апок. II, 11 и др.

²⁾ Migne. Op. cit., p. 832, adn. 11.

³⁾ Op. cit., p. 337.

⁴⁾ Римл. VIII, 9.

гомъ мѣстѣ: „тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа“¹⁾).

Существуетъ еще мнѣніе, что философствованіе и излишне разсудочное отношеніе къ христіанству привели Таціана къ гностицизму. Что Таціанъ подѣ конецъ своей жизни раздѣлялъ гностическія заблужденія—это фактъ безспорный, такъ какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Иринеи, Ипполитъ, Тертуліанъ, Климентъ, Оригенъ, Іеронимъ, Епифаній и Теодоритъ. Намъ остается, слѣдовательно, только рѣшить вопросъ: раздѣлялъ-ли эти убѣжденія Таціанъ во время написанія своей рѣчи противъ эллиновъ и есть-ли въ этой рѣчи что-либо гностическое? Этотъ вопросъ различными учеными рѣшается различно. Нѣкоторые, какъ напр., Землеръ, Баумгартенъ-Крузіусъ²⁾, Риттеръ³⁾, Губеръ⁴⁾ и др., думаютъ находить въ апологіи Таціана слѣды его позднѣйшаго гностическаго направленія. Другіе-же, напр., Чирнеръ⁵⁾, Даніэль⁶⁾, проф. Скворцовъ⁷⁾ и пр. утверждаютъ, что въ апологіи Таціана не только нѣтъ ничего гностическаго, но даже, наоборотъ, проводится не мало такихъ мнѣній, которыя совершенно непримиримы съ гностицизмомъ.

Думающіе видѣть въ апологіи Таціана гностическій колоритъ ссылаются въ особенности на то, что для обозначенія творенія міра Словомъ Божиимъ онъ употреблялъ глаголъ: δημιουργέω. Именно указываютъ на слѣдующее мѣсто Таціановой рѣчи противъ эллиновъ⁸⁾: ὁ λόγος, ἐν ἀρχῇ γεννηθεὶς, ἀντεγέννησε τὴν καθ' ἡμᾶς ποιήσιν αὐτὸς ἑαυτῷ τὴν ὅλην δημιουργήσας (Слово, въ началѣ рожденное, въ свою очередь произвело нашъ міръ, Само создавъ для себя вещество). Но выраженія: δημιουργός, δημιουργέω, хотя и употреблялись гностиками для обозначенія

¹⁾ 1 Кор. VI, 19. Ср. III, 16.

²⁾ Daniel. Op. cit., p. 146. 209.

³⁾ Op. cit., p. 342.

⁴⁾ Philosophie der Kirchenväter, p. 21.

⁵⁾ Tzschirner. Fall des Heidenthums, p. 210.

⁶⁾ Op. cit., p. 127. 173. 178. 210. 223.

⁷⁾ Философія отцовъ и учит. Церкви, стр. 35. 45.

⁸⁾ Въ главѣ V.

низшаго Бога, но сами по себѣ не заключаютъ въ себѣ ничего еретическаго. Въ православной Церкви наравнѣ съ словомъ ποιητής очень часто употреблялось и слово δημιουργός для обозначенія извѣстной стороны творческой дѣятельности Божества. Оно употреблено въ этомъ смыслѣ, напр., въ книгѣ Иова ¹⁾. Затѣмъ выраженіе: δημιουργός τοῦ κόσμου употреблялось многими изъ такихъ отцовъ Церкви, православіе которыхъ не можетъ быть подвержено сомнѣнію. Значитъ, это выраженіе вовсе не есть исключительно гностическое, но употребительное и въ православной Церкви. А что Таціанъ, употребляя глаголь δημιουργέω, не раздѣлялъ гностическихъ заблужденій о матеріи и твореніи міра, — это можно видѣть изъ того, что онъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ для обозначенія міра, произведеннаго Словомъ, употребляетъ существительное ποιησις (твореніе, созданіе). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ²⁾ Таціанъ прямо называетъ Бога „сотворившимъ (ποίησας)“ міръ.

Наконецъ, нѣкоторые, напр. Баумгартенъ-Крузіусъ, находятъ гностическій колоритъ въ ученіи Таціана о духахъ злобы, ведущихъ борьбу съ человѣкомъ и стремящихся подчинить его себѣ посредствомъ вещества. Но, какъ мы уже раньше видѣли, это мнѣніе Таціана не только не заключаетъ въ себѣ ничего не православнаго, но даже можетъ находить для себя основанія въ Священномъ Писаніи.

Итакъ, въ апологій Таціана нельзя находить что-либо гностическое. Съ другой стороны, совершенно непримиримы съ гностицизмомъ тѣ мѣста ея, гдѣ Таціанъ сотвореніе матеріи приписываетъ истинному Богу ³⁾, утверждаетъ воскресеніе человѣческаго тѣла и дѣйствительное воплощеніе Сына Божія ⁴⁾, говоритъ, что міръ сотворенъ вполне прекраснымъ ⁵⁾, ясно признаетъ свободу воли человѣка и зло почитаетъ злоупотреб-

¹⁾ Глава XXXVIII, ст. 4.

²⁾ Глава XXVI.

³⁾ Глава V. VI.

⁴⁾ Глава XXI.

⁵⁾ Глава XVII.

леніемъ ея ¹⁾. Несомнѣнно, что Таціанова рѣчь противъ эллиновъ написана имъ до его увлеченія гностицизмомъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что Таціанъ, при всей своей враждѣ къ языческой философіи, не свободенъ былъ отъ ея вліянія ни въ формальномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи; но при всемъ томъ это вліяніе не заходило по крайней мѣрѣ сколько это видно изъ апологіи, такъ далеко, чтобы приводить Таціана къ неправославнымъ мыслямъ.

А. Сергіевскій.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Глава XI.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ЭМПИРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

(Окончаніе *).

б) До сихъ поръ мы говорили о достовѣрности нашего эмпирическаго познанія, въ какой мѣрѣ оно основывается на познаніи тѣхъ свойствъ чувственнаго бытія, которыя мы назвали объективными и которыя въ сущности условливаются категоріями пространства, времени и движенія. Но отъ этихъ свойствъ мы отличили другія, которыя, повидимому, вполне условливаются организаціею нашей духовно-чувственной природы и которыя мы поэтому назвали субъективными, таковы: цвѣта, звуки, запахи и пр. Какое значеніе имѣютъ эти свойства для нашего познанія о мірѣ? Составляютъ-ли они ни къ чему пригодный придатокъ нашего познанія, облегающій постояннымъ, обманчивымъ миражемъ образъ дѣйствительнаго міра, или сами по себѣ они составляютъ какой-либо цѣнный и необходимый элементъ въ нашемъ познаніи истины бытія?

Что эти, такъ называемыя, субъективныя свойства, постоянно и неизбежно соединяемыя съ объективными въ нашихъ чувственныхъ возрѣніяхъ и представленіяхъ, нисколько не препятствуютъ выдѣленію изъ нихъ сихъ послѣднихъ и въ силу этого познанію дѣйствительныхъ свойствъ вещей,—объ этомъ мы уже говорили. Разумъ человѣка нашель средство отличить звукъ отъ реальной причины его—колебанія волнъ воздуха, свѣтъ отъ дрожанія эѳира, запахъ и вкусъ—отъ химическаго измѣ-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 10.

ненія въ слизистыхъ покровахъ носа и рта и оканчивающихся здѣсь нервовъ. Но этого мало; въ самыхъ субъективныхъ ощущеніяхъ находится нѣкоторый объективный элементъ, который и дѣлаетъ возможнымъ, при помощи ихъ и черезъ ихъ посредство, познаніе дѣйствительныхъ свойствъ вещей, въ силу чего и мы точнѣе должны-бы называть ихъ не чисто субъективными свойствами, но только съ преобладающимъ субъективнымъ характеромъ. Положимъ, эти свойства составляютъ только своеобразную реакцію нашего духа на воздѣйствіе на наши чувства внѣшнихъ предметовъ. Однако-же особенности этой реакціи и форма ея (впечатлѣнія различныхъ чувствъ и степени силы ощущенія одного и того-же чувства) зависятъ не отъ насъ однихъ, но находятся въ тѣсной зависимости отъ различнаго дѣйствія внѣшнихъ предметовъ *). Слѣдовательно, по качеству и разнообразію впечатлѣній мы можемъ заключать объ отличіяхъ и разнообразіи дѣйствительныхъ предметовъ, возбуждавшихъ то или другое ощущеніе. Такъ, напримѣръ, по силѣ свѣта или звука можемъ заключать о близости или отдаленности предмета, по направленію и измѣненію свѣта—о его движеніи, по степени мускульнаго усилія нужнаго, чтобы поднять, приблизить или отстранить предметъ—о его величинѣ и тяжести и т. п. На этомъ, такъ сказать, истолкованіи нашихъ субъективныхъ ощущеній и основанномъ на немъ пониманіи реальныхъ свойствъ и отношеній предметовъ основывается все наше практическое отношеніе къ дѣйствительному, окружающему насъ бытію и вѣрность этого отношенія показываетъ несомнѣнную связь субъективныхъ ощущеній съ объективными свойствами вещей. Что-же касается до того обстоятельства, что эти объективныя свойства даны въ нашемъ созна-

*) Что наши субъективныя ощущенія не безусловно субъективны, но зависятъ отъ воздѣйствія объекта, это кромѣ разнообразія впечатлѣній доказывается и тѣмъ, что съ исчезновеніемъ чувственныхъ воздѣйствій исчезаетъ въ насъ и способность субъективныхъ ощущеній. Такъ индивидуумы, потерявшіе зрѣніе или слухъ, хотя въ фантазіи или во снѣ могутъ еще представлять себѣ цвѣта и звуки, но у слѣпорожденныхъ и отъ природы глухихъ они совершенно отсутствуютъ. Точно также наши свѣтовые и звуковыя представленія тѣмъ яснѣе, сильнѣе и опредѣленнѣе выступаютъ въ сознаніи, чѣмъ сильнѣе нормальное, объективное раздраженіе. Wundt, Psychologie. 1874. 352.

ніи въ несоотвѣтствующей имъ субъективной формѣ: цвѣта, запаха, звука и проч., что эта форма затѣмъ приходитъ во всѣ наши представленія и даже понятія о внѣшнемъ мірѣ безъ исключенія, какъ неизбѣжная субъективная примѣсь и свойство нашего специально человѣческаго познанія, то это явленіе свидѣтельствуетъ только объ относительности и ограниченности нашего познанія, по которому мы не можемъ познавать вещи такъ, какъ они сами по себѣ суть, но только чрезъ посредство нашей познавательной способности, въ частности — чувственной по отношенію къ предметамъ эмпирическимъ. Положимъ, какъ говорятъ Дюбуа-Реймонъ и Гельмгольцъ, наши свѣтовые, звуковыя и другія представленія по отношенію къ дѣйствительнымъ вещамъ суть не болѣе, какъ символы, познавательныя значки, что они также похожи на настоящія вещи, какъ буквы, письменныя черты или произносимыя нами слова на тѣ предметы, которые они означаютъ. Однакоже символъ можетъ быть разгаданъ и не особенно трудно понять, что онъ означаетъ; однакоже, какъ ни мало похожи буквы и слова на вещи, которыя они означаютъ, мы не только посредствомъ ихъ понимаемъ вещи и ставимъ себя въ правильное практическое отношеніе къ нимъ, но на примѣненіи ихъ къ дѣлу познанія основывается и все наше научное познаніе. Чтобы узнать вещь или дать о ней понятіе другимъ, мнѣ не всегда нужно увидать ее и показать другимъ; посредствомъ слова и письма я могу воссоздать ея образъ, вполне соотвѣтствующій дѣйствительности, не смотря на полное несходство знака съ изображаемымъ. Точно также и, такъ называемыя, субъективныя свойства вещей могутъ служить къ познанію свойствъ объективныхъ, не смотря на все несходство съ ними.

Но мы слишкомъ мало цѣнили бы субъективный элементъ нашего чувственного познанія, еслибы смотрѣли на него только какъ на постороннюю примѣсь и нѣкоторое препятствіе къ подлинному познанію вещей. Положимъ, это препятствіе болѣе или менѣе устранимо и эта примѣсь можетъ быть отдѣлена при помощи научнаго анализа, какъ шелуха отъ зерна. Но во всякомъ случаѣ самое существованіе этой шелухи, этой

примѣси представлялось-бы безцѣльнымъ и загадочнымъ въ нашемъ познаніи. Это невольно наводитъ насъ на вопросъ: не имѣетъ-ли тотъ элементъ представленія, который мы назвали субъективнымъ, какого-либо самостоятельнаго значенія въ дѣлѣ познанія истины бытія?

Прежде всего замѣтимъ, что при оцѣнкѣ значенія субъективныхъ свойствъ философская мысль часто невольно допускала ту ошибку, что противоположность ихъ свойствамъ объективнымъ понимала, какъ противоположность нереального реальному, ложнаго истинному. Но это въ сущности матеріалистическая точка зрѣнія на познаніе и бытіе; только съ этой точки зрѣнія, съ которой истинно сущимъ признается бытіе, опредѣляемое физическими (объективными) свойствами *), можно отвергать всякое положительное значеніе свойствъ субъективныхъ и считать ихъ если и не чистымъ миражемъ нашего сознанія, то по крайней мѣрѣ бесполезными въ сущности символами предметовъ, не имѣющими съ ними ничего общаго. Но субъективная (духовная сторона) бытія, какъ мы видѣли, имѣетъ столько-же самостоятельное и реальное бытіе, какъ и объективная (въ смыслѣ матеріальной); поэтому и тѣ свойства вещей, которыя создаются нашимъ духомъ, или точнѣе—въ нашемъ духѣ, по поводу воздѣйствія на него внѣшнихъ предметовъ, должны имѣть реальность по крайней мѣрѣ не меньшую той, какую мы приписываемъ свойствамъ, называемымъ нами объективными.

Но не въ смыслѣ только психологической или духовной реальности мы говоримъ о субъективныхъ свойствахъ. Мы называемъ ихъ не свойствами только нашего духа, образовавшимися подъ воздѣйствіемъ свойствъ внѣшнихъ предметовъ, но свойствами *вещей*,—и это названіе нельзя назвать однимъ недоразумѣніемъ; въ немъ заключается вѣрный смыслъ. Мы видѣли, что эти свойства во всемъ разнообразіи ихъ оттѣнковъ не создаются нашимъ духомъ ни произвольно, ни по какому

---

*) Атомъ имѣетъ хотя и безконечно малую величину, плотность, форму; ему, какъ существенное свойство, принадлежитъ движеніе, а различнымъ атомамъ различная степень интенсивности этого движенія. Тѣ-же свойства принадлежать и различнымъ цѣлостямъ, или комбинаціямъ атомовъ, называемымъ тѣлами.

либо чисто субъективному закону, но зависятъ въ своемъ происхожденіи отъ реального дѣйствія самыхъ предметовъ, что, слѣдовательно, они не безусловно субъективны, но имѣютъ въ себѣ и нѣкоторый объективный элементъ. Отсюда слѣдуетъ, что и представленія наши, основанныя на этихъ свойствахъ, имѣютъ реальную, хотя и не прямую связь съ дѣйствительными вещами, и не суть только безразличныя и равнодушныя къ нимъ символы или значки, которые могли-бы быть замѣнены и другими безъ вреда для существа дѣла, но отображенія въ нашемъ духѣ нѣкоторыхъ реальныхъ свойствъ бытія, хотя эти свойства открываются, какъ мы сказали, и сознаются только въ нашемъ духѣ.

Ближайшій и важный для насъ результатъ такого значенія субъективнаго элемента нашихъ представленій тотъ, что всѣ произведенія нашего духа, основанныя на познаніи этихъ свойствъ и на комбинаціи ихъ въ нашемъ сознаніи, имѣютъ объективно-научное, а не психологическое только значеніе. Область произведеній нашего духа, условливаемыхъ этими свойствами, какъ извѣстно, очень обширна; различныя сочетанія звуковъ членораздѣльныхъ составляютъ элементарное основаніе нашего ученія о словѣ (филологія), словесности и поэзіи; нечленораздѣльныхъ, — музыки; свѣтотѣнныя ощущенія играютъ существенную роль въ произведеніяхъ живописи, отчасти скульптуры и архитектуры. Еслибы эти свойства были чисто субъективными свойствами, то всѣ научныя теоріи человѣческаго слова и изящныхъ искусствъ были-бы не болѣе, какъ произвольными порожденіями нашего духа, не имѣющими никакой реальной цѣнности. Но какъ скоро они имѣютъ хотя не прямое, но основанное на объективныхъ качествахъ вещей, а потому относительно реальное значеніе, то познанія и теоріи, трактующія объ изящномъ, пріобрѣтаютъ не только субъективное, но и объективное значеніе, и мы получаемъ право говорить о правильномъ, гармоническомъ, прекрасномъ не только въ насъ самихъ, но и внѣ насъ—въ природѣ, точно также, какъ говоримъ о протяженности, величинѣ, движеніи предметовъ. И опытъ дѣйствительно подтверждаетъ это право, когда показываетъ, что не смотря на все участіе и всю сво-

боду нашей мысли и нашей фантазіи въ дѣлѣ искусства, не отъ нашего одного произвола зависить считать, напримѣръ, такое-то сочетаніе звуковъ гармоничнымъ, другое нѣтъ, такую то комбинацію цвѣтовъ изящною, другую непріятною; но въ самой природѣ вещей даны нѣкоторыя условія къ разнообразной оцѣнкѣ впечатлѣній звука и свѣта.

Такимъ образомъ и субъективныя свойства вещей мы имѣемъ полное основаніе называть реальными свойствами въ двухъ отношеніяхъ: какъ въ силу истины и дѣйствительности самаго субъективнаго бытія, такъ и въ силу несомнѣнной связи ихъ съ дѣйствительными предметами. Конечно, говоря о реальности ихъ въ послѣднемъ отношеніи, мы не должны забывать, что они суть сложный продуктъ нашего субъективнаго ощущенія и объективнаго воздѣйствія вещей и что, поэтому, они по существу отличны отъ свойствъ чисто физическихъ, не смотря на связь съ послѣдними. Поэтому и познанія, основанныя на этихъ свойствахъ, суть познанія самостоятельныя и не обязанныя своею твердостію и научнымъ характеромъ чисто эмпирическому познанію. Каждому звуку, каждому свѣтовому ощущенію соотвѣтствуетъ, напримѣръ, извѣстное число колебаній воздуха, дрожацій ээира и для естествознанія, — опредѣлить число этихъ колебаній и частные оттѣнки ихъ, условливаемые средою проводящею ихъ, имѣетъ свое значеніе. Но для научной теоріи языка, музыки, живописи это не важно; самое точное и подробное знаніе, сколько и какихъ колебаній или вибрацій воздуха или эфѣра соотвѣтствуетъ такому-то слову, такому-то обороту рѣчи, такой-то музыкальной пьесѣ, такому-то сочетанію свѣта, тѣни, красокъ въ природномъ или изображенномъ на картинѣ ландшафтѣ, нисколько не сдѣлало бы для насъ понятнѣе законовъ поэзіи, музыки, живописи и не объяснило бы намъ тѣхъ или другихъ эстетическихъ впечатлѣній, производимыхъ въ насъ тѣми или другими явленіями природы. Но такая самостоятельность познанія субъективныхъ свойствъ также мало можетъ говорить противъ объективной истины этого познанія, какъ и вообще самостоятельность всего нашего познанія противъ соотвѣтствія его дѣйствительному бытію вещей, потому что и для познанія объективныхъ ка-

чествъ вещей непосредственное чувственное ощущение даетъ очень немного, — первоначальный, грубый матеріаль, не представляющій еще научной цѣнности, — матеріаль, которымъ одинаково съ человѣкомъ владѣютъ и животныя; все дальнѣйшее движеніе нашего познанія, — *познанія* въ точномъ смыслѣ слова, совершается при помощи субъективнаго, логическаго процесса мышленія и категорическихъ, апріорныхъ понятій нашего разума. Но если это привнесеніе субъективнаго элемента, какъ увидимъ въ анализѣ раціональнаго познанія, насколько не препятствуетъ его истинѣ и объективному значенію, то также точно самостоятельность нашего познанія по отношенію къ тѣмъ сторонамъ бытія, о которыхъ даютъ намъ знать субъективныя свойства вещей, не можетъ лишить его истины и объективнаго значенія.

Признавъ относительную реальность субъективныхъ свойствъ вещей, мы вмѣстѣ съ тѣмъ возстановили полный образъ внѣшняго чувственнаго міра въ томъ объективномъ значеніи, какое придаетъ ему непосредственное сознаніе человѣчества и которое грозитъ совершенно разрушить философскій анализъ чувственнаго представленія, обративъ весь этотъ міръ въ субъективный фантомъ и миражъ нашего сознанія. Реальность объективныхъ свойствъ вещей, основанныхъ на представленіяхъ пространства, времени и движенія, обезпечила для насъ истину и достовѣрность той стороны познанія о внѣшнемъ мірѣ, которая составляетъ предметъ положительнаго, естествозна-тельнаго ученія изученія природы. Относительная реальность субъективныхъ свойствъ вещей обезпечила такую-же достовѣрность познаній, которыя хотя по ихъ характеру и не могутъ быть названы эмпирическими, но имѣютъ однако-же тѣсную связь съ міромъ эмпирическихъ явленій, а потому имѣютъ не только субъективное, но и объективно-эмпирическое значеніе. Еслибы, отстаивая самостоятельность міра внѣшняго, мы ограничились утвержденіемъ за нимъ только однихъ объективныхъ свойствъ, то образъ дѣйствительнаго міра только въ половину соотвѣтствовалъ бы нашему представленію о немъ, лишившись при этомъ именно тѣхъ качествъ и свойствъ, которыя дѣлаютъ его столь разнообразнымъ и привлекательнымъ

для нашего сознанія и эстетическаго чувства. Дѣйствительный міръ представился бы намъ въ видѣ монотоннаго движенія атомовъ, то колеблющихся съ различною скоростію въ дрожаніяхъ ээира или воздуха, то образующихъ путемъ механическаго движенія различныя измѣнчивыя комбинаціи, различныя протяженныя тѣла. Наглядный образъ такого міра мы получимъ, если представимъ безчисленное множество точекъ въ пространствѣ, движущихся въ различномъ направленіи съ различною быстротою и находящихся въ большей или меньшей (впрочемъ постоянно мѣняющейся) степени сближенія. Но въ этотъ монотонный механическій міръ вносятъ свѣтъ и жизнь субъективныя свойства вещей, называемыя нами свѣтомъ, звукомъ, тепломъ и пр. Но не одинъ только духъ *творитъ* эти свойства и украшаетъ хотя пріятнымъ, но тѣмъ не менѣе обманчивымъ миражемъ подлинный образъ міра, хотя-бы и въ такомъ случаѣ это духовное украшеніе и дополненіе міра имѣло бы не меньшую реальность, чѣмъ такъ называемыя объективныя свойства его, въ силу того, что и самъ духъ и его произведенія составляютъ бытіе столько-же истинное, какъ и бытіе физическое. Основаніе и начало свое эти свойства находятъ и въ самой природѣ вещей и поэтому, не смотря на то, что они составляютъ сложный продуктъ субъективнаго и объективнаго элементовъ, они справедливо считаются свойствами самаго міроваго бытія. Такимъ образомъ чувственный міръ живаго общечеловѣческаго сознанія снова является предъ нами цѣльнымъ и полнымъ міромъ и критическій анализъ его, не уничтоживъ этой цѣльности, привелъ только къ болѣе раціональному и свободному отъ одностороннихъ возрѣвій возрѣвію на міръ, чѣмъ и достигнута главная цѣль этого анализа, состоящая въ философскомъ удостовѣреніи тѣхъ положеній, которыя общимъ сознаніемъ принимаются безотчетно на вѣру.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о достовѣрности чувственнаго познанія считаемъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о границахъ этого познанія, такъ какъ не только относительность, но и ограниченность его служила для идеализма поводомъ къ отрицанію его достовѣрности. При этомъ считаемъ нужнымъ припомнить сказанное нами въ началѣ нашего

изслѣдованія, что, подвергая анализу чувственное познаніе, мы принимаемъ его здѣсь въ самомъ тѣсномъ и низшемъ значеніи этого слова, какъ познаніе непосредственное (чувственное воззрѣніе и представленіе), отличное отъ познанія о внѣшнемъ мірѣ, приобретаемаго посредствомъ понятій разсудка, и которое должно быть отнесено къ области познанія раціональнаго. Поэтому и говоря о границахъ чувственнаго познанія, мы будемъ имѣть въ виду лишь предѣлы доступности для нашей чувственно - познающей силы непосредственно воспринимаемыхъ ею свойствъ, качествъ, явленій и предметовъ внѣ насъ находящагося матеріальнаго міра.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія наше чувственное познаніе, мы конечно должны призвать его очень ограниченнымъ и въ силу общей ограниченности нашего познающаго субъекта и относительности его познанія, и въ силу эмпирическихъ фактовъ, подтверждающихъ эту ограниченность, — ограниченность въ томъ смыслѣ, что нашему ощущенію доступно не все то, что существуетъ въ матеріальномъ мірѣ. Прежде всего, можемъ-ли мы быть увѣрены, что нашими пятью чувствами исчерпывается все содержаніе внѣшняго намъ бытія? что въ природѣ не можетъ быть свойствъ, явленій, силъ, предметовъ, которые совершенно намъ недоступны, по отсутствію органовъ къ ихъ воспріятію? Какъ для слѣпорожденнаго не существуетъ свѣта и цвѣтовъ, для природно-глухаго — звуковъ, такъ и для насъ могутъ не существовать цѣлые ряды качествъ и свойствъ вещей доступныхъ иначе, чѣмъ мы, организованнымъ существамъ. Другія существа съ другими субъективными способностями воспріятія могутъ видѣть и знать то, чего мы и въ фантазіи представить не можемъ; вселенная для нихъ будетъ имѣть совершенно иной видъ, столько-же не вообразимый для насъ, сколько нашъ міръ можетъ быть не вообразимъ для существъ высшихъ или низшихъ насъ и иначе организованныхъ. Затѣмъ, и познавательная сила спеціально человѣческихъ чувствъ очень не велика и очень скоро встрѣчаетъ границы и въ своей собственной ограниченной природѣ и въ неограниченности природы внѣшней, такъ что едва-ли можно считать абсолютно достовѣрнымъ тотъ образъ міра, какой она

начертываетъ намъ. Раздвиньте немного далѣе эти границы и получится совершенно иной образъ міра. Еслибы, напр., нашъ глазъ былъ устроенъ подобно микроскопу, или зрительная его сила была въ тысячу разъ сильнѣе нынѣшней, то мы совершенно не узнали бы окружающаго насъ міра. Еслибы нашъ слухъ былъ болѣе тонокъ или грубъ, то измѣнилась бы вся система нашей музыкальной гармоніи и отъ всей теоріи музыки не осталось бы и слѣда; при увеличеніи силы слуха въ тысячу и болѣе разъ мы, можетъ быть, слышали бы звуки, производимые движеніемъ въ эфирѣ небесныхъ тѣлъ, ту небесную гармонію, о которой мечталъ Пифагоръ. Но какъ-бы ни раздвигали полетомъ нашей мысли интенсивность нашихъ чувствъ, мы все-таки принуждены будемъ отступить предъ громадными пространствами вселенной и необъятностію ея содержанія.

Но, быть можетъ, вслѣдствіе общаго закона міроваго развитія, которому подлежатъ и человѣкъ, мы можемъ надѣяться, что та ограниченность чувственнаго познанія, о которой мы говоримъ, будетъ уменьшаться мало-по-малу. Было время, когда въ природѣ не было живыхъ существъ, а вмѣстѣ съ ними и субъективныхъ или вторичныхъ свойствъ, о которыхъ мы знаемъ теперь; съ появленіемъ, дифференцированіемъ, усовершеніемъ чувственныхъ органовъ въ животномъ мірѣ увеличивались и расширялись первоначально смутныя и крайне ограниченныя представленія животныхъ. Этотъ законъ развитія чувственнаго познанія можетъ имѣть приложение и къ человѣку. Такъ, говорятъ, новѣйшія филологическія изслѣдованія показываютъ, что мы знаемъ гораздо больше цвѣтовъ, чѣмъ сколько знали люди во времена Гомера. Отчего не предположить, что наши потомки будутъ знать гораздо болѣе цвѣтовъ, вообще гораздо болѣе свойствъ вещей, чѣмъ сколько знаемъ мы ихъ теперь. Извѣстно, напр., что существуютъ въ природѣ лучи, которые не ощущаются однакоже нашимъ зрѣніемъ; можетъ быть свѣтовые лучи, которые слабѣе, чѣмъ красныя, и сильнѣе, чѣмъ фіолетовыя, и которые теперь (предположительно) ощущаемъ только какъ тепло и послѣдніе какъ химическое дѣйствіе, чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ человѣкъ будетъ ощущать какъ лучи солнечнаго спектра. Подобное-же

можно предположить и относительно ощущеній всѣхъ другихъ нашихъ чувствъ.

Но опытъ представляетъ намъ факты, далеко не подающіе надежды на расширеніе и усовершеніе нашей чувственно-познавательной способности. Онъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что вопреки, повидимому, закону развитія, который требуетъ, чтобы совершеннѣйшія и позже другихъ явившіяся въ мірѣ существа владѣли и болѣе совершенными чувственными органами, у человѣка эти органы развиты несравненно слабѣе, чѣмъ у многихъ низшихъ животныхъ; припомнимъ зрѣніе орла, обоняніе собаки, слухъ у многихъ ночныхъ птицъ и т. п. И въ самомъ родѣ человѣческомъ мы замѣчаемъ не усиленіе и развитіе, а скорѣе сокращеніе и ослабленіе первоначально данной ему природою эвергіи чувствъ. По всей вѣроятности первобытные люди видѣли, слышали и пр. несравненно лучше, чѣмъ современные; извѣстно, на примѣръ, что дикія и кочевыя племена обладаютъ силою зрѣнія и слуха несравненно болѣе значительною, чѣмъ европейцы; цивилизація, повидимому, губительно дѣйствуетъ на интенсивность чувственного воспріятія. Все это скорѣе ведетъ къ мысли о сокращеніи, чѣмъ о расширеніи области нашего непосредственнаго чувственнаго познанія *).

Всѣ вышеизложенныя наши замѣчанія, конечно, справедливы, но они свидѣтельствуютъ только объ относительности и

---

*) Что касается до мнѣнія, будто древніе не знали о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра, о которыхъ мы знаемъ теперь (на примѣръ — не различали голубаго отъ зеленаго и пр.), то филологія представляетъ здѣсь слишкомъ шаткую и ненадежную почву, чтобы строить сколько-нибудь вѣроятные выводы. Если о нѣкоторыхъ цвѣтахъ не упоминаютъ древніе писатели, на примѣръ, Гомеръ, или смѣшиваютъ названія, обозначающія впоследствии различныя цвѣта, то это могло зависѣть отъ причинъ чисто случайныхъ и отъ несовершенства языка. Можетъ быть и теперь въ языкахъ дикарей мы не найдемъ названій для обозначенія различныхъ оттѣнковъ цвѣтовъ, для которыхъ у насъ такія названія существуютъ; но можетъ-ли это служить доказательствомъ, что они не имѣютъ и представленія объ этихъ оттѣнкахъ? И у насъ для многихъ тонкихъ оттѣнковъ цвѣта, запаха, вкуса не существуетъ специальныхъ названій; но справедливо-ли наши потомки, у которыхъ будутъ такія названія, станутъ бы отрицать существованіе у насъ этихъ ощущеній на томъ только основаніи, что словъ ихъ обозначающихъ не нашли въ нашихъ книгахъ?

ограниченности нашего познанія, но не говорятъ противъ его достовѣрности. Несомнѣнно, конечно, то, что дѣйствительность гораздо шире, чѣмъ самое широкое познаніе о ней, что въ мірѣ больше содержанія, чѣмъ сколько можемъ мы воспринять посредствомъ чувствъ. Но такая ограниченность не говоритъ еще, чтобы то, положимъ немного, что даютъ намъ знать о мірѣ наши чувства, было не истинно. Положимъ, существа высшія насъ могутъ видѣть въ предметахъ больше, чѣмъ мы, и въ этомъ смыслѣ представлять себѣ міръ иначе, чѣмъ мы; но это еще не доказываетъ, чтобы наше знаніе о мірѣ, хотя менѣе полное и обширное, было невѣрно. Если зрѣніе, вооруженное микроскопомъ, открываетъ въ предметѣ больше, чѣмъ обыкновенный глазъ, то это не говоритъ, чтобы нашъ глазъ обманывалъ насъ, показывая въ предметѣ не то, что въ немъ есть. Познаніе можетъ имѣть различныя степени и условливаться мѣрою совершенства различныхъ существъ. Но различныя степени познанія относятся одна къ другой не какъ истинная къ ложной, но какъ болѣе полная къ менѣе полной и совершенной. Безусловно истинное, полное и совершенное познаніе о вещахъ можетъ имѣть только умъ божественный, который созерцаетъ вещи прямо сами въ себѣ и для познанія ихъ не имѣетъ нужды въ какихъ-либо средствахъ и органахъ. Познаніе существъ конечныхъ есть относительное (т. е. соразмѣрное ихъ природѣ), ограниченное, но не ложное; оно различается степенями, но не сущностію. Такое различіе степеней чувственнаго познанія мы замѣчаемъ даже въ насъ самихъ, сравнивая наши собственные представленія, основанныя на показаніяхъ тѣхъ-же чувствъ, но при различныхъ условіяхъ ихъ дѣйствія; мы различаемъ поэтому представленія ясныя и темныя; знаемъ, что повторенное впечатлѣніе, внимательное наблюденіе открываетъ въ томъ-же предметѣ гораздо больше, чѣмъ мы замѣтили сначала; но все это не препятствуетъ относительной истинѣ и вѣрности предмету различныхъ представленій его.

Ограниченность нашего чувственнаго познанія тѣмъ менѣе можетъ говорить противъ его достовѣрности, что человѣку дана возможность расширять поле своего эмпирическаго знанія

и раздвигать границы этой естественной ограниченности. Но эта возможность заключается вовсе не въ естественномъ расширеніи предѣловъ нашего чувственного воспріятія въ силу проблематическаго закона органическаго прогресса, но въ той высшей, спеціально человѣческой способности, которая неизмѣримо возвышаетъ его надъ всѣми органическими существами, — въ разумѣ. Подъ могущественнымъ вліяніемъ этой силы, не смотря на ограниченность своихъ чувствъ, не смотря на несовершенство ихъ сравнительно съ чувствами многихъ животныхъ, человѣкъ достигаетъ открытія въ окружающемъ его мірѣ такихъ свойствъ, качествъ, явленій, предметовъ, о которыхъ не могли бы дать ему ни малѣйшаго понятія самыя сильныя чувства. При помощи телескопа онъ проникнулъ въ глубины звѣзднаго неба, при помощи микроскопа открылъ живыя существа, о существованіи которыхъ никогда не могли сказать ему чувства, онъ опредѣлилъ неуловимую чувствомъ тяжесть воздуха, густоту паровъ, скорость движенія свѣта, электрическаго тока и т. п. Есть-ли гдѣ границы расширенія этой могущественной силы въ познаніи свойствъ и явленій міра, — сказать трудно; во всякомъ случаѣ можно сказать то, что дѣйствительный источникъ нашего познанія о внѣшнемъ мірѣ, какъ *познанія*, заключается не въ чувствахъ, которыя даютъ лишь первоначальный, грубый матеріалъ для разума, а въ самомъ разумѣ, и что самый фактъ постепеннаго расширенія его, на ряду съ фактомъ ограниченности нашей чувственной способности, — ограниченности съ теченіемъ времени усиливающейся, а не уменьшающейся, представляетъ ясное опроверженіе теоріи, производящей всѣ наши познанія изъ чувственнаго опыта.

В. Жудравцевъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

25. Софистъ Протагоръ изъ Абдеры.

Между тѣмъ какъ до V вѣка греки съ глубокою вѣрою относились ко всему, что приняли въ наслѣдіе отъ сѣдой древности, съ V вѣка, благодаря различнымъ причинамъ и между прочимъ развитію философской мысли, на многое изъ прежняго стала налегать тѣнь сомнѣнія. Уже мы видѣли нѣчто подобное со стороны основателя элейской философской школы Ксенофана. Еще дальше пошли такъ называемые софисты. Если элейская школа, разрушая прежнее, создала новое, отрицая множество, утверждала единство и т. д., то софисты разрушали, не созидая ничего. А будучи повсюдными учителями музыки, грамматики, математики и пр., особливо-же риторики, они такимъ образомъ и нравственно дѣйствовали на современное имъ человѣчество развращающимъ образомъ. Они учили, что все можно и утверждать и въ то-же время отрицать,—доказывать и опровергать и т. д. Старѣйшимъ изъ числа такихъ софистовъ былъ Протагоръ. Онъ жилъ между 480 и 410 годами до Р. Хр. Родившись въ Абдерѣ, онъ въ раз-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 9.

ное время перебивалъ въ различныхъ городахъ, населенныхъ греками; между прочимъ былъ въ Сициліи и въ Аѳинахъ. Бывъ слушателемъ философовъ іонійской и элейской школы, онъ не примкнулъ ни къ какой изъ нихъ. Онъ предпочиталъ славу ученаго славѣ философа какой-либо школы и подлинно считался ученѣйшимъ изъ современниковъ. Его уважали такія лица, какъ Периклъ. Его приглашали въ домашніе учителя за большую плату; и профессія странствующаго учителя вполне была ему по вкусу. Не только цѣльныхъ сочиненій, но и болѣе или менѣе значительныхъ отрывковъ изъ приписываемыхъ ему сочиненій до насъ не дошло. Различными писателями передается лишь нѣсколько отрывочныхъ его мыслей и изреченій, которыя суть:

Мѣра всѣхъ вещей есть самъ человѣкъ, который признаетъ однѣ изъ нихъ существующими, а другія несуществующими.

О богахъ, говорилъ Протагоръ, я не могу знать, существуютъ-ли они, или нѣтъ. Многое препятствуетъ мнѣ знать объ этомъ: и неясность предмета, и краткость человѣческой жизни ¹⁾.

Онъ-же говорилъ, что матерія текуча и такъ какъ она постоянно течетъ, то постоянно-же одно прибавляется, а другое убавляется, и чувства измѣняются соотвѣтственно возрастамъ и устройству тѣла.

Основанія всѣхъ видимыхъ вещей заключаются въ матеріи, такъ что матерія сама по себѣ можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она является. Но люди въ разное время различно принимаютъ все видимое, смотря по расположенію своего духа.

Два основанія, противоположныя одно другому, можно привести относительно всякой вещи.

Какъ движенія и повороты неба не подобны между собою, вопреки утвержденію астрономовъ, такъ и знаменія небесныя, каковы: громъ и молнія, не одинаковую имѣютъ съ звѣздами природу.

Нѣтъ ни искусства безъ упражненія, ни упражненія безъ искусства.

---

¹⁾ За эту мысль цѣлныя изгнали его изъ города и сожгли его книгу „О богахъ“, по свидѣтельству Діогена Лаэртія.

Однажды Протагоръ потребовалъ отъ своего ученика Еваела платы за обученіе его ораторскому искусству; и когда ученикъ возразилъ, что онъ еще не выигралъ ни одного процесса благодаря этому искусству, то учитель сказалъ: но если я выиграю, то мнѣ слѣдуетъ получить плату за то, что я выигралъ; а если ты выиграешь, то мнѣ-же слѣдуетъ получить плату за то, что ты выигралъ ¹⁾.

26. Горгій Леонтинскій.

Горгій былъ нѣсколько моложе Протагора. Въ 427 г. до Р. Хр. онъ довольно пожилымъ человѣкомъ прибылъ въ Аѣины въ качествѣ посла отъ своего роднаго города Леонтинъ съ цѣлію просить помощи противъ Сиракузъ. Въ Аѣинахъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе новизною своего краснорѣчія. Исполнивъ свою миссію, онъ отправился въ продолжительное путешествіе по Греціи, при чемъ въ разныхъ городахъ говорилъ рѣчи и давалъ уроки риторики. Хотя онъ считается слушателемъ философа Эмпедокла, однако въ направленіи своей мысли онъ примыкалъ не столько къ Эмпедоклу, сколько къ Протагору, будучи, подобно этому послѣднему, риторомъ и софистомъ. Въ своемъ сочиненіи: „О несуществующемъ или о естествѣ“, онъ проводилъ дальше тѣ начала абсолютнаго сомнѣнія, которыя проповѣдывалъ уже и Протагоръ. Кромѣ того онъ оставилъ сочиненіе, служившее руководствомъ къ ораторскому краснорѣчію. Но какъ отъ этихъ, такъ и отъ другихъ, приписываемыхъ ему сочиненій, остались до насъ лишь ничтожныя отрывки. Болѣе выдаются нѣкоторыя приписываемыя ему изреченія—плодъ всесторонней опытности, изученія разнородныхъ предметовъ и долголѣтней жизни (говорятъ, что онъ умеръ около 100 лѣтъ отъ роду). Вотъ эти изреченія:

Первое и единое есть то, что ничего нѣтъ; второе,—что если что и есть, то непостижимо для человѣка; третье,—что если оно и постижимо, то его нельзя передать и изъяснить.

¹⁾ Diog. L. IX, 8; Stob. Floril. pag. 206 et. al.

Мыслимое еще не есть существующее. Напримѣръ, можно мыслить человѣка летающимъ или колесницу ѣдущею по морю, чего въ дѣйствительности не бываетъ однакоже.

Спрошенный о томъ, при какомъ образѣ жизни достигъ онъ столь глубокой старости, Горгіи отвѣчалъ: ничего никогда я не дѣлалъ для одного лишь удовольствія, ни въ ѣдѣ, ни въ другихъ отправленіяхъ тѣла.

На вопросъ о томъ, зачѣмъ хочетъ еще жить, когда уже и такъ много пожилъ, софистъ отвѣчалъ: зачѣмъ, что не имѣю причины жаловаться на свою старость.

Будучи уже близокъ къ смерти, отъ слабости тѣлесной онъ впалъ въ забытѣе, какъ-бы заснувъ, и такъ лежалъ. И когда послѣ того кто-то изъ близкихъ къ нему людей спросилъ его, чтѣ онъ чувствуетъ, Горгіи отвѣтилъ: чувствую, что сонъ уже начинаетъ уподобляться своей сестрѣ (т. е. смерти).

Спрошенный о томъ, пріятно-ли ему умирать, софистъ отвѣтилъ: весьма пріятно, потому что я очень радъ, что удаляюсь изъ гнилаго и готоваго развалиться жилища ¹⁾.

27. Продикъ Кеосскій.

Къ числу сравнительно лучшихъ изъ софистовъ принадлежатъ современникъ Горгіи и Сократа—Продикъ изъ Іулиса на островѣ Кеосѣ. Въ юности своей онъ прибылъ въ Аѣины—центръ умственнаго движенія древней Греціи и здѣсь, выступивъ въ качествѣ ратора, возбудилъ къ себѣ удивленіе и уваженіе. Прибывъ въ Аѣины, подобно Горгію, въ виду политическихъ обстоятельствъ своего отечества, онъ однако здѣсь и остался въ качествѣ учителя краснорѣчія. Благодаря своимъ талантамъ, онъ сблизился съ такими знаменитыми личностями, какъ Оукидитъ, Терамень, Сократъ, Ксенофонтъ, Еврипидъ, Исократъ и др. Нѣкоторыя изъ этихъ личностей считаются учениками его. Отъ сочиненій Продика остались только отрывки. Но не даромъ въ его время и послѣ была въ ходу по-

¹⁾ Stobei, Floril. pagg. 548; 600; Ritter und Preller, Hist. philos. pag. 137 sq. и др.

говорка: „мудрѣ Продика“. Не даромъ и о самомъ Продикѣ говорилось, какъ о человѣкѣ „сильномъ“ по уму и краснорѣчю и „мудромъ“. Нѣкоторыя, дошедшія до насъ изреченія его, ясно о томъ свидѣтельствуютъ.

Въ своемъ сочиненіи о Геркулесѣ Продикъ такъ изображаетъ добродѣтель: Геркулесъ, перешедъ изъ дѣтскаго возраста въ юношескій (въ каковомъ возрастѣ люди, дѣйствуя уже по своей волѣ, выказываютъ намѣреніе идти въ этой жизни по тому или другому пути, по пути добродѣтели, или порока), въ уединеніи сѣлъ и сталъ размышлять о томъ, какой путь ему избрать. Въ это время явились ему двѣ женщины величественнаго вида: одна красивая, благолѣпная, благородная, тѣло ея отъ природы украшено непорочностію, взоръ—стыдливостію, поступь—цѣломудріемъ, въ бѣлой одеждѣ; а другая упитанная, полная тѣломъ, въ полномъ соку, разукрашенная бѣлилами и румянами, подтянутая по талии, съ безстыжими глазами, въ одеждѣ столь прозрачной, что сквозь нее просвѣчивали всѣ ея прелести; она постоянно заглядывалась на саму себя и обращала вниманіе на то, смотрятъ-ли на нее другіе; часто смотрѣла даже на тѣнь свою. Когда обѣ онѣ приближались къ Геркулесу, то первая шла ровно, а вторая нарочито опередила ее, подбѣжала къ молодому человѣку и начала говорить: „любезный Геркулесъ! Я вижу, ты недоумѣваешь, какой путь избрать себѣ въ жизни. Если ты полюбишь меня, то я поведу тебя путемъ самымъ пріятнымъ и самымъ легкимъ. Ты будешь вкушать всѣ возможные наслажденія и проведешь жизнь, не испытавъ никакихъ непріятностей. Ты не будешь заботиться ни о войнахъ, ни о другихъ дѣлахъ, а будешь обращать вниманіе лишь на то, какъ-бы пріятнѣе всего поѣсть и попить, чтобы пріятнѣе всего было твоимъ чувствамъ зрѣнія, слуха, обонянія и осязанія, съ какими-бы молодыми людьми пріятнѣе всего провести бесѣду, какъ-бы послаще поспать и притомъ, какъ-бы всего этого достигнуть безъ всякаго труда. Если упадетъ тебѣ въ душу сомнѣніе, откуда все это будетъ, не бойся; я не заставляю тебя доставать все это тягостнымъ трудомъ и съ помощію лишней тѣлесныхъ или душевныхъ. Ты будешь пользоваться тѣмъ, надъ чѣмъ другіе трудятся. Ничѣмъ не стѣсняйся изъ опасе-

нія того, откуда что можно было-бы пріобрѣсти: избирающимъ меня въ сожительницы я предоставляю полную власть пользоваться всѣмъ отовсюду".—А какъ твое имя? спросилъ эту женщину Геркулесъ, выслушавъ ея слова.—Та отвѣтила: друзья мои зовутъ меня Счастіемъ, а ненавистники именуютъ меня Порокомъ. Тогда подошла къ Геркулесу другая женщина и сказала: „Я прихожу къ тебѣ, зная твоихъ родителей ¹⁾ и зная твои природныя способности къ наукамъ. На основаніи всего этого я надѣюсь, что если ты пойдешь по тому пути, который ведетъ ко мнѣ, то совершишь славныя и добрыя дѣла и тѣмъ еще болѣе прославишь меня, такъ какъ чрезъ то добрыя дѣла будутъ казаться еще превосходнѣе. Я не буду обольщать тебя приманкою чувственныхъ наслажденій, но, согласно совѣтамъ боговъ, изъясню сущность дѣла по правдѣ. Ничего добраго и прекраснаго боги не даютъ людямъ безъ труда и заботы со стороны послѣднихъ. Если хочешь, чтобы боги были къ тебѣ милостивы, служи богамъ; если хочешь, чтобы любили тебя друзья, дѣлай имъ добро; если хочешь заслужить честь отъ государства, приноси ему пользу; если хочешь, чтобы вся Греція удивлялась тебѣ за твои доблести, старайся дѣлать добро Греціи; если желаешь, чтобы земля приносила тебѣ обильные плоды, обрабатывай землю и ухаживай за нею; если думаешь разбогатѣть отъ стадъ, заботься о нихъ во всѣхъ отношеніяхъ; если хочешь возвыситься посредствомъ войны, освободить друзей и покорить непріятелей, изучи самыя военныя науки у людей съѣдущихъ и упражняйся въ приложеніи ихъ къ дѣлу; если желаешь быть силенъ тѣломъ, заставляй тѣло служить разуму и упражняй его трудами и подвигами“. Тогда Порокъ, прервавъ рѣчь говорившей, сказалъ: „замѣчаешь-ли, Геркулесъ, сколь трудный и длинный путь къ радостямъ предлагаетъ тебѣ эта женщина? А я поведу тебя къ счастью путемъ легчайшимъ и кратчайшимъ“. На это добродѣтель сказала: жалкое существо! Что у тебя добраго? Что ты вѣдаешь пріятнаго, нисколько не желая потрудиться ради сего? Ты не дожидаясь, пока явится желаніе удовольствій; прежде не-

¹⁾ Геркулесъ былъ сынъ Зевса и Алкмены или Амфитріона и Алкмены.

жели явится это желаніе, ты уже наслаждаешься ими: прежде появленія голода ты уже ѣшь; прежде появленія жажды пьешь; чтобы послаще поѣсть, ты нанимаешь поваровъ; чтобы получше попить, заготовляешь многоцѣнные вина; среди лѣта бѣгаешь по домамъ, чтобы отыскать снѣга; чтобы съ большею пріятностію поспать, ты приготавлиаешь не только мягкія постели, но и пышныя ложа и ковры подъ эти ложа. И спать ложишься не отъ утомленія трудами, а отъ нечего дѣлать. Любострастію предаешься прежде, нежели является естественное къ нему побужденіе: вынуждаешь себѣ къ нему всякими способами, употребляя для сего и женскій и мужскій полъ. Такъ учишь ты друзей своихъ, ночь проводя распутно, а день,—самое полезное время,—во снѣ. Хотя ты имѣешь и безсмертіе, однако боги отвергли тебя и добрые люди не почитаютъ. Чтò всего пріятнѣе слышать,—похвалу себѣ,—ты ее слышишь; и что всего пріятнѣе видѣть, не видишь: ибо ты никогда не видишь отъ себя добраго дѣла. Кто повѣритъ словамъ твоимъ? Кто удовлетворитъ твоимъ требованіямъ? Какой здравомыслящій согласится быть съ тобой въ дружбѣ? Слѣдующіе за тобою юноши становятся разслабленными тѣломъ; старики теряютъ умъ со стороны души, такъ какъ юность проводили безъ труда въ полномъ удовольствіи, а въ старости постигаетъ ихъ трудъ и тягости; они стыдятся за сдѣланное прежде, а тѣмъ, что дѣлаютъ въ старости, тягостятся; переиспытавъ все пріятное въ молодости, они къ старости оставили одно только тягостное. А я пребываю съ богами и съ добрыми людьми. Никакое доброе дѣло ни у боговъ, ни у людей безъ меня не совершается. Меня болѣе всего чтутъ и боги и люди, и чтутъ, какъ слѣдуетъ. Художникамъ я—любимая сотрудница, домовладыкамъ я -- вѣрный стражъ домовъ ихъ, рабамъ—благосклонная заступница, въ мирныхъ трудахъ—добрая помощница, въ дѣлахъ военныхъ -- надежная союзница, дружбы наилучшая покровительница. Для друзей моихъ есть всегда въ готовности пріятная и необременительная для желудка пища и питье: ибо они вкушаютъ и пьютъ то и другое, пока чувствуютъ въ томъ потребность. Сонъ для нихъ пріятнѣе, нежели для тѣхъ, которые бездѣльничаютъ и

они какъ встають отъ сна охотно, такъ и не оставляють ради его то, что должны дѣлать. Благодаря мнѣ молодые радуются, когда старшіе хвалятъ ихъ, а равно и старцы утѣшаются честію, воздаваемою имъ отъ молодыхъ людей. Они съ удовольствіемъ воспоминають о прежнихъ своихъ дѣлахъ, съ удовольствіемъ совершаютъ и настоящія свои дѣла, будучи, благодаря мнѣ, любезны богамъ, милы друзьямъ, почтены въ отечествѣ. Когда же придетъ предназначенная судьбою кончина, то не безъ чести и не забытыми они полагаются во гробъ, но вѣчно цвѣтуть, прославляемые въ памяти потомства. И ты, Геркулесъ, потрудившись такимъ образомъ, приобрѣтешь высшее счастье и блаженство“.

Продикъ же говорилъ, что удвоенная похоть есть любострастіе, а удвоенное любострастіе есть неистовство.

Онъ же говорилъ, что наилучшая приправа есть огонь, намекая этимъ краткимъ изреченіемъ на важность огня какъ для приготовленія кушаній, такъ и для мѣры тѣлеснаго здоровья ¹⁾.

Ц. Ж.

¶ (Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Xenophontis, Memorabilia II, 1, 21—33; Stobei, Florilegium, pagg. 402; 542.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Іюня № 12. 1886 года.

Содержаніе: Журналъ комиссіи, учрежденной для обсужденія мѣръ къ исполненію указа Святѣйшаго Синода о прекращеніи вымогательства духовенства при требосправленіяхъ.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной Семинаріи за 1885/6 учебный годъ.—Тавія-же списки воспитанниковъ Харьковскаго и Купянскаго духовныхъ училищъ.—Такой-же списокъ и краткій отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.

Ж У Р Н А Л Ъ

комиссіи, учрежденной для обсужденія мѣръ къ исполненію указа Святѣйшаго Синода о прекращеніи вымогательства духовенства при требосправленіяхъ, мая 12-го 1886 года.

Слушали: Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 3-го апрѣля 1885 года за № 1120 на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, о принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ къ прекращенію чрезмѣрныхъ поборовъ духовенства при требосправленіяхъ.

Справка I: Настоящій указъ состоялся вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, даннаго на имя г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, обратить вниманія на чрезмѣрные поборы священниковъ въ Харьковской епархіи за духовныя требы, вслѣдствіе чего крестьяне одной мѣстности, какъ о томъ доведено до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, отказываются отъ заключенія браковъ.

Справка II: Фактъ вымогательства за духовныя требы вообще и за браки въ особенности, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой мѣрѣ подтверждается и дѣлами мѣстной Духовной Консисторіи, хотя злю это не ограничивается исключительно предѣлами Харьковской епархіи, но существуетъ во всей Малороссіи частію вслѣдствіе прискорбныхъ историческихъ причинъ и бытовыхъ условій мѣстной жизни, а частію и потому, что браки являются преимущественною статьею дохода причтовъ, какъ священнодѣйствія исключельныя въ жизни прихожанъ, и нерѣдко, при несоблюденіи всѣхъ надлежащихъ условій, влекущія за собою со стороны духовенства тяжелую отвѣтственность; чѣмъ и объясняется то прискорбное явленіе, что вымо-

гательство встрѣчается большею частію при совершеніи бракосочетаній, хотя бывають случаи вымогательства и при погребеніяхъ.

Справка III: Какъ противное ученію Господа нашего Иисуса Христа (Мѡ. X, 8) и каноническимъ правиламъ, вымогательство при христіанскихъ требоисправленіяхъ принадлежитъ къ числу тяжкихъ преступленій, — почему уличенные въ сномъ священно-и церковно-служители подвергаются строгому взысканію.

Справка IV: Въ Уст. Дух. Консист. ст. 184 изображено: „священнослужители, уличенные въ вымогательствѣ платы за преподаніе требъ, отрѣшаются отъ мѣстъ и низводятся въ причетники до раскаянія; а причетники въ первый разъ посылаются въ монастыри на 2 или на 3 мѣсяца, а во второй разъ исключаются изъ духовнаго званія“.

Справка V: Въ книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ (гл. III, ст. 79) сказано: „конечно слѣдуетъ беречься, чтобы не истязывать ничего за совершеніе таинъ, по словеси Господню: *туме пріясте, туме дадите* (Матѡ. гл. 10, ст. 8), а довольствоваться добротнымъ подаяніемъ, коему всячески должно быть, по словеси Господню, въ той же главѣ ст. 10: *достойнъ дѣлатель мзды своя*“.

И Апостоль глаголетъ: *Господь повелъ проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жизни* (1. Кор. гл. 9, ст. 14).

„Если священникъ съ причтою такъ убогъ будетъ, что къ содержанію своему лишится нужныхъ, то можетъ въ другое время, кромѣ подаянія таинствъ (о чемъ и духовный регламентъ въ прибавленіи о церковномъ причтѣ въ 22-мъ правилѣ воспоминаеть) требовать отъ прихожанъ вспоможенія по силѣ ученія апостольскаго: *Кто воинствуетъ своими оброками, когда или кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ; или кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ* и прочая, въ означенной главѣ 9, ст. 7, 11 и 12. Тожъ и Монаршимъ указомъ 1723 года повелѣно“.

Справка VI: Слово Божіе признаеть достойнымъ мзды своя только дѣлателя, т. е. пастыря трудящагося, ревностнаго, усерднаго къ благовѣстію и священнодѣйствію, а питаніе отъ олтаря поставляетъ въ тѣсную и неразрывную связь съ постояннымъ служеніемъ олтарю.

Справка VII: Опытъ ревностныхъ и трудолюбивыхъ пастырей Церкви, согласно съ словомъ Божіимъ, свидѣтельствуетъ, что возможно частое совершеніе Богослуженія церковнаго и въ особенности божественной литургіи наилучшимъ образомъ съ одной стороны содѣйствуетъ нравственному возвышенію и усовершенствованію священнослужителя, а съ другой увеличиваетъ даже и матеріальныя средства его настолько, что неодолимому страстью корыстолюбія, или любовію къ роскошной жизни, не будетъ нужды прибѣгать къ гнусному вымогательству платы за христіанскія требоисправленія.

Справка VIII: Въ виду вышесказаннаго и указомъ Св. Синода отъ 16 апрѣля 1869 года за № 46974 предписано и въ Уст. Дух. Конс. ст. 34 изображено слѣдующее: „Епархіальное начальство наблюдаетъ, чтобы Богослуженіе въ церквахъ монастырскихъ, соборныхъ и тѣхъ городскихъ, которыя имѣють въ причтѣ болѣе одного священника, совершаемо было ежедневно, а въ имѣющихъ одного священника и сельскихъ, сверхъ вос-

кресныхъ и праздничныхъ дней, сколько можно чаще, смотря по возможности“.

Справка IX: Журнальнымъ постановленіемъ своимъ отъ 25-го октября прошлаго года, настоящая комиссія опредѣлила и Его Высокопреосвященство утвердилъ слѣдующее: „извѣстивъ циркулярно все духовенство епархіи о томъ крайне прискорбномъ обстоятельстве, что о встрѣчающихся среди него случаяхъ недостойнаго вымогательства платы при требоисправленіяхъ дошло уже до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, предписать указомъ консисторіи благочиннымъ и благочинническимъ совѣтамъ, съ приглашеніемъ, по возможности, и духовенства благочинническихъ округовъ обсудить со всею внимательностію: а) какія мѣры могутъ быть признаны наиболѣе соотвѣтствующими къ прекращенію чрезмѣрныхъ поборовъ при требоисправленіяхъ, б) какіе источники могутъ служить духовенству для восполненія, по возможности, законнымъ образомъ доходовъ, достигаемыхъ нынѣ нѣкоторыми причтами при посредствѣ преступнаго вымогательства платы за требоисправленія и в) какими средствами на будущее время можетъ быть ограждена честь духовенства Харьковской епархіи, поцранныя нынѣ нѣкоторыми причтами, вслѣдствіе ихъ чрезмѣрныхъ поборовъ за требоисправленія. О имѣющихся состояться мѣрѣхъ рапортовать Его Высокопреосвященству“.

Справка X: Изъ рапортовъ, представленныхъ благочинническими совѣтами, во исполненіе вышеуказаннаго постановленія, усматривается, что духовенство епархіи повергнуто въ глубокую печаль огульнымъ обвиненіемъ его въ вымогательствѣ при требоисправленіяхъ и не отвергая существованія частныхъ случаевъ злоупотребленія, единогласно утверждаетъ, что жалобы на вымогательство духовенства чаще всего возникаютъ не изъ самаго вымогательства, а изъ совершенно иныхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ вымогательствомъ побужденій,—всею чаще изъ - за личныхъ столкновеній духовенства съ цѣлымъ приходомъ, или съ отдѣльными личностями. Изъ сихъ-же рапортовъ усматривается и тотъ отрадный фактъ, что по меньшей мѣрѣ въ 18-ти благочинническихъ округахъ (изъ 35) никогда не было возбуждаемо жалобъ на духовенство за вымогательство при требоисправленіяхъ.

Справка XI: Въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ епархіяхъ (напр. Ставропольской, Екатеринославской, Донской) для уничтоженія жалобъ на духовенство за поборы при требоисправленіяхъ введена такса вознагражденія за каждое требоисправленіе, или положено опредѣленное содержаніе для духовенства отъ общества прихожанъ, на что указано и нѣкоторыми лицами духовенства Харьковской епархіи, какъ на средство къ уничтоженію вымогательствъ при требоисправленіяхъ.

При сужденіи объ этомъ члены комиссія признали нужнымъ имѣть въ виду голосъ великаго святителя русской Церкви—приснопамятнаго Филарета митрополита Московскаго, который, по поводу новыхъ проектовъ о содержаніи духовенства (въ 1838 г.) высказалъ слѣдующее мнѣніе о способѣ содержанія духовенства, посредствомъ дальнѣй отъ прихожанъ при исправленіи требъ церковныхъ: „Въ числѣ предположеній объ устройствѣ сельскаго духовенства заключается и сіе: освободить духовенство отъ необходимости брать плату за требы при рожденіи, крещеніи, исповѣди, при

вѣнчаніи и погребеніи; ибо нельзя отрицать, что плата за священнодѣйствіе при сихъ случаяхъ несообразна съ тѣми отношеніями, которыя соединяють духовенство съ народомъ и что уничтоженіе оной должно возвысить его въ мнѣніи народа и тѣмъ самымъ усилить нравственное его вліяніе въ дѣлахъ религіи“.

Система содержанія духовенства посредствомъ даяній отъ прихожанъ, особенно при церковныхъ требахъ, представляется устарѣвшею для нашего вѣка, подобно какъ и многое другое. Въ семъ случаѣ справедливая осторожность внушаетъ мысль осмотрѣть, особенно въ основаніи, представляющееся ветхимъ зданіе, чтобы удостовѣриться, такъ-ли оно ветхо, что неминуемо подлежить разрушенію и должно быть замѣнено инымъ, ибо построеніе новаго едва-ли можетъ быть легче исправленія стараго, буде исправленіе возможно.

Десятина святаго равноапостольнаго Владиміра, по времени, кажется основаніемъ разсматриваемой теперь системы въ Россіи; но это не есть ея первое основаніе въ Церкви. Слово *десятина* указываетъ на основаніе болѣе глубокое, въ болѣе глубокой древности.

При обзорѣ сей системы неизлишне будетъ обратить вниманіе на слѣдующіе пункты.

1. Когда священникъ Мелхиседекъ благословилъ Авраама Богомъ Вышнимъ, тогда Авраамъ далъ ему десятину, т. е. десятую долю изъ военной добычи. Вотъ первое, по исторіи, даяніе священнику за церковную потребу. Патріархальная простота воззрѣнія на предметъ не позволяла Аврааму думать, что онъ унижаетъ достоинство священника и священническаго благословенія вещественнымъ даяніемъ. Мелхиседекъ также не думалъ, что унижаетъ то и другое принятіемъ десятины. Есхоль, Авнанъ и Мамврій, сподвижники Авраама, не принадлежавшіе къ вѣрѣ Авраамовой, не сдѣлали возраженія противъ отдѣленія священнику столь великаго участка изъ не раздѣленной добычи, слѣдственно и изъ ихъ доли. Очевидно, что и они съ уваженіемъ взирали на десятину Авраама, какъ на дѣло благочестія.

2. Есть система содержанія духовенства, опредѣленная божественнымъ законодательствомъ, которое нельзя упрекнуть въ несообразности учрежденій съ высшими цѣлями оныхъ. Въ законахъ, данныхъ Богомъ, чрезъ Моисея левитскому духовенству, назначены, во-первыхъ, даянія, приспособленныя ко времени и произведеніямъ природы, какъ-то: десятины, начатки, первый плодъ животнаго чистаго натурою, за первый плодъ животнаго нечистаго, деньги по оцѣнкѣ; во-вторыхъ, даянія при исправленіи церковныхъ требъ, то есть при жертвоприношеніяхъ, опредѣленная доля приносимаго къ олтарию, а при всесоженіи, въ которомъ животное сожигается все безъ остатка, въ даяніе священнику обращалась кожа всесоженного животнаго.

3. Если размыслить о томъ, какъ представить сіи учрежденія достойными божественной законодательной премудрости, то можно въ нихъ открыть умозрѣніе, достойное вниманія при соображеніяхъ о устройствѣ и не іудейскаго духовенства. Нуженъ особый разрядъ людей, для служенія религіи, для освященія народа общественною молитвою и священнодѣйствіями, для распространенія и непрерывнаго поддержанія въ народѣ ученія религіи и сообразныхъ съ нею правилъ жизни. Чтобы сей разрядъ

полнѣе и безпрепятственнѣе преданъ былъ своему назначенію, надобно, чтобы онъ обезпеченъ былъ въ потребностяхъ жизни. Обезпечить его въ семь никто не обязанъ и не можетъ, какъ только тотъ народъ или государство, въ пользу которыхъ онъ посвящаетъ всю свою жизнь на служеніе религіи. Обезпечить содержаніе духовенства налогомъ на народъ значило-бы положить на народъ мертвое, неприятно ощущаемое иго, а духовенству дать такое право, которое, не бывъ близко связано съ его обязанностию, не побуждало-бы его къ исполненію сей обязанности. Надобно, чтобы тоже дѣлалось живымъ образомъ съ свободнымъ убѣжденіемъ, съ чувствомъ. Для сего учреждено, чтобы священникъ получалъ свое содержаніе не по закону государственному, но по закону церковному; чтобы мірянинъ вмѣстѣ приносилъ жертву Богу и даяніе жрецу, дабы и сіе послѣднее приносилъ съ благочестивымъ чувствомъ и любовію, а не съ чувствомъ холодной необходимости; чтобы жрецъ получалъ свое пропитаніе изъ рукъ благочестиваго молитвенника, чрезъ Церковь, дабы естественно получалъ оное съ любовію къ благочестивому даятелю и съ благоговѣніемъ къ Богу и такимъ образомъ непрестанно побуждаемъ былъ и благоговѣніемъ и благодарностию къ усердному исполненію своихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу и къ народу; чтобы каждая горсть муки, каждое зерно пшеницы, приносимой къ олтарю и вмѣстѣ къ жрецу, заключали въ себѣ благословеніе отъ молитвенника Богу и жрецу, и отъ благодарнаго жреца Богу и молитвеннику. Таковъ духъ законовъ о содержаніи левитскаго духовенства. И онъ не унижается тѣмъ, что Офни и Финеесъ не хотѣли его постигнуть и чувствовать.

4. Когда образовалась христіанская Церковь, ветхозавѣтныя требы или жертвы прекратились, а въ нихъ и все постановленія о левитскомъ духовенствѣ потеряли свою прежнюю опору; тогда понадобилось новое постановленіе о содержаніи христіанскаго духовенства. Постановленіе сіе заключается въ слѣдующихъ словахъ Апостола Павла: *Не вмѣстѣ ли яко дѣлающихъ святая отъ святилища ядятъ, и служащіе олтарю со олтаремъ дѣлятся? Тако и Господь повелѣть провидѣнціемъ благовѣстіе отъ благовѣстія жизни* (1 Кор. IX. 13. 14). Поелюку здѣсь содержаніе христіанскаго духовенства учреждается на основаніи, подобномъ постановленіямъ ветхозавѣтнымъ, то ясно, откуда и какими образомъ вошелъ и въ христіанскую Церковь обычай давать духовенству иногда и опредѣленно десятину, а чаще и неопредѣленно, начатки отъ произведеній земледѣлія и скотоводства и произвольныя даянія при совершеніи требъ церковныхъ.

5. Изъ 3 и 4 правилъ апостольскихъ видно, что въ христіанской Церкви, отъ самаго ея начала, существовалъ обычай приносить олтарю и духовенству начатки разнаго рода и сіи правила не отменяютъ сего обычая, а только приводятъ его въ порядокъ, предписывая не приличествующее олтарю христіанскому не приносить къ оному, а посылать въ дома епископовъ и пресвитеровъ для раздѣла и съ прочими причетниками.

6. Святый Григорій Богословъ, въ словѣ на Святое Крещеніе, опровергая предлогъ медлящимъ креститься, представляетъ и сей вопросъ: *идѣ возму даръ, подносимый за крещеніе?* Видно, что обычай поставлялъ сіе въ обязанность крещаемому и святый Григорій не осуждаетъ сего обы-

чая, а только увѣряетъ, что недостатокъ дара не сдѣластъ препятствія крещенію.

7. Шестой вселенскій соборъ, 23 правиломъ запретилъ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ при преподаваніи пречистаго причастія требовать денегъ, или чего иного. Трудно вообразить, чтобы дерзость злоупотребленія коснулась сей святости, еслибъ и нѣкоторымъ образомъ не пролагалъ къ сему пути обычай давать даянія при другихъ церковныхъ требанъ, котораго примѣръ выше показанъ отъ Григорія Богослова. Но соборъ не простеръ своей строгости на всѣ случаи сего обычая.

8. Протестанты потому назвали себя симъ именемъ, что протестовали противъ злоупотребленія въ дѣлахъ церковныхъ, но они не отвергли, какъ злоупотребленія, а приняли въ свое каноническое право *nummum baptismalem крестинныя деньги*, и учатъ, что представить сіе даяніе есть обязанность восприемниковъ (*Schilt instit für. Can. II, tit II, § 24*). Не смотря на то, что они возставали противъ исповѣди, какъ таинства, они приняли также *nummum confessionarium*, исповѣдныя деньги, и учатъ, что онѣ берутся законно, доказывая сіе тѣмъ, что Саулъ далъ четвертую часть сикля сребра Самуилу за дѣло пророческое (*ibid, tit IV § 17*). Примѣры изъ протестантскаго права, очевидно, не имѣютъ важности для православной Церкви; но они могутъ служить къ соображенію, давая, по необходимости, разсматриваемому теперь вопросу слѣдующій видъ: должно ли въ православной Церкви рѣшительно осудить и отвергнуть обычай, который существовалъ, существуетъ и признается законнымъ во всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ?

9. Нѣтъ сомнѣнія, что требованіе священниками даянія за церковную потребу есть злоупотребленіе унижительное для священнодѣйствія и священнодѣйствующаго; нѣтъ сомнѣнія, что сіе злоупотребленіе должно преслѣдовать и истреблять; но въ сей безпрекословной истинѣ еще не заключается разрѣшенія другого вопроса: должно ли уничтожить обычай, изъ котораго сдѣлано злоупотребленіе.

10. Святой Апостоль Павелъ пособіе, посланное ему Филиппіанцами, какъ служителю Евангелія, называетъ *жертвою пріятною, благоугодною Богу* (Фил. IV. 18). Въ такомъ смыслѣ благочестивые изъ христіанъ даютъ даянія священнику, побуждая его, въ тоже время, къ молитвѣ за нихъ. Пресѣченіе сего простаго, благочестиваго общенія, въ людяхъ чувственнаго образованія, произведетъ-ли высшій родъ благочестиваго чувства, или только охладитъ то, которое имѣли?

11. Если отмѣнить даянія прихожанъ духовенству при требанъ, надобно чѣмъ-нибудь замѣнить оныя; ибо духовенству нужно содержаніе. Какой бы для сего ни былъ сдѣланъ оборотъ по необходимости, даяніе произвольное замѣнится невольнымъ. Но извѣстно, что легче издерживается по волѣ многое, нежели платится по неволѣ немногое. Сказываютъ, что когда одинъ иностраннй государь спросилъ, для чего въ Россіи не учредятъ особаго налога для содержанія духовенства? Ему отвѣтствовали, что особый налогъ сего рода могъ бы повредить миру и свободному, взаимному усердію духовенства и народа.

Справка XII: Его Высокопреосвященство, предварительно обсужденія мѣръ къ устраниенію преступнаго вымогательства при требоисправленіяхъ,

указаль тѣ общія начала, которыми могли-бы руководствоваться члены комиссіи при обсужденіи таковыхъ мѣръ. По указанію Его Высокопреосвященства, улучшеніе быта духовенства находится въ рукахъ самаго духовенства. Ревностная молитва, благоговѣйное священнодѣйствіе и совершеніе требъ, безукоризненное поведеніе и усердное учительство,—вотъ тѣ средства, которыя всегда въ силахъ обезпечить внѣшнее существованіе священника. Пусть духовенство внимательнѣе относится къ священнодѣйствіямъ, пусть, напр., совершеніе погребеній оно предваряетъ и сопровождаетъ служеніемъ заупокойныхъ литургій и панихидъ; самыя погребенія пусть совершаетъ нелѣпно, провожая умершихъ до могилы, не стѣсняясь ни дальностію разстоянія кладбищъ, ни состояніемъ погоды; пусть оно съ усердіемъ относится также и ко всѣмъ другимъ священнодѣйствіямъ; пусть оно усилитъ свою проповѣдническую дѣятельность, предлагая хотя краткія поученія не только въ храмахъ, но и внѣ ихъ, при различныхъ требоисправленіяхъ и другихъ священнодѣйствіяхъ; пусть оно вводитъ въ своихъ приходахъ внѣ-богослужебныя собесѣдованія и обученіе прихожанъ необходимыми молитвами, символами вѣры и заповѣдямъ, съ доступнымъ ихъ пониманіемъ; пусть оно открываетъ церковно-приходскія школы и работаетъ въ нихъ съ усердіемъ и благоразуміемъ, чрезъ нихъ вліяетъ на религіозно-нравственное воспитаніе и развитіе дѣтей; пусть старается благотворно вліять на нравственность и семейную жизнь прихожанъ,—однимъ словомъ, пусть духовенство поставитъ свою дѣятельность такъ, чтобы приходъ видѣлъ, что оно дѣйствительно по мѣрѣ силъ своихъ трудится для его духовной пользы, и онъ самъ сознаетъ, что за такіе труды, за такое усердное сѣяніе на нивѣ Божіей духовнаго, его пастыри имѣютъ полное право, по слову Апостола, не скудно *пожатъ* тѣлесное. Воспитанные въ духѣ христіанскаго благочестія, прихожане вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ щедродателями и для клира. Всякому изъ духовныхъ, по собственному опыту, извѣстно, что чѣмъ благочестивѣе прихожанинъ, тѣмъ онъ благорасположеннѣе къ причту, точно также, какъ и люди холодныя къ вѣрѣ, холодны и къ духовенству. Только при такихъ условіяхъ, т. е. при надлежащемъ установленіи въ приходахъ дѣятельности приходскаго духовенства, и при воспитаніи прихожанъ въ духѣ истиннаго благочестія, добровольныя даянія умножатся и отойдутъ къ печальнымъ преданіямъ прошлаго нареканія на духовенство за вымогательство и поборы при требоисправленіяхъ. Болѣе радикальныхъ средствъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многія мнѣнія, высказанныя епархіальнымъ духовенствомъ, и всесторонне обсудивъ вопросъ о настоятельной необходимости принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ прекращенію чрезмѣрныхъ поборовъ духовенства при требоисправленіяхъ—

Постановили: 1) Не только городскимъ, но и сельскимъ одноштатнымъ причтамъ предписать совершать литургію три раза въ недѣлю, кромѣ воскресныхъ дней, а именно: въ среду, пятницу и субботу, если не случится какого-либо праздника на недѣлѣ. За точнымъ исполненіемъ сей священной обязанности благочинные должны имѣть самый строгій и бдительный надзоръ и со всею точностію отпѣчать въ послужныхъ спискахъ (въ графѣ о поведеніи) каждаго священника о степени усердія

его къ совершенію богослуженія, а о нерадивыхъ и неисполняющихъ этой обязанности доносить непосредственно Его Высокопреосвященству.

Отсутствіе же надзора за совершеніемъ священниками Богослуженія въ среду, пятницу и субботу, или неточность и невѣрность отмѣтки въ послужныхъ спискахъ, подвергаетъ благочиннаго строгой отвѣтственности.

2) Богослуженіе въ церквахъ соборныхъ и городскихъ, имѣющихъ въ причтѣ болѣе одного священника, должно быть совершаемо ежедневно.

Такимъ образомъ духовенство собственнымъ опытомъ убѣдится, какъ частое совершеніе Богослуженія, привлекая въ храмы богомольцевъ, привлечетъ и средства къ его содержанію; оно увидитъ на опытѣ, что частое и благоговѣйное совершеніе Богослуженія, кромѣ его нравственнаго вліянія на самое духовенство и народъ, есть вмѣстѣ и самый прямой, законный и постоянный источникъ средствъ для содержанія духовенства. Нужно съ заботливостію привлекать вародъ въ храмы для поминовенія усопшихъ, служенія молебновъ по случаю ямьинъ, особыхъ общественныхъ и семейныхъ событій и проч., отъ чего онъ совершенно отвыкаетъ по недостатку Богослуженія въ будни и небольшіе праздники. Духовенству надо помнить, что служащіе олтарю отъ олтаря питаются и что, слѣдовательно, оскудѣваетъ питаніе отъ недостатка усердія къ служенію олтарю.

3) Во исполненіе указа Св. Синода отъ 28 марта 1886 г. за № 4, повсемѣстно вмѣнить духовенству въ обязанность служить по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ вечерню по уставу съ возможною торжественностію, производя звонъ въ большой колоколъ, а по окончаніи вечерни, смотря по нуждамъ пасомыхъ, произносить проповѣди, вести бесѣды о предметахъ вѣры и нравственности, назидательныя поученія, читать житія святыхъ, или-же служить молебны съ акаѳистомъ.

4) Такъ называемыя „поручныя благодарности“ за бракосочетаніе и отпѣваніе покойниковъ уничтожить разъ на всегда, предписавъ обращать таковыя, гдѣ будутъ, въ общіе братскіе доходы; нарушителей-же сего подвергать строгому взысканію, такъ какъ „поручныя дачи“ служатъ наибольшимъ соблазномъ къ вымогательству со стороны каждаго изъ членовъ причта, ибо прихожанинъ, согласившись съ священникомъ относительно вознагражденія за бракосочетаніе, долженъ еще отдѣльно уговариваться съ діакономъ и псаломщикомъ, чѣмъ онъ наиболѣе долженъ тяготиться.

и 5) Предписать причтамъ вести точныя записи всѣхъ братскихъ доходовъ, въ томъ числѣ получаемыхъ за браки и за отпѣваніе покойниковъ, съ непремѣннымъ обозначеніемъ когда, отъ кого, за что и сколько было получено, съ тѣмъ чтобы по этимъ записямъ можно было опровергать несправедливыя жалобы отъ прихожанъ на духовенство за вымогательство. Уличенные въ неточной, или ложной записи братскихъ доходовъ должны быть подвергаемы отвѣтственности. Тетради для записи братскихъ доходовъ должны быть выдаваемы причтамъ благочинными за ихъ скрѣпою и печатью съ обозначеніемъ всѣхъ перенумерованныхъ листовъ и №№ исходящихъ благочинническихъ бумагъ, и возможно чаще, не менѣе двухъ разъ въ годъ, вмѣстѣ съ другими документами должны быть осматриваемы и свидѣтельствуемы благочинными.

На подлинномъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдо-

вала такая: „Іюня 7. Утверждается. Консисторіи объявить постановленія комиссіи духовенству Харьковской епархіи къ непремѣнному исполненію. Журналъ сей, содержащій въ себѣ основанія для постановленій, долженствующія служить и побужденіями для неуклоннаго исполненія оныхъ со стороны духовенства, напечатать въ полномъ видѣ въ „Листкѣ для Харьковской Епархіи“ (при журналѣ „Вѣра и Разумъ“) и сверхъ сего разослать въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ по всѣмъ церквамъ епархіи для храненія въ церковныхъ бібліотекахъ, съ занесеніемъ ихъ въ описи. Амвросій Архіепископъ Харьковскій“.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 188^{5,6} учебный годъ.

VI класса окончившіе курсъ Семинаріи:

Разрядъ 1-й: 1. Филевскій Иванъ, Жадановскій Андрей, Дашкѣвъ Леонидъ—за отличные успѣхи и поведеніе награждаются серебряными медалями, Грековъ Василій—награждается книгами, 5 Станиславскій Алексѣй, Пономаревъ Михаилъ, Рудинскій Егоръ, Доброславскій Алексѣй, Леонтовичъ Павелъ, 10 Флоринскій Василій.

Разрядъ 2-й: Филевскій Александръ, Флоринскій Викторъ, Ильинскій Стефанъ, Мощенковъ Николай, 15 Доброславскій Николай, Чебановъ Владиміръ, Краснокутскій Алексѣй, Рудинскій Алексѣй, Самойловъ Николай, 20 Лавденковъ Сергѣй, Царевскій Василій, Жадановскій Алексѣй, Оедоровъ Иванъ, Стефановъ Яковъ.

Безъ причисленія къ разряду: Козьменко Стефанъ, 26 Инноковъ Алексѣй (діаконъ).

V класса, переводятся въ VI классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Поповъ Данилъ, Ооминъ Петръ—награждаются книгами, Поповъ Михаилъ, Стеллецкій Петръ, 5 Петровъ Моусей, Посельскій Сергѣй, Каплуненко Димитрій, Бугуцкій Иванъ, Евецкій Яковъ.

Разрядъ 2-й: 10. Артемьевъ Стефанъ, Колосовскій Иванъ, Пономаревъ Леонидъ, Грековъ Оедоръ, Навродскій Димитрій, 15 Сапухинъ Иванъ, Крутьевъ Митрофанъ, Бондаревъ Илья, Сушковъ Василій, Дмитріевъ Сергѣй, 20 Сукачевъ Василій, Жуковскій Константинъ, Поповъ Иванъ, Черняевъ Антонъ, Липицкій Владиміръ, 25 Рудинскій Николай, Гладковъ Зиновій,

Федоровскій Андрей, Горбачевскій Федоръ, Рогальскій Михаилъ, 30 Любарскій Яковъ 2-й, Любарскій Яковъ 1-й.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Браиловскій Иванъ—по общей церковной исторіи и греческому языку, Касьяновъ Иванъ—по догматическому богословію и латинскому языку. Навродскій Александръ—по догматическому богословію и греческому языку, 35 Лазаревскій Митрофанъ—по догматическому богословію и дидактикѣ, Трипольскій Поликарпъ—по догматическому богословію, Котляревскій Иванъ, Крохатскій Стефанъ, Торанскій Александръ—по дидактикѣ.

Оставляется въ томъ же классѣ по болѣзни, 40 Гумилевскій Николай.

IV класса, переводятся въ V классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Раевскій Иванъ—награждается книгами, Соколовъ Николай, Чебановъ Григорій, Слюсаревъ Димитрій, 5 Муравьевскій Стефанъ, Никулищевъ Егоръ, Протопоповъ Стефанъ, Гогинъ Иванъ, Ковалевъ Михаилъ, 10 Введенскій Иванъ, Соколовскій Димитрій.

Разрядъ 2-й: Клечновъ Михаилъ, Чаговцевъ Андрей, Поповъ Владиміръ, 15 Никулищевъ Николай, Синеоковъ Петръ, Перцевъ Сергѣй, Любарскій Алексѣй, Александровъ Григорій, 20 Пестряковъ Поликарпъ, Рокитянскій Иванъ, Кузнецовъ Григорій, Клементьевъ Тихонъ, Пономаревъ Иванъ, 25 Вертеловскій Павелъ, Самойловъ Павелъ, Гончаревскій Аполлонъ, Яковлевъ Александръ, Юшковъ Михаилъ, 30 Полтавцевъ Антонъ, Чижевскій Лука.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Кириловъ Александръ—по психологіи и греческому языку, Данилевскій Димитрій, Орловъ Михаилъ—по психологіи, Щербина Петръ—по греческому языку.

Увольняется изъ Семинаріи по прошенію: 36 Твердохлѣбовъ Николай.

III-го класса, переводятся въ IV классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Мухинъ Николай, Горбуновъ Василій—награждаются книгами, Соколовскій Василій, Приходьковъ Арсеній, 5. Лукашевъ Василій, Быковъ Андріанъ.

Разрядъ 2-й: Щепинскій Александръ, Котляревскій Михаилъ, Гораинъ Иванъ, 10 Лобковскій Иванъ, Яновскій Александръ, Понкратьевъ Федоръ, Стаховскій Алексѣй, Кибальниковъ Констан-

тинъ, 15 Навродскій Алексѣй, Васильковскій Михайлъ, Артюховскій Алексѣй, Акимовъ Иванъ, Юрченко Александръ, 20 Мухинъ Ѳедоръ, Полянскій Никифоръ, Юрченко Василій, Панкратьевъ Евменій, Смирновъ Михайлъ, 25 Сукачевъ Василій.

Допускаются къ экзамену по всеѣмъ предметамъ послѣ каникулъ не державшіе экзаменовъ по болѣзни: Посельскій Порфирій, Титовъ Петръ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Анисимовъ Никандръ—по Священному Писанію и греческому языку, Веселовскій Николай—по общей церковной исторіи и математикѣ, 30 Евѣимовъ Викторъ—по логикѣ и латинскому языку, Мигулинъ Константинъ—по гражданской исторіи и греческому языку, Левандовскій Алексѣй, Смирнскій Александръ—по математикѣ и латинскому языку, Матвѣевъ Тимофей—по общей церковной исторіи, 35 Мощенковъ Александръ—по гражданской исторіи, Арѣфьевъ Николай—по латинскому языку, Бѣликовъ Аристархъ, Кибальниковъ Ѳедоръ—по греческому языку, Василевскій Иванъ, 40 Ильинскій Павелъ, Лащенко Ѳедоръ—къ написанію экзаменнаго русскаго сочиненія.

Оставляются въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Гревизирскій Стефанъ, Филевскій Евсигній, 44 Оружинскій Бенедиктъ—последній по крайней слабости въ сочиненіяхъ.

II-го нормальнаго класса, переводятся въ III-й классъ.

Разрядъ 1-й: 1. Эвепховъ Иванъ, Ястремскій Василій—награждаются книгами.

Разрядъ 2-й: Григоренко Михайлъ, Лисенко Яковъ, 5 Ѳедоровъ Константинъ, Слюсаревъ Илья, Ѳоминъ Павелъ, Ситенко Василій, Титовъ Владиміръ, 10 Смирнскій Виссаріонъ, Ковалевскій Александръ, Рогальскій Василій, Ткаченко Филиппъ, Фесенко Владиміръ, 15 Бутковскій Александръ, Найдовскій Яковъ, Чебановъ Георгій, Войтовъ Михайлъ, Чиркинъ Стефанъ, 20 Илларионовъ Ксенофонтъ, Черняевъ Павелъ, Мухинъ Николай.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Мухинъ Андрей—по библейской исторіи, гражданской исторіи и русскому сочиненію, Давидовскій Алексѣй—по Свящ. Писанію и гражданской исторіи, 25 Даневскій Яковъ—по Свящ. Писанію и математикѣ, Королевъ Игнатій—по Свящ. Писанію и библейской исторіи, Макухинъ Сергѣй—по исторіи русской литературы и русскому сочиненію, Чудновскій Василій—по исторіи русской литературы и граж-

данской исторіи, Завадовскій Θεодоръ—къ написанію экзаменнаго русскаго сочиненія, 30 Клементьевъ Сергѣй, Лазаревскій Сергѣй, Стахевичъ Яковъ, 33 Чудновскій Семень—по математикѣ.

Оставляются въ томъ же классѣ: Пономаревъ Петръ—по малоуспѣшности, 35. Сулима Θεодоръ—по крайней слабости въ сочиненіяхъ.

II-го параллельнаго класса, переводятся въ III-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1. Молиженовскій Николай—награждается книгою, Быковъ Антоній, Субботинъ Александръ.

Разрядъ 2-й: Фаворовъ Николай, 5 Сукачевъ Василій, Мищеряковъ Стефанъ, Черняевъ Елеазаръ, Капустинъ Николай, Θεоденко Θεоктистъ, 10. Торанскій Георгій, Агнивцевъ Евлампій, Бутковскій Стефанъ, Бѣликовъ Петръ, Щепинскій Николай, 15 Ястремскій Николай, Ильинскій Иванъ, Дзюбановъ Николай, Загурскій Веніаминъ, Петровскій Иванъ, 20 Ветуховъ Михаилъ, Вышемірскій Павелъ, Шебатинскій Яковъ, Загурскій Владиміръ, Фальченко Михаилъ, 25 Щербина Тимоеей, Щербина Митрофанъ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Калюжный Николай—по математикѣ, Навродскій Петръ—по гражданской исторіи, Поповъ Георгій—по латинскому языку.

Оставляются въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: 30 Курганскій Иванъ, Склабинскій Петръ.

Увольняется изъ Семинаріи по малоуспѣшности: 32 Волобуевъ Владиміръ.

I-го нормальнаго класса, переводятся во II-й классъ:

Разрядъ 1: 1. Шепелевскій Егоръ, Жадановскій Антонинъ—награждаются книгами, Матвѣевъ Димитрій.

Разрядъ 2: Недригайловъ Александръ, 5 Гогинъ Михаилъ, Косминъ Сергѣй, Дьяковъ Константинъ, Торанскій Митрофанъ, Яновскій Петръ, Черняевъ Петръ, Торанскій Никаноръ, Ждановъ Григорій, Θεодоровскій Θεома, Слѣпцовъ Ефремъ, 15 Лихницкій Леонидъ, Ястремскій Василій, Козьминъ Θεодоръ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Полтавцевъ Петръ—по Священному Писанію и словесности, Павловскій Яковъ—по гражданской исторіи и русскому сочиненію, 20 Жуковъ Даниль—по греческому языку и русскому сочиненію, Будянскій Павелъ—по гражданской исторіи, Мураховскій Θεодоръ, Чудновскій Александръ—по греческому языку.

Оставляются въ томъ-же классѣ по малоуспѣшности: Владыковъ Павелъ, 25 Кутеповъ Платонъ, Поповъ Александръ, Толмачевъ Василій, 28 Яновскій Николай.

I-й параллельнаго класса, переводятся во II классъ:

Разрядъ 1: 1. Пономаревъ Захарій, Уманцевъ Гавріиль—награждаются книгами, Клементьевъ Андрей, Прядкинъ Леонидъ.

Разрядъ 2: 5 Евецкій Ѳедоръ, Макаровский Гавріиль, Тимоеевъ Петръ, Тимоеевъ Ѳедоръ, Лобковский Николай, 10 Дюковъ Алексѣй, Якубовичъ Лука, Подольскій Семенъ, Яковлевъ Павелъ, Ковалевъ Александръ, 15 Ависимовъ Олимпъ, Золотаревъ Андрей, Павловъ Николай, Татаринъ Василій, Эннатскій Василій.

Допускаются къ перѣэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: 20 Ступницкій Ѳедоръ—по математикѣ и греческому языку, Александровъ Ѳеоктистъ—по словесности, Бугуцкій Валентинъ—по математикѣ, Крутьевъ Георгій, Поповъ Николай—по греческому языку.

Оставляются въ томъ же классѣ: 25 Чаговцевъ Стефанъ—по маловозрасту, Ковалевъ Анатолій—по малоуспѣшности.

Увольняется изъ Семинаріи по малоуспѣшности и прошенію отца: 27 Золотаревъ Ѳедоръ.

СПИСОКЪ

учениковъ Харьковскаго духовнаго училища.

IV класса: Разрядъ первый: 1 Курасовскій Сергій, Дюковъ Афанасій—эти два ученика награждаются книгами; Бѣлоусовъ Василій. Разрядъ второй: Котляровъ Алексѣй, 5 Энеидовъ Михаилъ, Христіановскій Ѳедоръ, Петровъ Яковъ, Захарьевъ Иванъ, Толмачевъ Иванъ, 10 Добрецкій Андрей, Власовскій Петръ, Лобковский Александръ—эти два ученика за отличные успѣхи въ пѣніи награждаются книгами; Червонецкій Александръ, Чиркинъ Василій, 15 Пересыпкинъ Павелъ, Покидайловъ Димитрій, Покровскій Иванъ, Жилинъ Иванъ, Проскурниковъ Андрей, 20 Мартыновъ Яковъ,—всѣ эти ученики въ числѣ двадцати признаются окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ съ правомъ поступленія въ первый классъ духовной семинаріи. Разрядъ третій: Голубевъ Иванъ, Соколовъ Григорій, Никитскій Викторъ, Поповъ Василій, 25 Доброславскій Яковъ,—эти пять учениковъ не признаются достойными перевода въ первый классъ семинаріи и не предостав-

лется имъ права остаться въ IV классѣ на повторительный курсъ, но получаютъ свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса ученія въ духовномъ училищѣ.

III класса. Разрядъ первый: 1 Дьяковъ Александръ, Никаноровъ Іоасафъ, — эти два ученика награждаются книгами; Соколовскій Василій, Воскобойниковъ Михаилъ, 5 Вербицкій Астіонъ, Копьевъ Павелъ, Пономаревъ Викторъ, Дейнеховскій Теофанъ. Разрядъ второй: Пипенко Александръ, 10 Степурскій Павелъ, Захарьевъ Александръ, Гегаринъ Сергій, Селезневъ Парфеній, Баженовъ Михаилъ, 15 Твердохлѣбовъ Владиміръ, Татариновъ Иванъ, Пономаревъ Митрофанъ, Дикаревъ Иванъ, Бондаревъ Иванъ, 20 Македонскій Владиміръ — эти двадцать учениковъ признаются достойными перевода въ IV классъ. Будянскій Θεодоръ, Сукачевъ Иванъ, Булдовскій Венедиктъ, Бутковскій Θεодоръ, 25 Подлупцкій Иванъ, Дюковъ Ириней, Павловъ Антоній, Краснокутскій Анатолій, Брайловскій Θεодоръ. Разрядъ третій: 30 Посельскій Василій, Домницкій Θεодоръ, Капустинъ Николай, Иваницкій Григорій, Бугуцкій Іоакимфъ, — эти четырнадцать учениковъ также могутъ быть переведены въ IV классъ, если передержать экзамень: Будянскій, Бутковскій, Подлупцкій — по латинскому языку, Булдовскій — по греческому языку, Брайловскій — по русскому языку, Сукачевъ, Дюковъ, Павловъ, Краснокутскій — по ариѳметикѣ, Посельскій по ариѳметикѣ и географіи, Капустинъ — по латинскому и греческому языкамъ, Домницкій и Иваницкій — по ариѳметикѣ и письменному упражненію и Бугуцкій — по латинскому языку и письменному упражненію, 35 Пономаревъ Василій, Григоревичъ Михаилъ, Приходьковъ Николай, Теряевъ Николай, Поповъ Николай, — эти пять учениковъ оставляются на повторительный курсъ за малоусиѣшность. 40 Дюковъ Афанасій и Доброницкій Петръ — оставляются на повторительный курсъ по болѣзни.

II класса. Разрядъ первый: 1 Ковалевъ Петръ, Оружинскій Леонидъ — этотъ ученикъ награждается книгою; Рубинскій Тихонъ, Вербицкій Александръ, 5 Насѣдкинъ Михаилъ, Жадановскій Александръ, Ильченко Борисъ, Василевскій Николай, Богословскій Евгеній, 10 Дейнеховскій Ипполитъ, Даниловъ Павелъ, Будянскій Θεодоръ, 13 Алексѣевскій Анатолій. Разрядъ второй: Корнильевъ Дмитрій, 15 Ильинскій Иванъ, Мухинъ Антоній, Вышемирскій Иванъ, Бортниковъ Петръ, Рубинскій Андрей, 20 Власовскій Павелъ, Македонскій Василій, Максимовъ Александръ, Поповъ Иванъ, Краснокутскій Евгеній, 25 Быковъ Макарій, — эти двадцать пять учениковъ признаются достойными перевода въ III-й классъ. Евѳимовъ

Иванъ, Кобыляцкій Василій, Корнильевъ Иванъ, Поповъ Александръ, 30 Фаворовъ Михаилъ, Николаевскій Михаилъ. Разрядъ третій: Алейниковъ Александръ, Любарскій Василій, Смирнскій Александръ, 35 Мартыновъ Михаилъ—эти десять учениковъ также могутъ быть переведены въ Ш-й кл., если передержать экзамень: Евѣимовъ, Кобыляцкій, Корнильевъ, Поповъ и Фаворовъ по русскому языку, Николаевскій—по греческому яз., Алейниковъ — по латинскому языку и ариѣметикѣ, Любарскій—по русскому и латинскому яз., Смирнскій—по латинскому и греческому яз., и Мартыновъ—по русскому яз. и Священной Исторіи. Дюковъ Яковъ, Кармановъ Николай, Бутковскій Иванъ, Измайловъ Владиміръ, 40 Мищенко Михаилъ, Павловскій Сергій, Петинъ Константинъ, Твердохлѣбовъ Харлампій, 44 Федоровъ Сергій,—эти девять учениковъ оставляются на повторительный курсъ за малоуспѣшность. 45 Власовскій Игнацій—увольняется изъ училища за малоуспѣшность, какъ пробывшій два года въ этомъ классѣ.

I класса. Разрядъ первый: 1 Иваницкій Димитрій—этотъ ученикъ награждается книгою; Ястремскій Александръ, Закрицкій Иванъ, Насѣдкинъ Яковъ, 5 Бугуцкій Поликарпъ, Поповъ Григорій, Дюковъ Гаврилъ, Щепинскій Алексѣй, Полницкій Владиміръ. 10 Поповъ Федоръ 1-й, Новицкій Иванъ, Корнильевъ Димитрій, Зубаревъ Василій. 14 Донченко Константинъ. Разрядъ второй: Мухинъ Василій, Ковалевскій Николай, Кунницынъ Евгеній, Фаворовъ Иванъ, Широкий Григорій, 20 Захарьевъ Павелъ, Андреенковъ Александръ, Рудневъ Михаилъ, Лобковскій Павелъ, Чернивецкій Сергій, 25 Григоревичъ Георгій, Стеллецкій Александръ, Татаринъ Александръ, Ольховскій Сергій, Никаноровъ Николай, 30 Рудневъ Димитрій, Поповъ Антоній, Быковъ Павелъ, Соколовскій Михаилъ, 34 Поповъ Федоръ 2-й—эти тридцать четыре ученика признаются достойными перевода во II классъ. Стаховскій Николай, Филевскій Антоній, Фоденко Валеріанъ, Браиловскій Симонъ, Романовъ Леонидъ, 40 Рудневъ Андрей, Шебатинскій Иванъ, Разрядъ третій: Власовскій Семень, Андроновъ Гаврилъ, Григоревичъ Василій. 45 Тимофеевъ Николай, Тимофеевъ Михаилъ—эти двѣнадцать учениковъ также могутъ быть переведены во II кл., если передержать экзамень: Стаховскій, Филевскій, Фоденко, Браиловскій по русскому языку, Романовъ, Рудневъ и Шебатинскій — по ариѣметикѣ; Власовскій—по русскому языку устно и письменно, Григоревичъ и Тимофеевы Н. и М. по русскому языку и ариѣметикѣ, 47 Власовъ Евгеній—оставляется на повторительный курсъ по болѣзни.

Приготов. классъ: 1 Медвѣдевъ Василій, Кипріяновъ Петръ, Любарскій Меѳодій, Хоручъ Илья, — эти четыре ученика награждаются книгами, 5 Измайловъ Николай, Пономаревъ Сергій, Кобыляцкій Александръ, Караваевъ Матѳей, Носовъ Нилъ, 10 Чугаевъ Николай, Яновскій Николай, Никитскій Евгений, Рубинскій Павелъ, Павловъ Владиміръ. Разрядъ второй: 15 Корнильевъ Иванъ. Онацкій Михаилъ, Слѣпцовъ Аѳанасій, Толмачевъ Иванъ, Чернявскій Николай, 20 Ольховый Алексѣй, Григоренко Георгій, Македонскій Иванъ, Корнильевъ Георгій, Созонтьевъ Андрей, 25 Владыковъ Александръ Любарскій Василій, Ѳедоровскій Іосифъ, Агнивцевъ Романъ, Протопоповъ Захарій, 30 Сильванскій Михаилъ, Шокотовъ Григорій, Вербицкій Димитрій, Поповъ Иванъ, Бобинъ Василій, 35 Протопоповъ Иванъ, Виноградскій Александръ, Стеллецкій Іосифъ, Таранскій Михаилъ, 39 Карповъ Константинъ, — эти тридцать девять учениковъ удостоены перевода въ I классъ, 40 Бойковъ Александръ, Ковалевскій Вячеславъ, Владыковъ Константинъ, Поповъ Георгій, Соболевъ Иванъ. 45 Чугаевъ Сергій. Разрядъ третій: Ковалевскій Викторъ, Дахнѣвскій Николай, — эти восемь учениковъ также могутъ быть переведены въ I классъ, если передержатъ экзаменъ: Бойковъ, Ковалевскій Вячеславъ, Владыковъ, Поповъ Соболевъ, Чугаевъ по русскому яз., а Ковалевскій Викторъ и Дахнѣвскій — по русскому яз. и ариѳметикѣ.

Перезкзаменовки имѣютъ быть 7-го Августа, пріемные экзамены для поступающихъ въ приготовительный классъ 8-го, въ другіе-же классы — 9-го, начало ученія 11-го августа.

Вакантныхъ мѣстъ въ I, II и III классахъ нѣтъ, въ IV — 6 вакансій и въ приготовительномъ — 50.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Кунянскаго духовнаго училища, составленный правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній за 188^{5/6} учебный годъ.

Ученики 4 класса, окончившіе полный курсъ ученія, признанные достойными перевода въ 1-й классъ духовной семинаріи, разрядъ 1-й: 1. Уманцевъ Сергій, Васютинъ Іосифъ, Несторовъ Николай; разрядъ 2-й: Войтовъ Ѳедоръ, 5. Уманцевъ Адрианъ, Ѳедоровскій Маркіанъ, Ѳомицъ Иванъ, Чугаевъ Сергій, Труфановъ Василій, 10. Бѣлоусовъ Анатолій; не признанные достойными перевода въ 1-й классъ духовной семинаріи: Флоринскій Николай, Ще-

локовскій Павелъ; разрядъ 3-й: Любарскій Сергій, Фаворовъ Басилій, 15. Туранскій Семень, Пантелеимоновъ Николай, Обрѣзковъ Георгій, Ковалевскій Димитрій, Инноковъ Николай, 20. Жуковъ Тихонъ и Чебановъ Павелъ.

Ученики 3 класса назначаются къ переводу въ 4 классъ,—разрядъ 1-й: 1. Васютинъ Гавріиль, Шишловъ Павелъ—оба съ награжденіемъ книгами; разрядъ 2-й: Козловскій Федоръ, Самойловъ Владиміръ, 5. Гогинъ Владиміръ, Жуковскій Павелъ, Лисенко Семень, Посельскій Маркъ, Григоровичъ Александръ, 10. Сялабинскій Димитрій, Грековъ Максимъ, Булгаковъ Павелъ; назначаются къ переводу, если передержать экзаменъ: Войтовъ Николай по греческому языку, Григоревичъ Сергій—по русскому языку, 15. Слюсаревъ Семень—по латинскому языку; разрядъ 3-й: Твердохлѣбовъ Димитрій, Лисенко Иванъ—оба по латинскому и греческому языкамъ. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ-же классѣ по малоуспѣшности: Кошарновскій Александръ, Обрѣзковъ Александръ, 20. Поповъ Павелъ, Келебердинскій Григорій, Самойловъ Павелъ, Бацмановъ Федоръ, Евфимовъ Федоръ, 25. Сулима Григорій; по прошенію родителей, Кувичинскій Александръ, Косьминъ Григорій и Чугаевъ Иванъ. Увольняются изъ училища: Торанскій Николай и 30. Феневъ Яковъ—оба по прошенію родителей.

Ученики 2 класса назначаются къ переводу въ 3 классъ,—разрядъ 1-й: 1. Поповъ Стефанъ, Поповъ Феокистъ—оба съ награжденіемъ книгами, Кувичинскій Владиміръ, Христіановскій Иванъ, 5. Пивоваровъ Платонъ, Самойловъ Михаилъ; разрядъ 2-й: Ильинскій Евлампій, Грековъ Георгій, Макаровскій Димитрій, 10. Федоровъ Митрофанъ, Скляръ Павелъ, Мухинъ Василій, Драновскій Григорій, Шведовъ Пантелеимонъ, 15. Тимоновъ Владиміръ, Поповъ Андрей, Булгаковъ Яковъ, Анисимовъ Михаилъ, Самойловъ Александръ, 20. Поповъ Анатолій; назначаются къ переводу, если передержать экзаменъ: Сѣнцовъ Андрей—по греческому языку, Яновскій Василій—по латинскому языку; разрядъ 3-й: Федоровскій Леонидъ—по греческому и латинскому языкамъ, Сулима Царѣній—по латинскому языку, 25. Ветуховъ Александръ, Торанскій Михаилъ по латинскому языку и ариѳметикѣ. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ-же классѣ по малоуспѣшности: Бѣлоусовъ Александръ, Поповъ Тимофей, Лонгиновъ Софроній, 30. Грабовскій Федоръ, Рыбчинскій Григорій, Поповъ Николай, Феневъ Михаилъ, Власовъ Яковъ, 35. Галкинъ Сергій, Стефановскій Гавріиль, Сулима Максимъ, Твердохлѣбовъ Александръ, Ковалевъ Константинъ.

Увольняются изъ училища: 40. Юшковъ Николай—по прошенію матери, Стеллецкій Димитрій, 42. Бласовъ Валентинъ—по малоуспѣшности въ теченіи 2-хъ лѣтняго пребыванія въ этомъ классѣ.

Ученики 1 класса назначаются къ переводу во 2 классъ,—разрядъ 1-й: 1. Ковалевскій Михаилъ—съ награжденіемъ книгою, Христіановскій Θεодосій, Кириченко Димитрій, Мухинъ Василій, 5. Гогинъ Леонидъ, Кошарновскій Владиміръ, Волкисъ Михаилъ, Пономаревъ Владиміръ, Кибальниковъ Яковъ; разрядъ 2-й: 10. Поповъ Димитрій, Ермолаевъ Александръ, Вертеловскій Василій, Мухинъ Иванъ, Войтовъ Андрей, 15. Пантелеимоновъ Тихонъ, Поповъ Θεодоръ, Поповъ Викторъ, Линицкій Евгений, Θεодоровъ Павелъ, 20. Ковалевскій Семень, Юшковъ Александръ, Трегубовъ Петръ, Хижняковъ Сергій, Пантелеимоновъ Константинъ, 25. Краснокутскій Викторъ, Макухинъ Яковъ; назначаются къ переводу, если передержатъ экзамень: Ветуховъ Димитрій, Кожуховъ Владиміръ по русскому языку, Бласовъ Макарій, 30. Павловъ Илья, Инноковъ Григорій, Поповъ Александръ по ариѳметикѣ, Чалый Яковъ по русскому языку, Твердохлѣбовъ Александръ по Закону Божію, 35. Землянскій Тихонъ по русскому языку. Оставаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Приходьковъ Константинъ, Полницкій Петръ, Мойсѣевъ Николай, Анисимовъ Михаилъ, 40. Навродскій Петръ. Увольняются изъ училища: Θεодоровскій Александръ, Ильяшевъ Хрисанфъ—по малоуспѣшности въ теченіи двухлѣтняго пребыванія въ этомъ классѣ, Даневскій Василій, и 44. Косьминъ Іосифъ—по прошенію родителей.

Ученики приготовительнаго класса. Назначаются къ переводу въ 1 классъ,—разрядъ 1-й: 1. Каплуненко Александръ—съ награжденіемъ книгою, Θεоминъ Григорій, Могилянскій Θεодосій, Бѣляевъ Макарій, 5. Θεодоровскій Θεодоръ, Лабинскій Николай, Линицкій Александръ; разрядъ 2-й: Краснокутскій Леонидъ, Чугаевъ Евгений, 10. Бондаренко Петръ, Бѣляевъ Царѳеній, Павловъ Георгій, Поповъ Николай, Пономаревъ Яковъ, 15. Климентовъ Гавриилъ, Подольскій Иванъ, Сокальскій Сергій, Филевскій Иванъ, Котляревскій Хрисанфъ, 20. Смирновъ Алексѣй, Молчановъ Петръ, Говоровъ Павелъ, Филевскій Василій, Сукачевъ Димитрій, 25. Волошиновъ Иванъ; назначаются къ переводу, если передержатъ экзамень: Григоровичъ Θεодоръ—по Закону Божію, Дьяковъ Антоній—по ариѳметикѣ; разрядъ 3-й: остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Θεодоровскій Семень, Царевскій Михаилъ, 30. Макухинъ Александръ, Бугуцкій Илла-

ріонъ, Щелоковскій Сергій. Допускаются къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшіе онаго по болѣзни: Николаевичъ Митрофанъ, Гитовъ Иванъ, Феневъ Яковъ, Яновскій Андрей. Увольняется изъ училища по несостоянію на мѣстѣ ученія въ теченіе цѣлаго года, 37. Цоповъ Иванъ.

Перезкзаменовки ученикамъ 2 и 3 классовъ имѣютъ быть 2-го числа будущаго августа, а ученикамъ пригготовительнаго и 1-го классовъ—4-го; пріемныя испытанія въ пригготовительный классъ—5 августа, въ прочіе классы—7-го. Число вакантныхъ мѣстъ въ 4-мъ классѣ 21, въ 3-мъ—4, во 2-мъ вакантныхъ мѣстъ нѣтъ; въ 1-мъ—3 и въ пригготовительномъ—45.

СПИСОКЪ

воспитанницъ 2-го класса (продолженіе *), 5-го и 6-го классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1885—1886 учебный годъ.

II КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ 3-й классъ:

Подольская Антонина, Пономарева 1-я Серафима—награжден. похвальн. листомъ, 30. Пономарева 2-я Серафима—нагр. похвальн. листомъ, Приходькова Антонина, Раздольская Анна, Рубинская Марія, Сильванская Марія, 35. Соколова Елена, Станиславская Анна, Ступницкая Надежда, Слюсарева Ольга, Сѣверинова Анна, 40. Уманцева Софія, Чернявская Людмила, Червонецкая Александра, Шебатинская Ирина, Эллинская Марія—награжд. похвальн. листомъ, 45. Юшкова Анастасія—награжд. похвальн. листомъ.

б) Будутъ переведены въ 3-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Колосовская 2-я Марія и Никитская Раиса—по ариѳметикѣ, Раевская Александра, Василевская Марія и 50. Колосовская 1-я Марія—по русск. языку и ариѳметикѣ.

Андропова Марія по русскому языку и ариѳметикѣ; при неудовлетворительности передержки, *Андропова* будетъ совершенно уволена изъ училища, какъ неспособная къ продолженію ученія въ слѣдующихъ классахъ и уже однажды остававшаяся на повторительный курсъ.

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ № 11-й (стр. 221).

в) Не держала экзамена:

Наумова Александра—по географіи.

г) Оставляются во 2-мъ классъ, на повторительный курсъ:

Красовская Таисія и Бѣлоусова Екатерина—по малоразвитости и малоуспѣшности.

У КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ VI классъ:

1. Алѣйникова Антонина, Артемьева Александра, Бобина Ната-
лія, Бутковская Марія, 5. Васильковская Акилина, Ведринская Софія,
Веселовская Θεодосія, Власова Софія, Геневская Марія, 10. Губ-
ская Марія, Гумилевская Екатерина, Жданова Марія, Иннокова
Анна, Кремповская Марія, 15. Лавденкова Анастасія, Менде Со-
фія, Мухина Ксенія—награжд. похвальн. листомъ, Навродская Ли-
дія, Павлова Анна, 20. Павлова Марія, Попова Евгенія, Попова
Ольга, Слатина Елена, Согина Надежда—награжд. похв. листомъ,
25. Солицева Марія, Степурская Надежда—нагр. похв. листомъ,
Суслова Александра, Тимонова Анемаиса, Черняева Александра,
30. Чугаева Елена, Шишлова Аполлинарія, Юрченко Александра,
Яновская Марія, Ястремская Людмила, 35. Θεодоровская Олимпіада,
Θеодоровская Ольга.

*б) Будутъ переведены въ VI классъ, если передержатъ удовлетво-
рительно экзаменъ послѣ каникулъ:*

Рокитянская Надежда и Воробьева Варвара по геометріи, Влады-
кова Александра по ариѳметикѣ, 40. Молчанова Анна по ариѳме-
тикѣ и физикѣ, Пономарева Елисавета и Максимова Елена по пе-
дагогикѣ, Базилевичъ Викторія по русск. языку и педагогикѣ, Збу-
карева Инна—по географіи и физикѣ, 45. *Панкратьева Софія*—по
арифметикѣ, — но съ тѣмъ, что если не выдержитъ удовлетвори-
тельно экзамена послѣ каникулъ, то будетъ уволена совсѣмъ изъ
училища.

в) Не держали экзамена по болѣзни:

Хижнякова Марія—по исторіи и педагогикѣ, Коханова Анна—
по всѣмъ предметамъ, которымъ предоставляется право держать
экзаменъ послѣ каникулъ въ августѣ мѣсяцѣ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 188⁵/₆ учебный годъ

1) Въ 188⁵/₆ году Совѣтъ училища составляли: а) Предсѣдатель Совѣта, магистръ богословія, священникъ Тимоѳей Буткевичъ, б) Начальница училища, окончившая курсъ въ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) Инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Никандръ Онিকেвичъ, г) Члены Совѣта отъ духовенства: священникъ Панкратій Ивановъ и священникъ Николай Мощенковъ, д) Почетный блюститель по хозяйственной части училища Николай Александровичъ Чикинъ и попечительница училища Александра Васильевна Гордѣенкова.

2) Въ отчетномъ году въ училищѣ было 6 нормальныхъ классовъ, 1 параллельный (6-й классъ) и одна педагогическая школа.

3) Учебный персоналъ состоялъ изъ 13 преподавателей, 11 учительницъ, 7 воспитательницъ, 7 пенинъерокъ и одной надзирательницы педагогической школы.

4) Къ началу 188⁵/₆ учебнаго года въ училищѣ состояло воспитанницъ (вмѣстѣ съ вновь принятыми): Въ I классѣ 55 воспитанницъ, во II кл. 54 восп., въ III кл. 46 восп., въ IV кл. 50 восп., въ V кл. 49 восп.; въ VI норм. 33 восп. и въ VI парал. 32 восп. Всего 319 воспитанницъ.

5) Въ теченіи 188⁵/₆ учебнаго года были приняты въ училище: во 2 классъ 5 воспитанницъ, въ 3 классъ 1 воспитанница и въ 4 классъ 1 воспитанница.

Въ отчетный учебный годъ выбыло изъ училища 4 воспитанницы, а именно: Изъ IV класса 1 воспитанница, изъ V клас. 1 воспит., изъ VI нор. 1 восп. и изъ VI пар. 1 воспитанница.

6) Къ началу годовыхъ испытаній въ училищѣ числилось воспитанницъ: въ I классѣ 55 воспитанницъ, во II клас. 54 воспит., въ III клас. 46 восп., въ IV клас. 49 воспит., въ V клас. 48 восп., въ VI нор. 32 восп. и въ VI пар. 31 воспитан., всего 315 воспитанницъ.

7) Послѣ годовыхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго педагогическаго Совѣта, отъ 29 мая и 5 іюня н. г.

А) Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:

Изъ I во II классъ 47 воспит. (изъ нихъ въ I разрядѣ 22), изъ II въ III классъ 45 воспит. (изъ нихъ въ I разр. 21), изъ III въ IV классъ 36 воспит. (изъ нихъ въ I разр. 11), изъ IV въ V классъ 33 воспит. (изъ нихъ въ I разр. 12), изъ V въ VI классъ 36 воспит. (изъ нихъ въ I разр. 8).

Въ VI классахъ окончили полный курсъ училищнаго образованія 63 воспитанницы, которымъ на основаніи § III Уст. епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

Б) Оставлено въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ— по малоусиѣнности и малоразвитости: въ I классѣ 3 воспитанницы, во II клас. 2 восп. и въ IV клас. 3 воспитанницы.

В) Воспитанницамъ, не окончившимъ экзаменовъ и не державшимъ таковыхъ вовсе по болѣзни и по другимъ уважительнымъ причинамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію послѣ каникулъ въ августѣ мѣсяцѣ: въ I классѣ 5 воспитанницамъ, во II клас. 7 воспит., въ III клас. 10 воспит., въ IV клас. 10 воспит. и въ V клас. 11 воспитанницамъ.

8) Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію педагогическаго Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами: въ I классѣ 5 воспитанницъ, во II классѣ 7 воспитанницъ, въ III классѣ 3 воспитанницы, въ IV классѣ 2 воспитанницы, въ V классѣ 3 воспитанницы, въ VI нор. кл. 1 воспитанница, и въ VI пар. кл. 1 воспитанница, и

9) Состоящую при училищѣ педагогическую школу для практическихъ занятій воспитанницамъ 6-хъ классовъ, посѣщали постоянно приходящіе мальчики и дѣвочки въ числѣ отъ 15 до 25 человѣкъ.

Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію педагогическаго Совѣта награждаются похвальными листами, іюня 8 дня 1886 года.

I класса: 1 Васильковская Анастасія, Сапухина 2-я Евдокія, Степурская Валентина, Энеидова Клавдія, 5 Дзюбанова Александра.

II класса: 1 Пономарева 1-я Серафима, Мухина Евгенія, Эллинская Марія, Пономарева 2-я Серафима, 5 Юшкова Анастасія, Павлова Евгенія, Гризодубова Галлина.

III класса: Штровальдъ Пелагія, Ракшевская Марія, Протопопова Антонина.

IV класса: 1 Краснокутская Анна, Могилянская Евгенія.

V класса: 1 Степурская Надежда, Согина Надежда, Мухина Ксенія.

Списокъ воспитанницъ 6-хъ классовъ Харьковскаго Епархіального женскаго училища, окончившихъ курсъ и получающихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличное благо нравіе и отличные успѣхи, награждаются книгами, іюня 8 дня 1886 года.

VI нормального класса: 1 Бугуцкая Викторія, Быкова Евдокія, Василевская 1-я Елена, Василевская 2-я Наталія, 5 Вахнина Александра, Вербицкая Ксенія, Виноградская Софія, Дьякова Елена, Жукова Юлія, 10 Ильина Анна, Касьянова Марія, Котлярова Любовь, Курасовская Маріамна, Лисенкова Серафима, 15 Лободовская Θεоктиста, Любарская Марія, Набокова Варвара, Насѣдкина Таисія, Никулищева Марія, 20 Пономарева Александра, Попова Любовь—награждена книгою, Романова Софія, Рыбалова Евдокія, Самойлова Анна, 25 Стефанова Марія, Филевская Елена, Филонова Марія, Черняева Юлія, Чернявская Наталія, 30 Щепинская 1-я Елена, Щепинская 2-я Лидія и Ястремская Анна.

VII параллельного класса: 1 Артемьева Анна, Войкова Любовь, Вѣлицкая Марія, Ветухова Елена, 5 Дикарева Марія, Дьякова Екатерина, Заводовская Анна, Котлярова Пелагія, Крохатская Матрона, 10 Кутепова Софія, Леонтовичъ 1-я Марія, Леонтовичъ 2-я Дарія, Лобковская Вѣра, Любинская Анисія, 15 Литкевичъ Любовь, Могилянская Валентина, Мухина Наталія, Попова 1-я Раиса, Попова 2-я Антонина, 20 Пономарева Елена, Саговская Марія, Степурская Марія—награждена книгою, Твердохлѣбова Софія, Троицкая Θεодосія, 25 Троянова Анна, Филевская Параскева, Чаговцова Варвара, Энеидова Елена, Юшкова Вѣра, 30 Ястремская Анастасія, Феодоровская Сусанна.

Примѣчаніе: Аттестаты шестнадцати сиротъ, окончившихъ курсъ, Совѣтомъ училища имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. Попечителя учебнаго округа, съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ сбереженій по канцеляріи Совѣта.

Отъ Харьковскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

По докладу Харьковскаго Епархіального Училищнаго Совѣта объ особыхъ трудахъ протоіереевъ: селенія Кочетка Владимірскаго

Богородичной церкви Зміевского уѣзда *Алексія Илларионов* и Харьковской Свято-Духовской церкви *Василія Левандовскаго* и священниковъ: Харьковской Александро-Невской церкви *Николая Сокольскаго*, слободы Дергачей Харьковскаго уѣзда *Максима Пономарева* и села Гуляй-Поля Зміевского уѣзда *Андрея Певскаго*, на пользу народнаго образованія въ церковно-приходскихъ школахъ, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволилъ преподать означеннымъ лицамъ Архипастырское благословеніе и благодарность со внесеніемъ сего обстоятельства въ послужные ихъ списки.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Діаконъ Іоанно-Богословской церкви при Харьковской духовной семинаріи Алексѣй *Иммоковъ* опредѣленъ Его Высокопреосвященствомъ священникомъ Покровской церкви слоб. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

— Помощникомъ благочиннаго по 3 округу Лебединскаго уѣзда утверждень священникъ Николаевской церкви сел. Терновъ того-же уѣзда, Іоаннъ *Матвѣевъ*

— Депутатомъ по 1 Ахтырскому округу утверждень священникъ Пятницкой церкви слоб. Вакировки того-же уѣзда, Николай *Акимовъ*.

— Священникъ Іаковъ *Павловъ* по прошенію уволенъ отъ должности законоучителя въ Степановскомъ народномъ училищѣ, Сумскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ діаконъ села Степановки Константинъ *Сербиновъ*.

— Священникъ села Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, Дмитрій *Матвѣевъ* утверждень законоучителемъ во вновь открытомъ сельскомъ училищѣ въ с. Журавномъ.

— Помощникъ Троицкой церкви села Проруба, Сумскаго уѣзда, діаконъ Іоаннъ *Ковалевскій* Его Высокопреосвященствомъ утверждень штатнымъ діаконномъ при сей-же церкви.

— Учитель Магрицкаго народнаго училища, Константинъ *Недригайловъ*, опредѣленъ къ Владимірской церкви с. Магрицы, Сумскаго уѣзда, штатнымъ діаконномъ.

— Псаломщикъ Варваровской церкви сл. Искрисковщины, Сумскаго уѣзда, Леонтій *Масловъ* рукоположенъ въ санъ діакона съ предоставленіемъ ему штатнаго діаконскаго мѣста при Арх.-Михайловской церкви.

— Діаконъ слободы Боровой, Купянскаго уѣзда, Рождество-Богородичной церкви, Григорій *Колесниковъ* перемѣщенъ штатнымъ діаконномъ къ Свято-Духовской церкви, слоб. Ново-Екатеринослава того-же уѣзда.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Троицкой церкви города Харькова опредѣленъ, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, *Василій Царевскій*.

— Переимѣнены одинъ на мѣсто другого псаломщика: Николаевской церкви заштатнаго города Золочева, Харьковскаго уѣзда, *Іаковъ Клименковъ* и Троицкой церкви слоб. Мироновки того-же уѣзда, *Василій Коньковъ*.

— Псаломщикъ Николаевской Сонолицевской церкви, Харьковскаго уѣзда, посвященъ въ стихарь.

— Купецъ *Михаилъ Васильевъ Гильченко* утвержденъ церковнымъ старостою на первое трехлѣтіе къ Ахтырскому Покровскому собору.

— Крестьянинъ *Евстафій Даниловъ Старчукъ* утвержденъ старостою къ Рожд.-Богородичной церкви села Каменки, Ахтырскаго уѣзда.

— Церковный староста Покровской церкви села Куньяго, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Александръ Колесникъ* награжденъ похвальнымъ листомъ.

— Крестьянинъ *Михаилъ Котляровъ* утвержденъ церковнымъ старостой къ Вознесенской церкви слоб. Ново-Красной, Купянскаго уѣзда.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія: Въ сел. Нижне-Русскомъ Бишкинѣ, Зміевскаго уѣзда, въ слоб. Каменкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, при Николаевской церкви, въ слоб. Павловкахъ, Богодуховскаго уѣзда.

— *Діаконскія:* Въ Климовкѣ, Сумскаго уѣзда, въ Каплуновкѣ, Богодуховскаго уѣзда, въ Станичномъ, Валковскаго уѣзда, въ Минковкѣ, того-же уѣзда, въ Бакировкѣ Ахтырскаго уѣзда, въ г. Валкахъ при Благовѣщенской церкви.

— *Псаломщицкія:* Въ сел. Искрисковщинѣ, Сумскаго уѣзда, въ слоб. Александровкѣ, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: По поводу обычая ставить покойниковъ въ церкви.—Борьба съ „толстовскимъ движеніемъ“.—Миссіонеры для борьбы со штундистамъ.—Новая секта.—Поездка профессора Олесницкаго въ Палестину.—Старообрядческіе руководители.—О новозраильской сектѣ.—Приказъ по войскамъ о соблюденіи постовъ.—Пріѣздъ архіепископа Антонія Харіатиса въ Петербургъ.—Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ.—Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка.—Заботы о народномъ образованіи.—Количество звонкой монеты, вычеканенной въ прошломъ году.—Данныя по питейному вопросу.—Законъ объ устройствѣ мастерскихъ для арестантовъ.—Вредныя полевые насекомыя.—Опытъ прививки овцамъ сибирской язвы.

Наступившія сильныя жары придають нѣкоторый интересъ замѣткѣ „Кіевлянина“ (№ 118), въ которой рекомендуется духовному начальству обратить вниманіе на одинъ противогигіеническій обычай. „Въ Кіевѣ существуетъ обычай вносить покойниковъ въ церкви и оставлять даже на ночь наканунѣ похоронъ. Въ зимнее время это еще ничего, но лѣтомъ, особенно въ праздничные дни, слѣдовало бы безусловно воспретить оставлять покойниковъ въ церкви, если только гробъ не будетъ герметически запаянъ свинцомъ. Трупный запахъ остается надолго въ церкви и заражаетъ воздухъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ церквахъ ставится по два и по три покойника за разъ. Такъ, 25 мая, въ воскресенье, во время обѣдни въ Вознесенской церкви (на Бол. Житомирской ул.) стояло два гроба съ покойниками, изъ которыхъ одинъ почевалъ въ церкви, а другой былъ внесень утромъ. Оба покойника были скоропостижно умершіе отъ апоплексическаго удара, и разложеніе было сильное. Запахъ былъ невыносимо тяжелый, и молящіеся среди обѣдни должны были выходить изъ церкви, чтобы не дышать зараженнымъ воздухомъ. И это уже не первый случай въ Вознесенской церкви.

Обычай ставить покойниковъ въ церкви на извѣстное время, говорить по этому поводу „Церковный Вѣстникъ“, существуетъ и въ другихъ мѣстахъ—не въ одномъ Кіевѣ, и соединенное съ этимъ обычаемъ, указываемое газетой, неудобство выходитъ поэтому за предѣлы мѣстнаго интереса. Съ точки зрѣнія существующихъ постановленій противъ этого обычая нельзя ничего сказать. Но если принять въ соображеніе, что умершихъ отъ заразныхъ болѣзней воспрещено ставить въ церкви и что въ лѣтнее время трупный запахъ и отъ покойника, умершаго незаразною болѣзнію, способенъ заразить воздухъ, то приходится въ видахъ гигиеническихъ признать справедливымъ, чтобы гробы вносимыхъ въ церковь покойниковъ были герметически закупориваемы, а если соблюсти это усло-

віе невозможно, то чтобы покойники лѣтомъ вносимы были не въ приходскія церкви, гдѣ всегда можно ожидать большаго или меньшаго стеченія богомольцевъ, но въ кладбищенскія церкви и часовни.

— Московское „общество любителей духовнаго просвѣщенія“ продолжаетъ изыскивать мѣры для борьбы съ такъ называемымъ „толстовскимъ движеніемъ“. На засѣданіи 30 мая разсмотрѣно было нѣсколько толстовскихъ брошюръ фирмы „Посредникъ“. Между прочимъ прочитанъ былъ разборъ брошюры „Сократъ“, въ которомъ указано было, что, не говоря уже о непригодности подобныхъ рассказовъ для народа, брошюра отличается еще свойствомъ, дѣлающимъ ее непригодною для народнаго употребленія—совершенною лживостію. Ученіе Сократа приложено къ русскому пониманію, но при этомъ безжалостно искажено. „Сократъ“ вышелъ у автора не историческій, а такой, какого ему хотѣлось, свой собственный. Послѣ этого о. І. И. Соловьевымъ прочитано было „объ одномъ изъ рассказовъ для народа“. Напомнивши о своемъ первомъ предложеніи обществу касательно брошюръ графа Л. Н. Толстого и высказанномъ тогда предположеніи бороться съ его изданіями составленіемъ подобныхъ же брошюръ, о. Соловьевъ высказалъ, что ему этотъ способъ борьбы представляется неудобнымъ съ одной стороны потому, что для борьбы съ такимъ талантомъ, какъ гр. Толстой, потребовался бы такой же талантъ, а съ другой потому, что представляется унижительнымъ и оскорбительнымъ для православія ставить его на одну доску съ какими-нибудь измышленіями и предоставлять читателю судъ надъ тѣмъ и другимъ. По его мнѣнію, прежде выясненія началъ православія должны быть опровергнуты полемически сочиненія Л. Н. Толстаго. Затѣмъ онъ занялся изложеніемъ и разборомъ брошюры „Два старика“ и показалъ, что эта брошюра, даже безотносительно къ другимъ сочиненіямъ Толстаго, сама своимъ содержаніемъ говоритъ о неправославномъ направленіи. Въ газетныхъ отчетахъ содержаніе брошюры передаютъ такъ, что этого не видно. Лекторъ выяснилъ истинный смыслъ рассказа, по которому выходитъ, что милосердіе гораздо выше религіозности, и раскрылъ, въ чемъ должно состоять христіанское милосердіе и сострадательность, которыхъ въ героѣ рассказа отнюдь не видно. Истинная любовь состоитъ въ единеніи, истинная благотворительность невозможна безъ любви христіанской, безъ религіи. Въ заключеніе о. предсѣдатель общества прот. І. И. Рождественскій сказалъ, что противодѣйствіе ученію графа Толстаго необходимо, но оно не должно ограничиваться

опроверженіемъ отдѣльныхъ брошюръ его; нужно поразить ученіе его въ самомъ корнѣ. „Нужно собрать все его сочиненія, какія теперь извѣстны, ходящія по рукамъ, и заняться ихъ опроверженіемъ, опровергнуть самый принципъ и показать, чему онъ учитъ, чтобы видно было, изъ какого духа исходятъ его брошюры. Когда подрѣзанъ будетъ корень, тогда и вѣтви сами собою отпадутъ и можетъ быть не представится болѣе надобности опровергать каждую вновь появляющуюся брошюру“.

— Въ Кіевской епархіи учреждаются епархіальныя должности миссіонеровъ для борьбы со штундистами и обращенія иновѣрцевъ и сектантовъ въ православіе. На эти должности будутъ назначаться лица духовнаго званія съ высшимъ образованіемъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, штундизмъ довольно сильно распространенъ въ названной губерніи, причемъ, въ большинствѣ случаевъ, эту секту пропагандируютъ по почину западно-европейскихъ протестантскихъ сектъ, книгоноши и особые миссіонеры, которые набираются преимущественно изъ русскихъ штундистовъ. Книгоношамъ даются изданія сектантскаго направленія, которыя они обязаны при встрѣчѣ съ православными предлагать купить, разъясняя содержащееся въ нихъ ученіе; когда-же замѣтятъ въ православныхъ сочувствіе этому ученію, то оставляютъ имѣющіяся у нихъ изданія въ даръ этимъ людямъ, а о результатѣ своей дѣятельности сообщаютъ миссіонерамъ. Миссіонеры обязаны посѣтить этихъ людей для утвержденія между ними заблужденія. Миссіонеры эти переходятъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе и здѣсь, пользуясь званіемъ пресвитеровъ, говорятъ поученія, перекрещиваютъ и вѣнчаютъ совращенныхъ. Помимо книгоношъ и миссіонеровъ, штундизмъ проповѣдуется обыкновенно и въ поученіяхъ, произносимыхъ штундистскими епископами и пресвитерами въ штундистскихъ собраніяхъ.

— Изъ села Алексѣевскій Затонъ, Хвалынскаго уѣзда, въ „Саратовскій Листокъ“ пишутъ, что тамъ между старообрядцами образовалась секта „мѣшечниковъ“. Послѣдователи ея малограмотны и враги просвѣщенія. Названіе свое „мѣшечники“ получили отъ своихъ собратій-старообрядцевъ. Оно дано по главному ихъ догмату—вѣрѣ въ мѣшокъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ обращенія на Иргизѣ старообрядческихъ монастырей въ единовѣрческіе, принесъ въ Алексѣевскій Затонъ какой-то монахъ, по имени Ардаліонъ. Онъ объявилъ себя сторонникомъ бѣглаго священства и своею пропагандой увлекъ многихъ старообрядцевъ

села Алексѣевского Затона, державшихся до этого ученія „спасовой“ секты. Въ принесенномъ имъ мѣшкѣ оказались сушеные сухарики, нарѣзанные мелкими ломтиками, которые Ардалионъ объявилъ древнимъ причастіемъ, освященнымъ еще самимъ патриархомъ Іосифомъ.— „Это дорогое причастіе!“—говорилъ онъ всѣмъ старообрядцамъ. И дѣйствительно, напутствуя имъ больныхъ, причащая и здоровыхъ лицъ во время великаго поста, Ардалионъ бралъ за это дорогую цѣну, чѣмъ нажилъ себѣ порядочный капиталъ. Умирая, онъ благословилъ распоряжаться этимъ мѣшкомъ крестьянина Сургучева, жителя села Алексѣевского Затона. Последняго старообрядцы скоро смѣнили и выбрали вмѣсто его третье лицо. Вскорѣ послѣ этого у старообрядцевъ произошелъ споръ изъ-за мѣшка съ причастіемъ, результатомъ чего явилось раздѣленіе „мѣшечниковъ“ на двѣ партіи, изъ коихъ одни совершенно отвергли мѣшокъ съ причастіемъ, называя эти сухари простымъ хлѣбомъ, не имѣющимъ никакого освященія. Взамѣнъ сухарей эти старообрядцы ввели въ своемъ обществѣ обычай причащаться „водой“, добываемою ими изъ рѣки въ полночь наканунѣ праздника Крещенія Господня. Старообрядцы вѣруютъ, что въ это время самъ ангелъ сходитъ съ неба и освящаетъ во всѣхъ рѣкахъ воду. „Водяники“ и „мѣшечники“ ведутъ между собою споры. Первые проклинаяютъ вторыхъ, а послѣдніе первыхъ.

— Ординарный профессоръ Кіевской духовной академіи А. А. Олесницкій, по приглашенію обществъ: Императорскаго русскаго археологическаго и Палестинскаго, предпринялъ въ настоящее время поѣздку въ Палестину. Цѣль его экскурсіи составляетъ провѣрка на мѣстѣ плана архитектора Шика для возстановленія базилики Константина великаго въ Іерусалимѣ и провѣрка опредѣленія крестнаго пути Спасителя. Вмѣстѣ съ нимъ отправился доцентъ Кіевской духовной академіи Ф. Я. Покровскій, съ цѣлью изученія на мѣстѣ топографіи Св. Земли.

Пользуясь продолжительностью лѣтнихъ каникулъ нынѣшняго года, доцентъ Кіевской духовной академіи А. А. Дмитревскій на дняхъ предпринялъ путешествіе на Востокъ для изученія древнихъ богослужебныхъ и монастырскихъ уставовъ. Прежде всего онъ намѣренъ посѣтить монастыри Аѳона, затѣмъ отправится въ лавру Саввы освященнаго и, если позволитъ время, на Синай.

— „Саратовскій Листокъ“ сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о существующихъ въ настоящее время старообрядческихъ епископахъ и руководителяхъ: 1) Старообрядческіе епископы псев-

доокружники: Савватій, именующійся архіепископомъ Московскимъ; поставленіе (во епископа Тобольскаго) получилъ отъ Пафнутія Казанскаго 6 декабря 1862 года. Въ Тобольскѣ взятъ былъ правительствомъ и судимъ за незаконное присвоеніе себѣ епископскаго званія, причемъ отрекся отъ епископства и сосланъ на жительство въ Тулу. По смерти Антонія ШUTOва, возведенъ былъ въ санъ архіепископа Московскаго въ 1881 году. Пафнутій, именующійся епископомъ Казанскимъ, поставленъ Антоніемъ 10 января 1856 года; Викторъ Уральскій—поставленъ Антоніемъ 18 декабря 1875 года; Кирилль Нижегородскій поставленъ Антоніемъ 23 ноября 1876 года; Силуанъ Донской—поставленъ въ 1879 году Виссаріономъ, Измаильскимъ епископомъ; Алексѣй Самарскій — поставленъ въ 1879 году тѣмъ-же Виссаріономъ. Меоодій Пермскій и всея Сибири поставленъ Савватіемъ, 15 октября 1885 года; Анастасій Измаильскій, преемникъ Виссаріона; Герасимъ Вятскій—поставленъ Іосифомъ Нижегородскимъ во епископа Коломенскаго, а въ 1884 году получилъ въ управленіе Вятскую епархію; Θεодосій, бывшій Боровскій и Смоленскій,—поставленъ Виссаріономъ въ 1879 году, — теперь на покоѣ въ Чернобольскомъ монастырѣ; Амвросій, бывшій Саратовскій, поставленъ въ декабрѣ 1871 года,—съ прошлаго 1885 года живетъ на покоѣ около Хвалынска, въ Черешманскомъ скиту. 2) Старообрядческіе епископы окружники: Сильвестръ Балтійскій поставленъ 20 ноября 1876 года; Паисій Саратовскій поставленъ Савватіемъ 24 сентября 1885 года. 3) Старообрядческіе епископы противоокружники: Іосифъ Нижегородскій; Іовъ Московскій—поставленъ Іосифомъ 16 декабря 1884 года; Кирилль Балтскій, Пафнутій Саратовскій, Макарій Нижегородскій, Тарасій Калужскій, Бессарабскій и Черниговскій. 4) Заграничныя старообрядческіе епископы: Аѳанасій митрополитъ Бѣлокриницкій, преемникъ Кирилла; Алимпій, намѣстникъ Бѣлокриницкій; Ирнархъ Славскій; Геннадій Тульчанскій,—поставленъ Антоніемъ въ епископа Пермскаго 9 января 1856 года, былъ заключенъ въ Спасоевѣиміевскомъ монастырѣ и по освобожденіи опредѣленъ на жительство въ Харьковъ; отсюда переведенъ въ городъ Виндау, но бѣжалъ за границу, гдѣ и почетенъ каедрой епископа Тульчанскаго; Аркадій, именуемый архіепископъ Славскій, поставленъ въ епископа Амвросіемъ 24 августа 1847 года и по освобожденіи изъ Суздальской крѣпости живетъ во Владимірѣ на покоѣ. Итого 24 епископа. Около Бѣлой Криницы, въ Мануиловскомъ монастырѣ, проживаютъ: бывшій іеромонахъ Чудова монастыря въ Москвѣ Пафнутій, петербургскій священникъ

Верховскій, іеромонахъ Швецовъ—всѣ трое сотрудники издающейся въ Австріи газеты *Старообрядецъ*, и время отъ времени печатаютъ и выпускаютъ въ свѣтъ разныя книги и брошюры въ защиту старообрядчества.

— Въ „Совр. Изв.“ сообщаются небезынтересныя свѣдѣнія о новоизраильской сектѣ. „Послѣдователей у Рабиновича появляется все больше и больше, такъ что, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, храмъ новаго Израиля оказывается недостаточнымъ и имѣется въ виду его расширить. Догматическое развитіе секты, повидимому, приостановилось. Правда, Рабиновичъ произноситъ часто проповѣди, по которымъ можно слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ догматовъ секты; но изъ нихъ изданы въ свѣтъ не болѣе шести, да и то на нѣмецкомъ языкѣ, благодаря Деличу, который переводитъ ихъ съ древне-еврейскаго языка. Евангельская исторія, которую пишетъ Рабиновичъ и на которой необходимо долженъ отразиться характеръ секты, еще не окончена. Намъ (продолжаеть газета) пишутъ, что Рабиновичъ вообще человѣкъ замѣчательно осторожный: онъ не скоръ на сужденія, и такой трудъ, какъ евангельская исторія, долженствующая стать во главу секты, не рѣшается издавать до тѣхъ поръ, пока безспорность евангелія по вопросу объ его богодуховенности не сдѣлается для него неотразимымъ фактомъ. Но на ряду съ возрастаніемъ секты, возникаетъ и ненависть къ ней евреевъ-фанатиковъ. Еще на первыхъ порахъ своей реформаторской дѣятельности Рабиновичъ едва спасся отъ каменьевъ, которые бросала въ него толпа. Недавно по дорогѣ въ храмъ Рабиновичъ долженъ былъ со слезами на глазахъ проходить мимо толпы фанатиковъ, съ какимъ-то сѣдымъ евреемъ во главѣ, поносившей его за отступленіе отъ завѣта отцовъ. Лѣтомъ Рабиновичъ думаетъ учредить паломничество въ Іерусалимъ, куда отправится съ желающими изъ послѣдователей. Для Рабиновича Іерусалимъ дорогъ не потому только, что тамъ каждая пядь земли освящена стопами Спасителя, но и потому, что тамъ впервые получилъ онъ душевный толчекъ, заставившій его задуматься надъ христіанствомъ и наконецъ сдѣлавшій его реформаторомъ.

— Въ приказѣ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, отъ 24 мая, значится, что до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, главнокомандующаго войсками, дошло, что нижніе чины однихъ частей войскъ и управленій довольствуются въ посты скоромною пищею, въ то время какъ другіе, находящіеся въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ обстановки, получаютъ постную

пищу. Имѣя въ виду, что соблюденіе установленныхъ постовъ составляетъ выполненіе одного изъ обрядовъ, поддерживающихъ въ солдатѣ чувство религіи, здоровье и правила чистой нравственности, Его Императорское Высочество, Главнокомандующій войсками, приказалъ: 1) начальникамъ дивизій и равнымъ имъ лицамъ пользоваться предоставленнымъ имъ ст. 70 Положеній о хозяйствѣ въ ротѣ правомъ лишь въ дѣйствительно уважительныхъ случаяхъ, и 2) доносить по командѣ въ штабъ округа о причинахъ, вызвавшихъ съ ихъ стороны разрѣшеніе на приготовленіе въ постные дни скоромной пищи, съ указаніемъ срока, на который оно дано.

— Въ С.-Петербургѣ въ настоящее время гоститъ архіепископъ Корфіотскій Антоній Харіатисъ, одинъ изъ выдающихся іерарховъ греческой Церкви. Мститый старецъ, всю жизнь свою посвятившій служенію дѣлу православія на Востокѣ, оставилъ на время свою родину для поправленія своего здоровья. Пробывъ нѣкоторое время въ Триестѣ, архіепископъ Антоній прибылъ въ Россію съ цѣлью ближе познакомиться съ устройствомъ Церкви великой православной имперіи—надежды и покровительницы всѣхъ православныхъ народовъ Востока. Архіепископа встрѣчали на вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги посланный митрополита С.-Петербургскаго Исидора и нѣкоторые выдающіеся члены греческой колоніи въ Петербургѣ, причемъ г. Кладасъ сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Съ вокзала преосвященный направился въ Александроневскую лавру въ прекрасное помѣщеніе, отведенное ему, по распоряженію митрополита. На слѣдующій день, не смотря на утомленіе послѣ продолжительнаго пути, архіепископъ Антоній, по приглашенію митрополита, принималъ участіе въ рукоположеніи во епископа Балтскаго бывшаго настоятеля русской миссіи въ Аѳинахъ, архимандрита Анатолія. Въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго преосв. Антоній принималъ участіе въ торжественномъ молебствіи въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ вмѣстѣ съ высокопр. Палладіемъ Казанскимъ, Серафимомъ Самарскимъ, Германомъ, бывшимъ Кавказскимъ, и викаріями С.-Петербургской митрополіи преосв. ректоромъ Петербургской академіи Арсеніемъ Ладожскимъ и Сергіемъ Выборгскимъ. Народъ массами толпился для принятія благословенія отъ сонма архипастырей. Мститый восточный іерархъ обращаетъ вниманіе и своею внѣшностью: сѣдой и высокій, онъ имѣетъ величественный видъ.

— Комитетъ по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія вои-

новъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ, извѣщаетъ, что къ 1-му іюля 1885 года капиталъ комитета заключался: а) въ процентныхъ бумагахъ по нарицательной ихъ стоимости: 1) 5% облигаціяхъ 3-го Восточнаго займа, на 323,900 р., 2) такихъ же облигаціяхъ 1-го займа, на 150 р., 3) свидѣтельствахъ государственной комиссіи погашенія долговъ на 6% золотую ренту, на 103,250 р., 4) 5% облигаціяхъ С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества, на 800 р. б) Въ наличныхъ деньгахъ, на сумму 13,050 р. 11½ к. Итого 441,150 р. 11½ к. Къ нимъ поступило съ 1-го іюля по 31-е декабря 1885 года:

А) Процентными бумагами: Куплено 8 свидѣтельствъ государственной комиссіи погашенія долговъ на 6% золотую ренту, на сумму по нарицательной цѣнѣ 5,375 р. и 9—5% облигацій 3-го Восточнаго займа, на сумму по нарицательной цѣнѣ 5,400 р. Итого 10,775 р.

В) Наличными деньгами: Пожертвованій: Чрезъ хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ, на 3,853 р. 9 к.

Процентовъ: По процентнымъ бумагамъ, состоящимъ въ капиталѣ комитета 13,441 р. 87 к. Итого, съ 1-го іюля по 31-е декабря, въ приходѣ 28,069 р. 96 к. А всего, съ остаткомъ, въ приходѣ къ 1-му января 1866 г. 469,220 р. 7½ к. Съ 1-го іюля по 31-е декабря израсходовано наличными деньгами: уплачено купоннаго налога по % бумагамъ комитета 405 р. 89 к.; инженеръ-архитектору В. В. Засимовскому за составленіе сокращенной исправленной смѣты на постройку храма 160 р.; переведено въ Филиппополь, въ распоряженіе мѣстнаго отдѣленія комитета, на расходы по постройкѣ 10,000 р.; переведено въ Кіевъ въ распоряженіе завѣдующаго постройкою храма, на расходы по найму и отправкѣ рабочихъ изъ Россіи 2,000 р.; выдано въ награду чиновникамъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ за труды по приему пожертвованій, храненію и завѣдыванію капиталомъ комитета 500 р.; выслано во Владимірскую губернію, въ счетъ жалованья находящагося на работахъ по постройкѣ храма плотника Дмитрія Марина 100 р., переведено въ Кіевъ, въ счетъ жалованья завѣдующаго постройкою 100 р.; уплачено государственному банку за храненіе цѣнностей 26 р. 31 к.; отправлены въ Батумское казначейство пожертвованныя на сооруженіе православнаго храма въ Батумѣ, ошибочно поступившія въ счетъ суммъ комитета—3 р. 76 к.; издержано на дѣлопроизводство, помѣщеніе канцеляріи, канцелярскія принадлежности, печатаніе бланковъ, телеграфныя и почтовые расходы, освѣщеніе и т. п. 1,297 р. 42 к. Итого 14,593 р. 38 к.

Употреблено на покупку: 8 свидѣтельствъ государственной комиссіи погашенія долговъ на 6⁰/₁₀₀ золотую ренту, на нарицательную сумму 5,375 руб. 9,818 р. 80 к. и 9—5⁰/₁₀₀ облигацій 3-го Восточнаго займа, на нарицательную сумму 5,400 руб. 5,297 р. 63 к. Итого, съ 1-го іюля по 31-е декабря, въ расходѣ 29,709 р. 81 к.

Затѣмъ къ 1-му января 1886 года въ остаткѣ: а) Процентными бумагами по нарицательной ихъ цѣнѣ: 1) 5⁰/₁₀₀ облигацій 3-го Восточнаго займа, на 329,300 р., 2) 5⁰/₁₀₀ облигацій 1-го Восточнаго займа, на 150 р., 3) свидѣтельствъ государственной комиссіи погашенія долговъ на 6⁰/₁₀₀ золотую ренту, на 108,625 р., 4) 5⁰/₁₀₀ облигацій С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества, на 800 р. Итого 438,875 р. б) Наличными деньгами: а) хранящихся на особомъ счетѣ въ государственномъ банкѣ 497 р. 43¹/₂ к., б) находящихся въ кассѣ комитета 137 р. 83 к. Итого въ наличности 439,510 р. 26¹/₂ к. Балансъ 469,220 р. 7¹/₂ к.

Изъ общей наличной суммы 439,510 р. 26¹/₂ к., 116,200 р. 5⁰/₁₀₀ облигаціями 3-го Восточнаго займа и 180 р. 91¹/₂ к. кредитными билетами составляютъ неприкосновенный запасный капиталъ на обезпеченіе причта и будущаго ремонта сооружаемой церкви, а 4—5⁰/₁₀₀ облигаціи С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества, на 800 р. и 1—5⁰/₁₀₀ облигація 3-го Восточнаго займа, на 100 р., имѣютъ данныя жертвователями спеціальныя назначенія.

Съ открытія комитета по 31-е декабря 1885 года всего поступило: Пожертвованій на 429,668 р. 3 к., процентовъ на оныя 101,323 р. 21 к. Итого 530,991 р. 24 к. Кромѣ того получено прибыли при продажѣ и покупкѣ, въ 1880 году, процентныхъ бумагъ 17 р. 18 к., выручено отъ продажи процентныхъ бумагъ (облигацій 3-го Восточнаго займа на сумму 100,000 руб. нарицательныхъ) 96,784 р. 3 к. Итого 627,792 р. 45 к. Употреблено изъ оныхъ на покупку процентныхъ бумагъ (помѣщено въ процентныя бумаги) 583,665 р. 90¹/₂ к., израсходовано 42,841 р. 28 к. Итого 626,507 р. 18¹/₂ к. Въ остаткѣ 1,285 р. 26¹/₂ к. Въ томъ числѣ процентными бумагами, поступившими отъ жертвователей (въ числѣ 429,668 р. 3 к.) 650 р. Дѣйствительный остатокъ наличными деньгами 635 р. 26¹/₂ к. Куплено за 583,665 р. 90¹/₂ к. процентныхъ бумагъ по нарицательной цѣнѣ, на сумму 538,225 р., изъ нихъ продано 100,000 р. Остается 438,225 р. А съ присоединеніемъ вышеозначенныхъ 650 р. Итого въ наличности процентными бумагами 438,875 р.

Поступившія пожертвованія распределяются по источникамъ по-

ступленія слѣдующимъ образомъ: Всемиловѣйше пожаловано въ Возѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ 1,000 р., пожертвовано Его Высочествомъ княземъ Болгарскимъ 400 р., пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ 30,032 р. 42 к., поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными, приходскими священниками, причетниками и консисторіальными чиновниками 163,750 р. 42 к. (NB. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Аѳонскими монастырями 8,122 руб.).

Пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ 5,891 р. 63 к., пожертвовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства 20,923 р. 70 к., поступило отъ дворянства какъ коллективно, такъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ и пожертвованныхъ предводителями дворянства 7,449 р. 86 к., пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ 55,289 р. 32 к. (NB. Въ томъ числѣ пожертвовано Московскою городскою думою, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича—50,000 руб.).

Собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ 6,987 р. 11½ к., собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами 78,035 р. 22 к., отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго Общества Краснаго Креста 4,447 р. 5 к., отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границую 6,559 р. 5½ к., ярмарочныхъ комитетовъ 991 р. 91 к., частныхъ банковыхъ обществъ и учрежденій 2,222 р. 40 к., желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ 16,813 р. 62 к., содержателей фабрикъ и заводовъ 8,555 р. 2 к., купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній 5,763 р. 7 к., мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей 931 р. 44 к., непосредственно отъ крестьянъ 7,496 р. 85 к., клубовъ и общественныхъ собраній 430 р. 50 к., разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно 4,514 р. 46 к., содержателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній 720 р. 47 к., биржевыхъ маклеровъ и нотариусовъ 462 рубля 50 копѣекъ. Итого 429,668 руб. 3 коп.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ комитетъ поступили отъ нижепоименованныхъ лицъ слѣдующія приношенія, иконами, церковною утварью и другими предметами: Въ 1880 г., отъ А. О. Латушиной—образъ Св. Апостоловъ Петра и Павла въ серебряной ризѣ. Отъ настоятеля и братіи Благовѣщенской Никандровой пустыни, Псковской епархіи—икона преподобнаго Никандра Псковскаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника, серебряный вызолоченный крестъ и Св. Евангеліе въ бархатѣ съ серебряными украшеніями. Въ 1881 г., отъ мапифактуръ-совѣтника Н. И. Оловянишникова—церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампы, 2 кадила, 3 блюда, 2 кропила, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, панихидница, муромазанница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, купель, чаша,—мѣдные посеребренные, и 5 колоколовъ въ 25 пудовъ вѣса. Отъ священника Николаевского прихода, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, Самуила Федорова—два шелковыхъ платка для престола. Въ 1882 г.: отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной—церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ г. Пензѣ, Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискаса, потира, звѣздицы, лжицы, копія, ковпика и двухъ блюдеъ. 73 аршина новины (холста), доставленные Ярославскимъ губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ). Въ 1883 г.: отъ крестьянъ Глѣбовской волости, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи—ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чашки, потира, дискаса съ принадлежностями, пожертвованными въ память 25-ти лѣтій царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Отъ благочиннаго Боровскаго собора, священника Василія Казанскаго—26 аршинъ холста. Въ 1885 г.: отъ бывшаго священника л.-гв. Егерскаго полка протоіерея Павла Фаворскаго—образъ Рождества Христова, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоценными камнями, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Отъ Иконникова—кіотъ краснаго дерева, рѣзной, съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, древняго письма въ серебряномъ окладѣ и позолоченной рамѣ. Разновременно отъ неизвестныхъ—святцы мѣсячные, печатанные олеографіей на холстѣ, и двѣ брошюры подъ заглавіями: „Св. Равноапостольные Просвѣтители славянъ Кириллъ и Меѳодій“ и „Слово въ день св. Равноапостольныхъ славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, произ-

несенное 11 мая 1882 г. въ Исакиевскомъ соборѣ, протоіереемъ Іоанномъ Палисадовымъ“.

— Въ „Прав. Вѣстн.“ напечатана вѣдомость о ссудахъ изъ крестьянскаго поземельнаго банка со времени открытія его дѣйствій по 1 іюня 1886 года. За это время разрѣшено 3,317 ссудъ. Сельскія общества, товарищества и отдѣльные крестьяне, коимъ разрѣшены ссуды, составляютъ 129,442 домохозяйства, въ числѣ 411,541 наличныхъ мужскаго пола душъ. Изъ числа 3,317 разрѣшенныхъ ссудъ на сумму 36.776,839 р. 64 к., выданы деньги по 2,541 ссудѣ на 29.906,558 р. 64 к., такъ какъ только по этимъ ссудамъ были совершены купчія крѣпости. Крестьянами приобрѣтено всего 874,559 десятищъ 479 саж. Такимъ образомъ банкъ оказываетъ существенную помощь крестьянамъ, живущимъ по преимуществу землею, въ разширеніи ихъ поземельныхъ владѣній.

— Лица образованныхъ классовъ, которымъ болѣе или менѣе дорого благо столь многочисленнаго у насъ сельскаго населенія и которые слѣдятъ за тѣмъ, что дѣлается въ деревнѣ, не могутъ не желать устраненія всего противнаго истиннымъ интересамъ сельскихъ обывателей, въ томъ числѣ интересамъ народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи достойнъ вниманія циркуляръ директора народныхъ училищъ наставникамъ сельскихъ и городскихъ училищъ Черниговской губ., приводимый „Кіевляниномъ“. Узнавъ, что нѣкоторые учителя сельскихъ училищъ, не состоящіе землевладѣльцами, принимаютъ участіе въ агитаціи среди мѣстнаго населенія по поводу земскихъ выборовъ, и въ виду прежнихъ опытовъ, находя, что подобное вмѣшательство, запутывая отношенія учителей къ мѣстному, нарушаетъ спокойный и стройный ходъ школьнаго дѣла, названный директоръ строго предписалъ учителямъ не мѣшаться ни явно, ни тайно въ земскіе выборы.

— Въ интересахъ народной школы и ея питомцевъ представляется, между прочимъ, желательнымъ учрежденіе библіотекъ при сельскихъ школахъ. Но гдѣ взять для этого средства? „Новорос. Тел.“, руководствуясь примѣромъ Франціи, предлагаетъ для этой цѣли установить добровольный взносъ учениками ежемесячно по 1 коп. Мысль эта, въ виду успѣшнаго примѣненія ея во Франціи (см. „Педагогическій Листокъ“), представляется довольно цѣлесообразной.

— Въ продолженіе 1885 года на Петербургскомъ монетномъ дворѣ начеканено, по официальнымъ даннымъ, слѣдующее количество монетъ, считая по номинальной цѣнѣ: полуимперіаловъ

5.343,011 штукъ, на сумму 26.715,045 руб., трехрублевыхъ 29,011 штукъ, на сумму 87,033 руб., рублевыхъ 499,510 рублей, 50 копѣчныхъ 510 штукъ, на сумму 255 руб., 25 копѣчныхъ 1,010 штукъ, на сумму 252 р. 50 коп. Итого на сумму 27,302,099 руб. 50 коп. металлическихъ, или по курсу (въ круглыхъ цифрахъ) на 43,500,000 рубл. кредит., болѣе противъ прошлаго года на 3.820,050 руб. метал. Размѣнной монеты начеканено: серебряной на 750,005 руб. и мѣдной на 100,000 руб., 27 коп. менѣе противъ 1884 года на 400,000 р.

— Въ „Сельск. Вѣстн.“ сообщаются свѣдѣнiя о числѣ питейныхъ заведенiй, на основанiи данныхъ, полученныхъ министерствомъ финансовъ изъ 47 губернiй, въ которыхъ введены новыя правила о продажѣ напитковъ, за первые два мѣсяца настоящаго года. Изъ этихъ свѣдѣнiй оказывается, что общее число мѣстъ раздробительной продажи вина въ городахъ и селенiяхъ по всѣмъ 47 губернiямъ въ нынѣшнемъ году сократилось противу прошлаго на четвертую часть, т. е. вмѣсто прежнихъ четырехъ заведенiй, нынѣ открыто только три. Исключенiе изъ этого составляютъ только 7 губернiй: Петербургская, Оренбургская, Пермская, Самарская, Саратовская, Воронежская и Астраханская, въ которыхъ, въ общей сложности, число виноторговыхъ заведенiй увеличилось болѣе, чѣмъ на десятую часть противъ прошлаго года.

Большая переменна произошла въ числѣ заведенiй распивочныхъ и торгующихъ на выносъ, если тѣ и другiя считать отдѣльно, а именно: въ прошломъ году разнаго рода распивочныхъ заведенiй было 90,865, а нынѣ ихъ открыто только 33,653; наоборотъ, заведенiй съ продажей только на выносъ въ прошломъ году было 6,973, а въ нынѣшнемъ открыто 39,104. Такое уменьшенiе числа первыхъ и увеличенiе вторыхъ произошло по всѣмъ губернiямъ, кромѣ одной Петербургской, въ которой увеличилось какъ общее число заведенiй съ 696 до 896, такъ и распивочныхъ—съ 396 до 534; это увеличенiе произошло только въ селенiяхъ Петербургской губ.

Но не смотря на значительное уменьшенiе общаго числа заведенiй съ раздробительной продажей вина, акцизный сборъ съ вина за первые два мѣсяца нынѣшняго года, противъ тѣхъ же мѣсяцевъ прошлаго года, въ общей сложности по всѣмъ 47 губернiямъ, не только не уменьшился, а даже увеличился, хотя и незначительно, а именно на 469,001 р., въ первые два мѣсяца прошлаго года изъ этихъ губернiй поступило въ казну акциза немного болѣе 30 милiоновъ, а въ нынѣшнемъ нѣсколько болѣе 30½ мил. руб.

Такъ какъ общее число заведеній для продажи питей уменьшилось противъ прошлаго года, то долженъ былъ уменьшиться и патентный сборъ съ этихъ заведеній. И онъ дѣйствительно уменьшился на десятую часть, а именно на 1,361.022 р., въ первые два мѣсяца прошлаго года поступило патентнаго сбора 13,547,206 руб., а въ тѣ-же мѣсяцы нынѣшняго года—12.186,238 руб. Въ теченіе года, съ открытіемъ новыхъ заведеній, этотъ сборъ вѣроятно нѣсколько увеличится.

— Недавно изданъ законъ объ устройствѣ во всѣхъ тюрьмахъ мастерскихъ для арестантовъ. На основаніи этого закона мастерскія начинаютъ уже устраиваться. Всѣ необходимые расходы какъ по устройству мастерскихъ, такъ и по производству работъ отпускаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ общаго тюремнаго капитала. Чтобы заинтересовать арестантовъ въ успѣшномъ ходѣ работъ, министерству внутреннихъ дѣлъ предоставляется утвержденіе размѣра довольно значительной задѣльной платы за произведенныя работы. Деньги отдаются арестантамъ по окончаніи срока заключенія. Для сбыта издѣлій, произведенныхъ арестантами, предполагается пріемъ заказовъ и продажа готовыхъ издѣлій. Въ мастерскихъ обязаны работать всѣ арестанты, за исключеніемъ неисправныхъ должниковъ и приговоренныхъ къ краткосрочнымъ арестамъ. Главное тюремное управленіе предписало губернскимъ тюремнымъ комитетамъ не позже 1 іюля настоящаго года представить ему проектъ организаціи въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ заключенія ремесленныхъ и другаго рода мастерскихъ.

Законъ объ организаціи правильнаго и производительнаго труда въ мѣстахъ заключенія будетъ имѣть плодотворное вліяніе на громадное населеніе русскихъ тюремъ. Благодаря этому закону, тюрьма перестанетъ быть разсадникомъ праздности и нравственнаго разстлѣнія.

— Въ текущемъ году, по словамъ „Новороссійскаго Телеграфа“, на югѣ Россіи появилось большое количество вредныхъ насѣкомыхъ. Такого множества насѣкомыхъ разнаго вида давно уже не запомнятъ наши хозяева. Одесская энтомологическая комиссія отовсюду получаетъ образцы различныхъ личинокъ, бабочекъ, гусеницъ, жуковъ; эти образцы наглядно показываютъ, какое множество враговъ угрожаетъ полямъ Новороссіи. Херсонская губернская управа прислала энтомологической комиссіи нѣсколько личинокъ, которыя оказались, по изслѣдованіи, личинками *травяной моты* (Crambus). Это весьма опасный врагъ для хлѣбовъ. Лѣтъ шестнадцать тому на-

задъ травяная моль произвела большія опустошенія въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. Нѣкоторые хозяйства остались тогда и безъ хлѣба, и безъ сѣна. Во многихъ мѣстахъ Херсонской губерніи появился шелкоунъ (*Agriotis striatus*). Въ Тираспольскомъ уѣздѣ хлѣбныя поля были значительно повреждены личинками шелкоуна. Близъ Одессы, на городской землѣ, хозяйства замѣтили, что ячмень отчего-то портится. По изслѣдованіямъ г. Видгальма оказалось, что вредъ наносится двумя насѣкомыми, которыя не наблюдались еще никѣмъ въ сколько-нибудь значительномъ числѣ. Одно изъ этихъ насѣкомыхъ — личинка мухи (*Hydrellia*) давно извѣстная въ Европѣ. Личинка эта называется тамъ *ячменнымъ минеромъ*, такъ какъ точитъ внутренность листа ячменя, оставляя нетронутою внѣшнюю оболочку. Другой врагъ — гусеница маленькой бабочки изъ *psychil*; она обгрызаетъ всю верхнюю часть листа ячменя и продырявливаетъ листья. Гусеница эта свернута въ улиткообразный мѣшечекъ и покрыта землей. По отзыву г. Видгальма, поврежденія, причиненныя этими насѣкомыми, замѣчены лишь на небольшомъ пространствѣ, но довольно значительны.

— Опыты прививки овцамъ сибирской язвы, предпринятыя профессоромъ Харьковскаго университета Л. С. Ценковскимъ, получаютъ, какъ сообщаетъ „Южный Край“, все большее распространеніе; въ настоящее время херсонскій землевладѣлецъ г. Скадовскій, воспользовавшись вакцинами профессора Ценковскаго, производитъ опыты въ обширныхъ размѣрахъ въ своемъ имѣніи Вѣлоозерѣ; г. Скадовскій съ весны успѣлъ уже привить сибирскую язву новой партіи овецъ, всего въ двухъ стадахъ 4,500 головъ. Въ одномъ изъ этихъ стадъ, состоящемъ изъ 1,800 овецъ, слѣланъ имъ частный контрольный опытъ, именно заражены кровью овцы, павшей отъ сибирской язвы, 18 привитыхъ овецъ и 2 непривитыхъ. Результатъ получился слѣдующій: 18 привитыхъ остались живы послѣ зараженія ихъ, а двѣ непривитыя пали со всѣми признаками сибирской язвы. Въ настоящее время производится контроль втораго стада въ 2,700 головъ. Заражены кровью 15 привитыхъ овецъ и одинъ непривитый козель. Въ виду того, что это второе стадо прививалось тѣми же вакцинами, что и первое, г. Скадовскій убѣжденъ въ успѣхѣ и этого контроля.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

Послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни напутствованный Св. таинствами Церкви 4 іюня сего 1886 года скончался священникъ Николаевской церкви заштатнаго города Чугуева Дмитрій Александровичъ Ястремскій, на 56 году отъ рожденія.

Покойный отецъ Дмитрій окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1853 году, а 10 февраля 1854 года рукоположенъ во священника къ Казанско-Богородицкой церкви, слободы Пристенна, Купянского уѣзда; по прошенію перемѣщенъ, 12 іюня 1867 года, къ Покровской церкви заштатнаго города Чугуева, а 12 ноября 1878 года по прошенію перемѣщенъ къ Николаевской церкви того же города Чугуева.

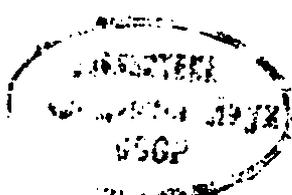
Покойный отецъ Дмитрій проходилъ слѣдующія должности: 1) помощника благочиннаго по 1 округу Купянскаго уѣзда съ 29 августа 1857 г. по 14 мая 1864 года; 2) депутата по тому же округу съ 1864 года по 12 іюня 1867 года; по 1 округу Зміевского уѣзда съ 14 іюня 1881 г. по 4 іюня 1886 года, по день смерти; 3) законоучителя: а) въ Пристенскомъ народномъ училищѣ съ 29 марта 1862 года по 12 іюня 1867 г.; б) въ Чугуевскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ съ 1870 года по 1880 годъ, в) 6-й батарея 9-й артиллерійской бригады съ 1878 по 1880 годъ; е) народнаго училища, состоящаго въ городѣ Чугуевѣ въ Николаевскомъ приходѣ, съ 13 сентября 1879 года по 4 іюля 1886 г., по день смерти.

Покойный отецъ Дмитрій награжденъ: набедренникомъ 16 августа 1856 года, а 13 апрѣля 1881 года Всемилостивѣйше награжденъ бархатною фіолетовою скуфіею.

Въ семействѣ покойнаго отца Дмитрія остались послѣ его смерти: жена и четверо непритроенныхъ дѣтей. Все имущество покойника заключается въ деревянномъ домѣ съ надворными постройками.

Чинъ священническаго погребенія, послѣ Божественной литургіи, совершенъ былъ мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи 6 священниковъ и 2 діаконовъ. Надгробную рѣчь во время погребенія сказалъ полковой священникъ квартирующаго въ городѣ Чугуевѣ полка, о. Павелъ Москвитинъ.

Отдать послѣдній долгъ усопшему собрались жители со всѣхъ приходоѡ г. Чугуева, такъ что церковь не могла вмѣстить молящихся.

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

(въ Москвѣ въ зданіи синодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Св. Синода)

поступили въ продажу:

МОЛИТВОСЛОВЪ ГЕРЕЙСКІЙ

цер. печ. въ 16 д. изд. слб. синодальной типографіи, въ сафьянѣ 2 р., въ бум.
1 руб. 40 коп.

V ТОМЪ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ,

(на французскомъ языкѣ). Соч. священника В. Гетте. Цѣна 3 руб.

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ТОМА ОЗНАЧЕННАГО СОЧИНЕНІЯ.

по 3 руб. за каждый томъ.

Размышленіе о сравнительномъ достоинствѣ въ отношеніи
языка, разновременныхъ редакцій, церковно-славянскаго пе-
ревода Псалтири и Евангелія.

Церков. и гражд. печ., въ 16 д. л., изд. слб. синодальной типографіи. Цѣна въ
бум. 40 коп.

ОКТОИХЪ НОТНАГО ПѢНІЯ.

Изд. моск. свн. тин. 1885 г., ц. п. съ кинов. въ 4 д. л., въ кожѣ 1 р. 40 к.,
въ бум. 1 р. 5 к.

По новой пониженной цѣнѣ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИН. СВ. ДИМИТРІЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО.

Въ 5 том., ц. п. въ 8 д. л., въ кожѣ 5 р. 50 к., въ корешкѣ 4 р. 50 к., въ
бумажкѣ 3 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій св. Тихона.

епископа Воронежскаго, съ приложеніями двухъ изображеній святителя и его ав-
тографа, въ 5 т. гр. п. въ 8 д. л. Въ кожѣ 7 р., въ кор. 6 р., въ бум. 5 р. 50 к.

Съ разрѣшенія Св. Синода духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а равно бла-
готворительнымъ обществамъ, выписывающимъ синодальныя изданія не для тор-
говыхъ цѣлей, а въ видахъ благотворительнаго снабженія таковыми изданіями на-
рода по возможно дешевымъ цѣнамъ, дѣлается 10% уступка, съ даровою пере-
сылкою книгъ, но съ тѣмъ чтобы таковыя требованія дѣлаемы были за наличныя
деньги и при томъ на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ; книгопродавцамъ
же, а равно и прочимъ мѣстамъ и лицамъ, при покупкѣ синодальныхъ изданій за
наличныя деньги и на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ, дѣлается 10%
уступки, безъ даровой пересылки.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части — изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать намечанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, или будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.